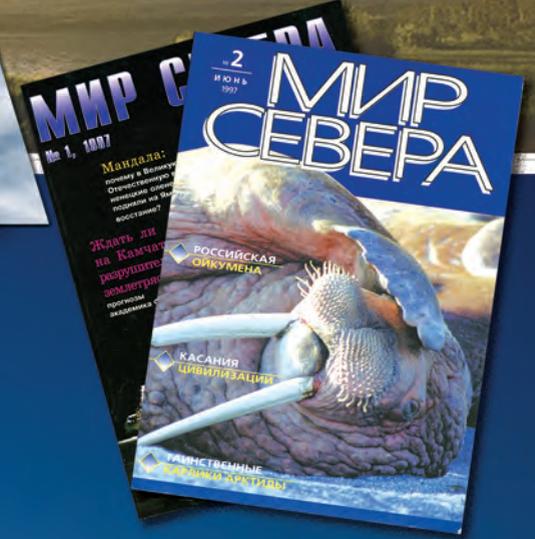


**XX ЛЕТ
С ЧИТАТЕЛЯМИ
1997-2017**

№ 2 / 2017

МИР

СЕВЕРА



**Загадки
Красного озера**

**Мы познакомились
на Колыме**

В устье реки Сось

**Рыцарь
казачьего
круга**

**Блестящая победа
Сражение на Чудском озере**



Не забудьте сходить на почту и подписаться на журнал «Мир Севера»!

Олег ХИМАНЫЧ

Сквер Конецкого

«Архангельск – город дерева, целлюлозы, судов и рыбы»,

– так начинает Виктор Конецкий четвёртую главу своей повести «Завтрашние заботы». Речь о городе конца пятидесятых, и эта первая фраза, кстати, схожа с той, что вошла в народ примерно с той же поры: «Архангельск – доска, треска и тоска»... И дальше по Конецкому: «Лучший ресторан в Архангельске – «Интурист». В «Интурист» теперь без галстуков не пускают...».

Мало уже кто помнит Северную Двину без железнодорожного моста в Архангельске. А я помню. В конце пятидесятых мост ещё только намечали строить. Поезда прибывали на Левый берег – туда, где сейчас уцелели несколько стальных веток, тупиков и пакгаузов. Там был и вокзал. Приезжий люд, высыпав из вагонов, бодро уст-

ремлялся в узкое пространство между двух высоких дощатых заборов – спешил на речную переправу. Сразу после войны и затем пару десятков лет держал её небольшой опрятный пароходик «Москва». Народ быстро заполнял его палубы, пароходик гудел, сипел паром, обдавал дымом и отчаливал. Пассажиры обычно смотрели с левого борта и тогда видели дома и постройки Архангельска. Я же с любопытством глазел в другую сторону – туда, где у Краснофлотского острова белело скопище корабликов. Не пароходов-лесовозов, которых в те годы немало принимал порт, а множество небольших по морским меркам барж-самородок, сейнеров, танкеров и буксиров...

Здравствовал тогда Фёдор Васильевич Наянов – флагман арктических экспедиций, какие перегоняли из европейской части к устьям сибирских рек те самые кораблики. В ожидании его приказа

*Современный архангельский порт. Даже летом порой пустуют причалы аванпорта Экономия.
Фото Олега Химаныча*



**СЕВЕРА**

02 (108), 2017

издаётся с 1997 года

XX лет
с читателями

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Шеф-редактор
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва),
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва),

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Александр ДОРОФЕЕВ

Обложка:
1 стр. - Среди льдов. Фото Krichevsky
2 стр. - Фото из архива Н. Богачёвой,
Aleksandr Bergan
3 стр. - Фото Peter Ellis, Joe Capra
4 стр. - Над голубой планетой проплывая.
Фото МКС

Подписано в печать
14 апреля 2017 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6
Тел./факс: 8(495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ № 505-к

– Кто такие эскимосы? – спрашивает Валька.
– Передовой дозор человечества
по дороге на Север, – отвечает Виктор.

Олег Михайлович Куваев
«Зажгите костры в океане»

Содержание:



01 КУДА ПЛЫВЁТ ПЕРВЫЙ ПОРТ РОССИИ

Олег ХИМАНЫЧ.
Сквер Конечного

10 УРОКИ ЧУКОТСКОГО

Александр ЧЕРЕВЧЕНКО.
Загадки Красного озера



18 КАМЧАТСКАЯ САГА

Иван МЕДВЕДЕВ.
Рыцарь казачьего круга

21 БЕСКОНЕЧНО ЛЮДИМЫЙ ПОЭТ

Виктор КУЗНЕЦОВ.
Мы познакомились
на Колыме



25 АЗАРТ

Леонид БАБАНИН.
В устье реки Сось

28 БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА

Вадим КУЛИНЧЕНКО.
Сражение на Чудском озере



30 СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

Игорь КОХАНОВСКИЙ.
Меж нами были вёрсты, мили

73 В ГОСТЯХ У ПОМОРОВ

Владимир ЛИЧУТИН.
Уха на Мезени

они робко покачивались на рейде у Краснофлотского. Всякое лето набиралась их целая флотилия, и позже экспедиции так и нарекли наяновскими. Вот в их составе и бывал в Архангельске молодой штурман Виктор Конецкий. Но об этих его странствиях узнал я много позже.

В шестьдесят втором увидел «Путь к причалу» и «Если позовёт товарищ», – фильмы, берущие за душу и сегодня, и тогда же «Полосатый рейс» – не стареющую по сей день комедию. Однако не сразу узнал, что сценарии всех трёх писал всё тот же Виктор Конецкий. И теперь понимаю, вошёл он в мою жизнь постепенно и прочнее прочного ещё в ту раннюю пору, и как ни странно, не только с кадрами кинокартин, но и «кораблями» у острова Краснофлотского...

Потом и в моей жизни был Севморпуть, которым Виктор Конецкий ходил многократно. Его трудным арктическим вахтам мой скромный опыт далеко не ровня, но и здесь наши линии снова пересекались, а однажды мы даже шли с ним в соседних караванах. И были уже читаны-перечитаны «Наш кок Вася», «Огни на мёрзлых скалах», «Островок», «Камни над водой», «Завтрашние заботы» и многое из того, что ныне называют ранним его опытом. Но и тогда, и позже всякий раз я удивлялся, насколько образ у Конецкого краткий, но ёмкий. И точный! Он умел увидеть его даже на ходу...

«По правому борту открывался берег – мыс Шелагский, чёрный, морщинистый, чёрствый...» – так Конецкий пишет. Не ходил я у мыса Шелагского, но такие же чёрные морщинистые, чёрствы берега видел, – и на Вайгаче, и в Югорском Шаре, и у Северной Земли. Видел, и глубоко мне запало – «чёрные, морщинистые, чёрствы» –

ведь иначе и не сказать! И как же пронзительно знакомо: «Скрипучие стоны замерзающего моря»... «Дымный огонь прожекторов ледокола»... «Море в панцире шевелящихся льдин»... «Ракетница тяжёлая, молчаливая и холодная, как рыба»... «По свинцу вод – розовые размытости. Гористосопочные берега на фоне закатных полыханий угольно-чёрные»... Или вот: «Солнце над Новой Землёй. Оно совсем белое, а берега бредут на его фоне понурыми призраками»... «По синему морю Баренца течёт бело-холодное мерцание полночного светила. И я вспоминаю Ломоносова»...

А я вспоминаю Виктора Конецкого, как он писал об Архангельске. Скажем, о главном его природном чуде:

«Была белая ночь, была серая листва деревьев, их чёрные морщинистые стволы и запах сырости и опилок. И, как во всех портовых городах, ощущение того, что где-то близко море – длинный и широкий простор. Каждая антенна над крышами видна чисто и ясно. Несколько сизых, узких, острых туч над самым горизонтом за крышами, совсем неподвижных. Фонари зачем-то горят, но светят куда-то внутрь своих колпаков»...

О привычных нам скопищах плотов на Кузнецихе:

«Голые, без коры, брёвна, скреплённые ржавыми скобами и лохматыми стальными канатами, тихо поскрипывали. У осклизлых брёвен плескала острая волна. Вечереющее солнце взблёскивало на воде, листва тополей на берегу почернела от красноватых лучей солнца...».

В аванпорте Экономия конца пятидесятых Конецкий присмотрел: «Река, от которой пахло мазутом»... «Огромные, ржавые туши нефтебаков»...



В 50-х в Архангельске было разбито немало сквериков. Скамейки и «малые архитектурные формы» – неперенный их атрибут. Фото из архива Олега Химаньча

Когда встречаюсь с читателями в Архангельске, непременно спрашиваю: «Читаете ли Виктора Конецкого?» В ответ обычно молчат, иногда, правда, тихо, стесняясь: «Кто такой?»...

Мне же помнятся дни, когда моряки – без разницы военного или торгового флота – считались особой и пристрастной кастой читателей. И, к слову, немало для этого сделал и Виктор Конецкий, которого они признавали не просто морским писателем – своим братом-моряком, товарищем. Я ещё успел застать время, когда на каждом теплоходе Северного пароходства имелась библиотека. И тех доброхотов, кто заботился, чтобы она чаще обновлялась. И частые случаи, когда моряки перед рейсом запасались ещё и другими книгами, несли их в свои каюты стопками-связками.

Говорят, сейчас книг не читают. Даже моряки. Прискорбно...

А моря не видать...

Архангельск был городом отважных мореходов. Был! Отсюда ещё в XVIII столетии уходили в Ледовитый океан служивые люди Великой Северной экспедиции, а позже и полярный адмирал Фёдор Литке, и полярный гидрограф Михаил Рейнеке. Будущий адмирал и герой Севастополя Павел Нахимов принимал на здешней Соломбальской верфи корабли, а Михаил Лазарев – тоже будущий адмирал, взяв под командование свой «Крейсер», повёл его вокруг света. А позже, уже на 74-пушечном «Азове», снискал славу русскому флоту в Наваринском сражении. Неистовый Пётр Пахтусов, дерзкий Георгий Седов, бесстрашный Владимир Русанов – имена из далёкого прошлого. Но и примеры из века двадцатого есть – капитаны Владимир Воронин, Андрей Пинежанинов, Павел Пономарёв...

Много интересного и даже ценного хранят старые любительские фото. Не так давно попались мне снимки – лихтер «Бея», 1956 год – делал их кто-то из его команды. Волна такая, что на ней буксиришко, как поплавок, на воде скачет, а сам лихтер в грузу – упругую волну скуластым носом роет. Это ли не каждодневное мужество – сутками телепаться в такой шторм на лихтерах – несамоходных и слабоуправляемых посудинах, на привязи за буксиром, у которого всего-то 800 сил?! А что мы знаем об этих людях?! Чем звало их жестокое море? Как жилось им? Каковы их судьбы?

Похоже, мало кому это сегодня интересно. Или только избранным?

В своё время по просьбе профессора Владимира Николаевича Булатова пытался я подвинуть пароходство на книгу об архангельских спасателях и водолазах (причём с века XIX и по наши дни). Не получилось. Видимо, акционерам ОАО «Северное пароходство» своя история не нужна! Снуют по этажам офиса белые воротнички – «менеджеры», моря не выдавшие, штормами непуганные, и всё у них на продажу. Ущербные люди! Работали в пароходстве, а выйдут на пенсию, и нечего им будет о море внукам рассказать. Хотя, наверное, у них и внуки такие же недалёкие потребители жизни, плюс – Иваны не помнящие родства.



Виктор КОНЕЦКИЙ. Фото из архива Олега Химаньча

А настоящих архангельских моряков мне жаль – ничего-то о них толком не написано...

Не устаю восхищаться, с каким трепетным чувством увидел Архангельск давний и многолетний друг Виктора Конецкого – Юрий Казаков, мастер русского рассказа. Между прочим, не помор и не моряк, вообще – москвич по рождению да и по месту постоянной прописки. И всякий раз удивляюсь: почему за четыре столетия ни один из наших поморских литераторов так писать не сумел?! Больше того – почему Архангельск за всю свою историю так и не дал России ни одного известного флотского писателя?! Это вне моего понимания!

Но и сегодня об океане и моряках архангельские литераторы не пишут. Если не считать поэтов, которые морем в основном с берега любуются. С коллегами по Союзу писателей, случается, по этому поводу ссорюсь. Однажды в сердцах сказал: ничего вы, кроме огородов и лесопилки, не видите, поморами зовётесь, а моря в упор не разглядите...

Обиделись.

Но вот пишет мне учительница Анна Ивановна Правилова: «Архангельску несколько лет назад заслуженно присвоили звание «Город воинской Славы». Заслуженно! Поэтому очень жаль, что в своём творчестве архангельские литераторы, заставшие войну и страшный послевоенный голод, так и не создали яркого художественного произведения об этом периоде. Прискорбно, что и писатели современные всерьёз не обращались к теме, которую Вы подняли. Всё у них деревня да деревня, избы да огороды, а про приполярный город, которому уже больше четырёх столетий, который считается первым морским портом России, который выстоял две Мировых войны, слов не находят. Наверное, слава земляка Фёдора Абрамова им спокойно жить не даёт».

Худо сегодня Архангельску без морской ауры. Растерял он её, и были на то причины. А первая из них – погром торгового флота в приснопамятные девяностые. И опять-таки местные члены Союза писателей, будто осторожничая, ушли от этой темы...

02 / 2017

«Продают пароход. Пароход продают...»

Зато стихотворение неизвестного автора (судя по несовершенству слога – непрофессионала) храню и сегодня. Этот тетрадный листочек ходил по рукам, когда Северное пароходство распродавало за границу свои корабли. А ветераны берегли тот листочек почти как страничку из святого писания...

*Продают пароход, Пароход продают.
И матросы по трапу уходят с вещами,
Унося свою жизнь из привычных кают,
Продают – потому что страна обнищала.
Обнищала страна? Как же так? Почему?
А не мы ли считались великой державой?
Но матросы уходят по палубе ржавой,
Не нужны они стали нигде, никому...
Обнищала страна? Да, конечно же, да!
Потому что ворьё прикормилось у власти,
Продадут пароходы, потом – города,
А потом – всю страну по частям на запчасти.
Продадут и сбегут. Мы останемся здесь,
Будем здесь вымирать терпеливо и гордо.
Будет нечего пить, будет нечего есть,
Будет некому плюнуть в продажную морду.
Но ещё ведь не поздно... Не поздно ещё
Одолеть в себе страх, побороть равнодушие,
И вора предьявить окончательный счёт,
Пока совесть у нас – это тоже оружие!
Продают пароход – мой последний приют...
«Да подумаешь, – скажете, – станет их меньше...».
Пароход – это что... Нас, людей, предают!
И людей продают, а ведь это похлеще...*

Кричали строки! А у людей – души! Да и сегодня не могут не кричать. Потому что в городе, избравшем своим брендом – «Архангельск – первый порт России», солидных морских кораблей почти не увидишь! Есть потешное, по сравнению с прошлыми масштабами, Северное пароходство. Есть Росморпорт с флотилией из четырёх ледоколов. Пока что держится база полярной гидрографии, бытуют лоцманская служба и сокращённый портофлот.

Морской ауры нет!

И речной ауры, по строгому счёту, нет тоже. Всё последнее десятилетие прошлого века Северная Двина катастрофически теряла свою природную мощь и ширь. В конце концов, главная водная магистраль Архангельской области стала непригодной для транспортной эксплуатации, река ныне работает от силы пару месяцев после весеннего половодья, да и то с ограничениями из-за бесчётных отмелей.

Летом 2014-го в Архангельске наблюдал знаковую и печальную картину – сюда с верховьев Двины притащили на буксире бывшего флагмана речного пассажирского флота – теплоход «Адмирал Кузнецов» (бывший «Индигоирка»). Девять лет судно отстаивалось в лимендском затоне под Котласом, наконец, его сочли нерентабельным и решили продать «богатенькому Буратино», пожелавшему остаться неизвестным. В Архангельске тогда теплоход готовили для перехода в Беломорск и далее – по системе рек и озёр России – в Москву. И начало этой буксировки «Адмирала Кузнецова», по сути, совпало с празднованием 110-летнего юбилея легендарного главкома ВМФ СССР Николая Герасимовича Кузнецова, уроженца Архангелогородчины.

Символично.

Архангельск начала 60-х. Проспект имени Павлина Виноградова. Трамвай. Здание областной почтамта. Сквер (в левой части снимка). Фото из архива Олега Химаньча



Портовый буксир «Прокатчик» у причала портового участка Бакарица. Ему так и не суждено было стать действующим музеем. Фото Олега Химаныча



К Ломоносову не прислушались

Очень памятен патриотический всплеск архангельской общественности в 1993 году – горожане, от простых домохозяек, пенсионеров и до учёных мужей, краеведов, журналистов, горячо обсуждали, как достойней отметить трёхсотлетие первого визита Петра I на Север. «Архангельск тоже «Град Петра» – под таким девизом рождалось множество инициатив, включая громадьё реставраций Соборной (Красной) пристани, Макаровских бань, Соловецкого подворья, монастырских причалов. Спорили, что более ценно восстановить в первую очередь – Новодвинскую крепость или же Гостиные дворы? А горячие головы предлагали создать музейно-коммерческий комплекс вокруг восстановленного домика, в котором якобы жил Пётр. Или заново отстроить дом экспедиции Георгия Седова в Соллобале...

Однако, может быть, потому и запомнился тот шквалистый порыв патриотизма 1993 года, что оказался он последним. Точку гражданской активности людей поставил молох ельцинских «реформ». Хотя, может быть, и не ельцинских, скорее гайдаровских – в конце концов, не Ельцин, а «рыночник» Егор Гайдар в ноябре 1993-го, выступая в Красноярске, во всеулышание заявил о нерентабельности Севморпути. Ему, кабинетному теоретику, бывший уральский прораб доверил экономику всей страны. Сдаётся мне, ни тот, ни другой не читали Михайло Ломоносова: «Богатство России прирастать будет Сибирию». А если и читали, то не придали значения словам по-

морского провидца. Вообще, непонятно, о каком перспективном видении Егора Гайдара постоянно талдычили нам так называемые либералы, если через считанные годы после его «и.о. премьерства» и вопреки ему экономика страны естественным образом стала разворачиваться как раз к заполярному шельфу и транспортному коридору вдоль северного побережья России.

Без центра притяжения

А что же Архангельск ныне – бывшие ворота в Арктику? По мере того, как на причалах Бакарицы и Экономии – издревле портовых вотчинах Арктикснаба – иссякали грузы, затихали и общественные инициативы связанных с морем горожан. Скажете, мол, это субъективный взгляд? Возможно. Но сегодня историков в городе – наперечёт, тех, кто специализируется на флоте и местных пароходствах, тружениках океанов – нет вообще! Чем не свидетельство?!

Музеи в Архангельске работают. Однако какие из них уверенно следуют тематике Севморпути? Музей художественного освоения Арктики имени А.А. Борисова да Северный музей мореплавания... С последним, к слову, долгие годы соседствовала установленная на Красной (Соборной) пристани деревянная шхуна «Запад». Хотя и любили называть её символом поморского мореплавания, но не берегли, а без должного присмотра горела она не раз, становилась прибежищем бомжей, как итог – сгнила, рассыпалась окончательно. Вот и Северный музей долгие годы напоминал мне корабль, выброшенный на берег. Наконец, у музея появился энергичный руководитель – Евгений Тенетов, а с ним и новые проекты,

Последние месяцы корабля-символа поморского мореплавания – шхуны «Запад» на Красной (Соборной) пристани: обрушились мачты, повержен рангоут, корпус сгнил... Фото Олега Химаныча



некоторые из них осмелюсь назвать даже авангардными. И странно, что валом народ на них не валит. Неужели отвыкли?

Знаю радетелей самобытной морской истории Архангельска. Из тех, кто первым на память приходит – Сергей Терентьев. О его затее в своё время много писали. Трудился в Архангельском порту буксир «Прокатчик». Таких паровиков в пятидесятых в Союзе построили немало, но «Прокатчик» держался крепьшом дольше других – до наших дней. Большинство его механизмов, и вот удача – даже паровая машина, находились в исправном состоянии. Сергей Терентьев предложил переоборудовать буксир в корабль-музей, точнее сказать – в кораблик-музей, если иметь в виду габариты «Прокатчика». Предложил и сам взялся за дело. Первое время ему помогали «сочувствующие» организации и ветераны – моряки, портовики. Хотели расширить помещения судна под экспозиции, но для начала полностью очистили и на два раза покрасили корпус буксира, заварили кингстоны, сняли винт и освидетельствовали по классу «стоечное судно». На первое время нашли деньги и на оплату стоянки у причала. Когда остро требовалось, Терентьев своих кровных не считал, так сказать, зарплатой вкладывался в идею. Но долго ли так протянешь?! А бесплатно обслуживать «Прокатчика» уже никто не хотел, и его, кстати, уже занесённого в списки «Морского наследия России», стали кантовать от одного причала к другому. Первому порту России идёт пятый век, а его символ и труженик «Прокатчик» музеем так и не стал – «морское наследие» разделали на металл.

Знаю и других архангельских подвижников краеведения: коллекционер Александр Сидоров,

исследователи Павел Веселов, Иван Паролов, кстати, по своей основной профессии причастные к морям. Интересные люди, незаурядные. Впрочем, таких вовсе не единицы. Но все разобщены! И сила притяжения друг к другу есть, да вот беда – центра притяжения нет.

А большинство архангельских, похоже, быт заел...

«Россия океанская»

Так озаглавил свой страстный очерк-воззвание Виктор Конецкий. Его опубликовали «Известия» в смутное время – 15 января 1992 года. Страну в те дни крушил крепкий шторм так называемой «демократии», а Виктор Викторович оказался в числе очень немногих, кто ещё крепко стоял на расшатанной палубе нашей литературы. Не только о нравственных началах флота российского – кодексе морской чести, морского братства говорил он в тот трудный час, но о многовековой причастности России к Мировому океану, какую даровал Господь, и которую большинство россиян так и не приняли...

Между прочим, «отвратить от морской темы» Виктора Конецкого одно время пытался А.И. Солженицын, субъективно признаваясь, что сам он «ощущает Россию, как страну сухопутную, даже не приморскую, а только приречную и приозёрную». Более чем удивительно было такое слышать из уст глобальной личности, какой считали Солженицына в девяностые. И Конецкий не без горечи размышлял: «Сила инерции проникает во все области жизни, материальной и духовной, и в искусство тоже, и от этого нередко складывается неверное впечатление о мире, о нашей истории,

стране. Например, в нашей литературе господствует исключительно континентальное мышление, и мироощущение наших граждан соответственно формируется континентальным. Не представляем мы Россию огромной приокеанской державой. Империей – да, представляли. А вот чтобы океанской – нет».

Архангельск, подхваченный той самой силой инерции, уже более четверти века плывёт в ту же сторону – от первого порта России к России «приречной и приозёрной»...

Порт Архангельска знал разные годы. Решительно принимал ветер в свои паруса у России молодой, на взлёте Северной войны и петровских деяний. Тогда Пётр I трижды посещал город, основал здесь первую в России государственную верфь. Правда, длился тот расцвет недолго – пока морскую торговлю по воле того же Петра не передали юному Петербургу. На Двине воцарилось затишье. Понадобилось сорок лет, чтобы уже Екатерина II вернула архангельскому порту равноправие в торговых делах. А затем снова штиль, павший с запретом на ввоз иностранных товаров через Белое море. И снова влёт – уже во втором десятилетии XIX века, когда военный флот строился и открывались торгово-пароходные сообщества. Но и новый застой следом – корабли не выдерживали конкуренции с железными дорогами. Как позже и новый подъём – уже с прицелом на Арктику...

Образно говоря, выразительную синусоиду можно вывести, толкуя о ходе архангельской истории, причём, как при царе, так и при Советах. А если так, то злободневен вопрос: когда, наконец, выберемся из низов, куда угодила Россия с ельцинскими «реформами»? Сколь долго ещё Архангельску жить не по морским представлениям Конецкого, а по сухопутным Солженицына?

Губернаторово дело

С руководителями постсоветскому Архангельскому краю не сказать чтобы везло, и это не только моё мнение. Особенно прогадала область с пришлым издалече Ильёй Михальчуком. И вроде бы до того, как явиться в Архангельск, работал он в Якутии, в проблемах северного завоза и Севморпути должен бы разбираться. Однако память о себе Михальчук оставил недобрую – даже намёка на поворот к лучшему от него так и не дождались...

С нынешним губернатором – Игорем Анатольевичем Орловым причастный к морю люд связывает надежды. Вероятно, оттого, что в кораблестроении он человек не новый. Часть жизни Орлов прошёл инженером на северодвинской «Звёздочке», ремонтировал подлодки, вёл экспортные заказы, а потом работал в Калининграде, на Прибалтийском «Янтаре», который и сегодня строит ракетные фрегаты и крупный вспомогательный флот.

Помню Игоря Анатольевича корабелом, а последний раз мы встречались в редакции «Вечернего Северодвинска», был он уже в ранге губернатора.

Как не задать ему вопрос о подступах к Севморпути? Его предшественники, кстати, тоже о ближней Арктике говорили. Иногда. И заученными словами о строительстве глубоководного порта в гавани у острова Мудьюг, о Белкомуре – стальной магистрали, которая связала бы Приуралье с Белым морем... Порой это походило на заклинания во спасение. Но не было дел!

Мои вопросы Игорю Анатольевичу были о некогда мощной цитадели на Севморпути, а ныне опустошённой Амдерме, о мелеющем год от года судовом ходе Северной Двины. И не случайно: газета «Корабельная сторона», которую редактирую, уже много лет об Арктике пишет. К тому же свой личный опыт странствий по Севморпути и на Русском Севере имею, многое видел своими глазами.

Губернатор ответил, и впечатление осталось – информацией он владеет, в экономической подоплёке сведущ, а главное – возможности решенный видит. Таким вышло начало нашего разговора. Однако на том арктическая тема себя не исчерпала – многие из перспектив области, как и собственные надежды, Игорь Анатольевич связывал с Международным Арктическим форумом (он тогда ещё только планировался), и говорил губернатор убеждённо, мне показало, даже увлечённо. О том, как свести на одной дискуссионной площадке политиков и предпринимателей, увлечь их богатством северных территорий и шельфа, сделать такие встречи традиционными, скажем, раз в два года...

А уже месяцем позже – 29–30 марта Международный Арктический форум состоялся. В Архангельске! Участники – известные политики, включая президентов России, Финляндии, Исландии, министры, руководители ключевых ведомств, крупные предприниматели. Гостей – за две тысячи человек! Сделаны важные политические заявления, а в продолжение их подписаны миллиардные контракты с иностранными инвесторами и компаниями, а также с российскими Газпромом, Роснефтью, РЖД, Роскосмосом... И область, и сам Архангельск не остались на обочине этих перспектив и соглашений. Хотя, возможно, не всё из задуманного удалось, главное – появилась и живёт идея, начато конкретное дело.

Верный курс, хотя и по штормовым волнам, взял губернатор. Удачи ему!

«Листва клёнов уже желтела...»

В 1964-м Виктор Конецкий, в тот год штурман речного самоходного транспорта №760, построенного в ГДР, один из моряков наяновской экспедиции и уже набирающий силу литератор, поджидал в Архангельске перегонные суда с Дуная. Та стоянка у Краснофлотского выдалась бездеятельной и монотонной. Далее по Конецкому: «Я только единожды без служебной надобности съездил на берег. На берегу купил бутылку вина, с десяток газет и журналов и расположился впитывать новейшую информацию в сквере недалеко от улицы Павлина Виноградова...»

02 / 2017



Губернатор Архангельской области Игорь ОРЛОВ в гостях у «Вечернего Северодвинска». Серьёзный разговор о Международном Арктическом форуме, перспективах Севморпути и Архангельской области. Фото Владимира Ларионова-мл

О каком сквере речь? С кем из книголюбивых-моряков ни говорил, все сходятся – сквер у перекрёстка нынешних проспектов – Троицкого и Вознесенского, мол, если судить по признакам, упомянутым в рассказе Конецкого. Похоже, и правда – там.

«Листья клёнов уже желтела, а тополя и липы были зелёные, но тусклые от городской пыли. Кусты шиповника окружали скамейку. В кустах стояла похожая на скворечник сторожка. К её стене прислонились лопаты и ломы. С улицы приглушённо доносился лязг трамваев и гудки машин. Никого в сквере не было, и я спокойно попивал вино и читал газеты, сидя на единственной скамейке, а по дорожке прыгали воробьи...»

Собственно, вокруг этой скамейки поначалу закрутились и сюжет, и мысль моряка и писателя Виктора Конецкого, чтобы затем появились его «Архангельские встречи». Кто герой повествования? Двое на скамейке: странноватый мужчина средних лет, который разговаривал то с белым котом, то с воробьями, на которых охотился кот...

И молодая женщина с книгой, одетая в лёгкий плащ с пуговицей, которая едва держалась на обшлагах... А на Краснофлотской переправе ещё одна встреча, с однокашником по морскому училищу Мишей Кобылкиным по кличке Альфонс – из тех несчастных, «которым не везёт с рождения во всём и до самой смерти». Даже если они и поставили целью всей своей жизни служение людям...

Вроде бы путевые заметки, почти дневниковые, когда просто житейские картинки взором наблюдателя. Но если внимательнее, есть в них и приметы времени – прошлого, настоящего, а порой предсказуемого будущего. Поведать о них умел и Виктор Конецкий, и люди его круга – как правило, пристрастные к морю и странствиям, чуткие к литературному слогу. Тем, кто читал «Северные дневники» Юрия Казакова, наверняка памяты его строки: «Архангельск – город, который начинает жить и у которого всё впереди». Оптимистично виделось писателю будущее Архангельска в начале шестидесятых. Но сильно и вовсе не в морскую сторону изменилась сегодня так называемая «столица Поморья». И это уже серьёзнее, чем отсутствие на улице Поморской ресторана «Интурист», куда, как подметил Виктор Конецкий, «без галстуков не пускают»...

Не так давно посетил тот самый сквер. Виктору Конецкому наверняка трудно было бы его узнать: обновлены ограды, по сути, заново разбиты и вымощены дорожки, нет ни глухих уголков, ни сторожки-скворечника. С десяток-другой отживших тополей, клёнов и лип пришлось спилить, выкорчевать, да и скамеек в сквере сменилось уже не одно поколение...

С улицы в сквер уже не доносится лязг трамваев – нет нынче знаменитых архангельских трамваев – извели их в пору губернаторства Анатолия Ефремова. Зато с проспектов ясно слышится шум автомобильной сутолоки...

Сюда могли бы доноситься и протяжные басы корабельных гудков с Двины, но вот беда – на архангельских рейдах, как и у грузовых причалов, пусто, и давно, и много лет. Порт зачах, всякий приход сюда крупного судна чуть ли не праздник.

А из фольклорного – «Архангельск – доска, треска и тоска» сегодня можно смело изъять «треску», поскольку о прежних её уловах помнят лишь старики. По тому же поводу иные продолжают шутить, мол, остались в Архангельске – доска в ограниченном количестве и тоска, но уже без границ...

В сквере у перекрестия переименованных проспектов ещё остаются старинные деревья, в большинстве – тополя – высоченные, утяжелённые широкими кронами, со стволами, снизу тронутыми зелёным бархатом мха. Уж они-то наверняка помнят и Виктора Конецкого, и ту сторожку, и ту скамейку...

Скамейки в нашей жизни порой много значат. Иные из них, те, что чаще в укромных местах, кажется, будто созданы для глубоких размышлений. Вот и у Виктора Конецкого была такая скамейка. В архангельском сквере. Перед трудной дорогой в Арктику.

Анадырский порт



ЗАГАДКИ КРАСНОГО ОЗЕРА

В сентябре 1978 года, будучи собкором дальневосточной «морской» радиостанции «Тихий океан» по Магаданской области, я прилетел в Анадырь. Предстояло сделать несколько сюжетов про Анадырский морской торговый порт и рыбозавод, расположенный на противоположном берегу лимана. Но как это часто случается в журналистской практике, меня здесь ждали куда более увлекательные сюжеты. Которые, впрочем, едва не стоили жизни мне и моим спутникам. Наутро после прилёта мне в гостиничный номер позвонил Женя Рожков – тогда совсем ещё молодой прозаик, дебютировавший книгой рассказов «Дикий зверь кошка». Мы потом частенько общались с ним посредством Интернета. Но несколько лет назад моего друга не стало. А тогда...

– Сань, сегодня после обеда в Усть-Белую и в Марково отходит сухогруз «Космонавт Комаров». С остановкой в Краснено. Неподалёку от этого селения размыло старинный погост дежнёвских казаков, которых атаман оставил там по пути в Анадырь для строительства острога. Тебе будет о чём написать. Кроме того, в Краснено – единственное в России месторождение обсидианов. Ну и сетку поставим, чиров на уху добудем, отдохнём по-людски... Ты хорошо знаком с руководством порта. Попроси, чтобы нас взяли на «Комаров», тебе не откажут. Да, рядом со мной тут Женя Берлинг – тоже просится в экспедицию...

Сотрудник местной газеты Женя Берлинг считался весьма способным журналистом «районного масштаба», хотя на полном серьёзе держал себя за литератора, мастера устного жанра – кем-то вроде Ираклия Андроникова. В подпитии он любил представлять в лицах одну и ту же историю про литовскую поэтессу Соломею Нерис, которая якобы тянула срок на Колыме. Получалось у него неплохо, если не принимать в расчёт то обстоятельство, что Нерис не только не была репрессирована, но наоборот – после публикации её хвалебной поэмы о Сталине пользовалась всеми льготами придворных писателей. Женя относился к разряду так называемых «городских» северян. Тех, что живут на северах десятилетиями, но и понятия не имеют, что такое тайга и тундра, потому что выбирают туда только как экскурсанты или на пикничок. А город – он и на

Колыме и на Чукотке всё равно город, пусть даже с поправками на местные условия быта. До Анадыря Берлинг несколько лет так же безвылазно прожил в колымском городе Сусумане, за что в пишущей среде получил прозвище Сусуманг. За последние десятилетия я не имел о нём никаких сведений и лишь недавно узнал, что жив-здоров курилка. Недавно Евгений Берлинг прославился тем, что добровольно сел в тюрьму г. Фербенкса на Аляске. С целью сравнить условия жизни, лечения и отдыха американских зеков с условиями в российских тюрьмах. В американском узилище ему понравилось.

Впрочем, я отвлёкся. Короче, я тут же связался с начальником Анадырского торгового порта, переговорил с капитаном, Виктором Фёдоровичем (фамилия, увы, вылетела из головы), и в три часа пополудни мы уже сидели в каюте и терпеливо ждали, когда судно войдёт из лимана в реку и капитан сможет принять участие в нашем импровизированном застолье. От Анадыря до Краснено по реке около 200 километров. Селение расположено на берегу самого большого на Чукотке озера Красного, образовавшегося в давние времена в результате активной вулканической деятельности в этой части полуострова. Отсюда и обсидианы – коллекционные и поделочные камни, представляющие собой ни что иное, как вулканическое стекло.

Река Анадырь по площади бассейна более чем вдвое больше Даугавы и судоходна в нижнем и среднем течении на протяжении 570 км. Краснено расположено в 180 километрах от окружного центра. Но вся сложность судоходства по этой тундровой реке состоит в том, что навигационно она никак не оборудована. Во всяком случае так было в те, 70-е, годы. Под действием течения рельеф её дна постоянно меняется, на местах вчерашнего фарватера сегодня запросто может возникнуть банка, т.е. мель. В таких условиях штурману приходится вести судно с предельной осторожностью, постоянно промеряя глубины фарватера. Но и эти меры предосторожности не гарантируют судоводителю полной безопасности плавания. Что мы испытали на себе в ту же ночь – «Космонавт Комаров» сел на мель вскоре после выхода из лимана, и нам пришлось ждать большой воды, т.е. прилива, чтобы продолжить рейс.

02 / 2017

Грустные истории о пушной фактории

В Краснено «Космонавт Комаров» прибыл примерно через сутки. Причала, конечно, там отродясь не было, с борта теплохода спустили длинные сходни без лееров, прогибавшиеся на полметра при каждом шаге, но мы всё-таки умудрились не свалиться в воду и благополучно приземлились на песчаном берегу. «Космонавт» тут же убрал сходни, издал хриплый прощальный гудок и двинулся дальше вверх по реке.

Короткий полярный день стремительно шёл на убыль, к Дому приезжих, минуя редкие дощатые балки и яранги, мы подошли уже в сумерках. «Отель» в селении оседлых чукчей представлял собою обычный барак, разделённый сенями на две половины. В одной половине обитала заведующая – молодая ламутка с двумя сопливыми пацанятами, другая была заставлена кроватями с панцирными сетками. Ни матрацев, ни одеял, ни тем более белья в этом «отеле» не было. Зато весело потрескивали в печи дрова, под потолком в полнакала светила настоящая лампочка Ильича, а напротив и чуть наискосок призывно сияло окошко местного ТЗП – торгово-заготовительного пункта,

чукотского супермаркета образца 70-х годов прошлого века. И мы с Рожковым, побросав на панцирные сетки свои пожитки и спальные мешки, дружно двинулись на этот огонёк. Берлинг остался поддерживать огонь в очаге.

– Не забудьте купить свечи! – крикнула нам вдогонку хозяйка Дома приезжих. – Скоро движок остановят и света в селе не будет...

Но мы заранее знали, что небольшой дизельный генератор, освещавший посёлок, работает в режиме строгой экономии, поэтому свечами запаслись ещё в Анадыре. Нас интересовали совсем иные товары. Надо было пополнить запасы продовольствия, затариться выпивкой – на борту «Космонавта» мы истребили всё, что захватили с собой в дорогу, и купить настоящего чая – в чукотских ТЗП можно было найти любые индийские и даже китайские сорта этого волшебного напитка.

Тесное помещение торгово-заготовительного пункта было битком набито чукчанками, преимущественно молодыми. При нашем появлении они, отталкивая друг друга и истошно галдя, прижали нас к стене и стали совать в руки смятые купюры.

– Купи бутылку вина, возьми мне водки! – кричали женщины. Требование, мольбу, надежду

Судоходство на реке Анадырь



можно было без труда прочитать в раскосых чёрных глазах тундровых красавиц. Мы с Женей не ожидали подобного натиска и оторопело таранились друг на друга. Обстановку разрядил зычный бас заведующего ТЗП Семёна Чернецкого:

– Кончили базар! Водки они вам не купят. Это начальники из Анадыря и даже из самого Магадана! Расходитесь по домам! Иначе я расскажу вашим мужчинам, чем вы тут занимаетесь в их отсутствие.

При слове «начальники» чукчанок как ветром сдуло. Семён пояснил, что в Красноно осталась только женская часть его населения. Нерест лососёвых завершился, ястыки с красной икрой и рыба, добытая в реке и озере, сданы в ТЗП. Теперь продукция в леднике – ждёт «Космонавта Комарова», который на обратном пути из Марково транспортирует добычу рыбаков на рыбозавод в Анадырь. А мужчины ушли в оленье стадо – ждут первого снега и начала забойной кампании.

Мы поблагодарили Чернецкого за помощь и приступили к закупкам, уверовав в то, что теперь нам нечего опасаться актов агрессии со стороны местного населения. Рано мы успокоились. Как выяснилось, спасший нас от неминуемой расправы Сеня в то же время оказал нам медвежью услугу. Но об этом чуть позже. Сначала о самом Сене, его жене Деборе и собственно о ТЗП.

Торгово-заготовительные пункты на Крайнем Севере России – прямые наследники пушных факторий, которые на заре минувшего столетия создавали здесь американские негоцианты, а затем русские купцы. При советской власти вывеску сменили, но суть этих предприятий осталась прежней – меновая торговля. В обмен на пушнину, рыбу и другие охотничьи трофеи ТЗП снабжали местное население оружием, патронами, капканами и прочими орудиями охоты и лова. За деньги здесь можно было приобрести табак, чай, сахар, конфеты, печенье и другие продукты. Особой популярностью у чукчей и эскимосов в те времена пользовались болгарские и венгерские фруктово-ягодные компоты, скупали их ящичками, успевай только завозить. А вот спиртное, т.е. «огненную воду», по советским законам, в обычные дни местному населению продавать строго запрещалось. Запрет снимался в дни национальных торжеств: кильвэй – праздник первого оленька, полъя – праздник кита, скат байдары – начало нового охотничьего сезона и пр. А также на Первомай и 7 Ноября. В связи с этим вспоминается старый анекдот. Корреспондент газеты спрашивает у чукчи: «Какие чувства вы испытывали до прихода советской власти на Чукотку?» «Цюство холода и цюство голода», – отвечает подготовленный агитатором к интервью чукча. «А после её прихода?» – интересуется корреспондент. «Цюство холода, цюство голода и цюство глубокой благодарности».

Так вот этим, по сути колониальным, бесправием с немалой выгодой для себя пользовались некоторые заведующие ТЗП. В тундровой глуши, в условиях полнейшей бесконтрольности и

безнаказанности эти торгаши-кровососы действовали с большим размахом и фантазией. В итоге многие из них в начале 90-х годов прошлого века стали крупными бизнесменами, владельцами промышленных предприятий, приисков, нефтяных скважин. Но и тогда, 30 лет назад, они чувствовали себя хозяевами жизни, за счёт награбленных у коренного населения средств покупали себе квартиры в Москве и Питере, дорогие автомобили, строили виллы на Черноморском побережье, летали с семьями отдыхать на зарубежных курортах. Сеня Чернецкий и его жена Дебора, работавшая радисткой при ТЗП, были из их числа.

У хозяйчиков советских факторий на Чукотке было немало способов жульнического отъёма денег у коренного населения. Вот, к примеру, по селу поползли слухи, что вино и водку нельзя покупать «просто так», а с нагрузкой – можно. В одном случае «нагрузкой» служили ювелирные украшения. Купи золотой перстень – получишь право на бутылку «огненной воды». Деньги в тундре девать некуда, в каждой чукотской семье их скапливалось, как правило, предостаточно. Покупали золото в нагрузку к водке, причём в массовом порядке, всё село перепивалось в стельку и засыпало мёртвым сном. А Дебора тем временем прочёсывала яранги и подбирала золотишко, о котором, пробудившись, никто из чукчей и не вспомнил. Ведь чукотские и эскимосские женщины спокон веков сами мастерят себе великолепные украшения из мамонтовых и моржовых бивней, оленьих рогов. Они прекрасные резчики по кости. А золото для них – бесполезный металлолом. Во всяком случае 30 лет назад было именно так.

Иной раз «нагрузкой» к спиртному становились... ковровые изделия. В конечном итоге они тоже безболезненно возвращались в закрома торгашей. Чукчи спят на оленьих шкурах, из неё же мастерят себе одежду и обувь. Только мех северного оленя обладает свойством не просто согреть, а аккумулировать тепло: каждая его ворсинка поля изнутри и как бы запаяна на кончике. То есть ковры, пусть даже самые что ни на есть персидские, в быту северных народов практически бесполезны, да и никакой эстетической ценности для них не представляют...

Митинг протеста разгневанных чукчанок

У крыльца Дома приезжих нас поджидала группа чукчанок, настроенных к нам явно недружелюбно, даже враждебно. Потрясая кулаками и тыча в нас пальцами, они по-чукотски вразной выкрикивали в наш адрес нечто похожее на проклятия. То есть мы с Женей Рожковым попали, что называется, из огня да в полымя.

– Вот что, милые дамы. Все мы в нашей комнате не поместимся. Предлагаю вам выбрать полномочных делегатов, и пусть они внятно изложат нам причину вашего всеобщего негодования, – предложил Рожков.

02 / 2017

Предложение было принято, три чукчанки вышли из толпы митингующих и молча прошли за нами следом в жарко натопленную комнату Дома приезжих. На могучей груди одной из них гордо поблёскивала «Медаль материнства» 1-й степени. Она и начала обвинительную речь:

– Здесь, в Краснено, могилы наших предков, здесь родились мы и наши дети, в том числе шестеро моих, – делегатка ещё больше выпятила грудь. – И мы хотим, чтобы дети наших детей и их дети, внуки тоже рождались на берегу Красного озера!

– Всё это, конечно, похвально, – сказал Женя Рожков. – Но мы-то тут при чём?

Второй Женя, Берлинг, колдовавший над чайной заваркой за спинами женщин, покрутил пальцем у виска. Дескать, спятили бабы, не иначе.

– От лица всех жителей села мы твёрдо заявляем, что переселяться в Анадырь не намерены! – отчеканила мать-героиня. Было видно, что ей не раз приходилось толкать речь на различных официальных мероприятиях и она неплохо овладела ораторским искусством. Да и по-русски говорила почти без акцента.

– Но мы и не собираемся вас никуда переселять! – воскликнул я.

– Так зачем вы сюда приехали?

Мои сбивчивые объяснения о казацких захоронениях и обсидианах делегатки восприняли недоверчиво:

– Мёртвые тела уже стали прахом, – возразила одна из них. – А камней всюду много, незачем было ехать в такую даль.

Действительно, захороненные в вечной мерзлоте тела умерших могут веками оставаться нетленными, но, соприкоснувшись с воздухом, немедленно окисляются и превращаются в пыль. Что же касается обсидианов, то втолковать чукчанкам, в чём их ценность и отличие от обычных камней, было пустой затеей.

– Вот что, – сказал Рожков. – Объясните толком, в чём дело. Возможно, мы сможем помочь вашей беде. Вот этот, – он указал на меня, – корреспондент из Магадана, а Женя Берлинг работает в окружной газете. Я писатель из Анадыря, вот моя книжка, гордо представился Женя Рожков и протянул женщинам экземпляр своего «Дикого зверя».

Выяснилось, что новый директор совхоза им. Ленина, расположенного в черте Анадыря, якобы решил ликвидировать его Красненское отделение и переселить жителей села на центральную усадьбу. Дескать, слишком дорого обходится совхозу завоз сюда соли. Уже на вертолёт прилетал в Краснено чиновник из сельхозотдела окрисполкома и около часа при закрытых дверях беседовал с заведующим отделением. О чём именно, доподлинно неизвестно, но скорее всего о переселении. О чём же ещё, других проблем у здешнего хозяйства нет. Ситуация и впрямь складывалась серьёзная.

Тем не менее, убедившись в том, что к ликвидации Краснено и переселению его жителей мы не имеем никакого отношения, женщины ожились, стали вести себя более раскованно и свободно. Мы пригласили их к столу, заглянула



Краснено сегодня

на огонёк и хозяйка нашего «отеля», уложившая спать своих сопливых отпрысков. Кавалерша «Медали материнства» Зина Кивьев сбегала к себе в ярангу и принесла кыкватоль – вяленую оленину. После двух-трёх рюмок немного захмелевшие гости вдруг запели по-русски, звонкими и чистыми голосами «Ох, мороз, мороз, не морозь меня! Не морозь меня, моего коня...» Было странно и даже немного жутковато слышать эту древнюю казачью песню из уст чукчанок в старом бараке, за окошком которого на сотни километров во все четыре стороны простиралась окутанная доисторическим мраком бескрайняя чукотская тундра, седых мхов которой отродясь не касались конские копыта. Откуда она взялась в этих краях? А может быть, её три столетия назад завезли сюда лихие сподвижники Семёна Ивановича Дежнёва – те, чей прах ныче был развеян ветром над студёными водами Красного озера?

В разгар застолья Женя Берлинг отозвал нас с Рожковым в сторонку и спросил шёпотом:

– Ребята, а где здесь туалет?

Мы чуть было не попадали от хохота: ближайший туалет находился в двухстах километрах отсюда, то есть в Анадыре.

– Чего вы ржёте? Туалет, спрашиваю, где? Нет мочи терпеть.

– Да вот он, рядом, за дверью и далее везде. Это же тундра голая, неогороженная, она и есть здешний общественный туалет.

– Да? Я как-то об этом не подумал, – выдавил из себя Берлинг и, накинув куртку, пулей вылетел за дверь. Через несколько минут с улицы донёсся истошный, наполненный паническим страхом вопль нашего приятеля: «Помогите! Они меня сейчас загрызут!» Захватив фонарь, мы с Рожковым бросились ему на помощь. Женщины последовали за нами.

Голубоглазых – уничтожить!

Огромная круглая луна висела над головой, озаряя увядшее разнотравье тундры и редкие заросли краснотала по берегу озера. Кстати, именно благодаря красноталу оно и названо Красным.

В мертвенном свете луны перед нами открылась поистине сюрреалистическая картина: сидящий на корточках мужик со спущенными портками и перекошенной от ужаса физиономией и окружившая его плотным кольцом стая огромных молчаливых собак с оскаленными пастьями и высунутыми языками. Где «почётный профессор кошмаров» Иероним Босх? Почему этого не видят гений «параноидальной» живописи Сальвадор Дали или, на худой конец, магаданский неофутурист, апологет абсурда Валера Цирсенс? Ведь ещё секунда, мгновение – и этот мираж растает, растворится в ночном тундровом мраке и больше не повторится никогда...

Так и вышло. Зина Кивьев грозно прикрикнула на собак по-своему, и стая тут же исчезла во тьме.

– Это собачки охотника Вуквукая, его упряжка. Они вовсе не хотели испугать, а тем более

скушать вашего друга, – сказала Зина. – Просто сидели и ждали, когда он сделает своё дело, чтобы прибраться за ним. В тундре должно быть чисто. Как только мы уйдём отсюда, они вернуться...

Ездовые собаки известны на Крайне Севере с незапамятных времён. На острове Вайгач археологи обнаружили элементы нарт, упряжи и скелеты собак, возраст которых около 8 тысяч лет. Раскопки на месте древних эскимосских селений показали, что на Чукотке этот вид транспорта – кстати, самого экологически чистого за всю историю человечества! – существовал ещё 2480–2630 лет назад. Это определил радиоуглеродный анализ собачьих скелетов.

Видимо, ещё в глубокой древности чукчи и эскимосы вывели особую породу темноглазых ездовых собак, отличавшуюся необычайной выносливостью, неприхотливостью в еде, завидной «морозостойкостью». Позже, уже в новейшей истории Чукотки, стремившиеся колонизировать её янки завезли сюда аляскинского хаски. Стандарты этой породы допускали наличие т.н. «сорочьего глаза», то есть разноглазья, и голубых глаз. Этим же отличаются и сибирские хаски. Чукчи и эскимосы, чтобы сохранить чистоту местной породы, таких собак уничтожали. Они считали, что разноглазые и голубоглазые хаски обладают недостаточно густым шерстяным покровом, недопустимо ленивы и слишком много едят.

Летом своих ездовых собак чукчи не кормят. Собаки стаями, то есть упряжками, живут «на вольном выпасе», отъедаются, охотясь на леммингов, евражек, белых куропаток, полярных зайцев и прочую тундровую живность. Зимой, в период длительного рабочего сезона, ездовых собак кормят преимущественно юколой – провяленной до каменного состояния рыбой. Юкола переваривается в собачьих желудках очень долго, столь же долго собак не покидает ощущение сытости.

Внутри каждой упряжки существует строжайшая иерархия. Вожак в ней пользуется непрерываемым авторитетом. На следующее утро, привлечённые запахами еды, собачки Вуквукая расположились полумесяцем вблизи крыльца красненского «отеля» в ожидании возможной подачи. Я взял буханку купленного накануне в ТЗП хлеба и вышел на крыльцо. Стая, гревшая до моего появления мерзлоту лохматыми животами, встрепенулась, принюхиваясь, вытянула морды мне навстречу. Я отломил и кинул им горбушку. Собаки истекали слюной, но ни одна из них не двинулась с места. Подошёл вожак – не спеша, с достоинством, мигмом проглотил хлеб и требовательно уставился на меня чёрными, как обсидиан, глазами. Я швырнул ему ещё один кусок, затем другой. Вожак оценивающе посмотрел на буханку в моей руке, проглотил второй кусок, но третий трогать не стал и освободил место у «обеденного стола» для следующего за ним по неведомой человеку собачьей табели о рангах пса. Я понял, что одной буханки на всех не хватит, и пошёл за второй. Беззвучно проглотив угощение, собачки так же молча ушли по своим делам в тундру.

02 / 2017

Нафиг чукчам Мойдодыр?

Утром, когда мы пили чай, к нам в комнату зашла хозяйка Дома приезжих и попросила принести из реки пару вёдер воды.

– А я тем временем поставлю сетку, добуду чира, будет нам на обед уха, – сказала ламутка. – Вот только пусть кто-то из вас присмотрит за детьми.

Донельзя замурзанные пацанята, видимо, погодки лет пяти и шести, вцепившись в полы маминной куртки, тарасили на заезжих дядек чудные раскосые глазки.

– Женя, остаёшься за няньку, – распорядился Евгений Флорыч Рожков. – Выдай детям по прянику и конфете и следи, чтобы они не удрали в тундру.

Берлинг пожал плечами, показывая этим, что возразить ему нечего. А мы втроём, прихватив с собою вёдра и сетку, двинулись к реке, над которой ещё не разошёлся рассветный туман.

Наша хозяйка ловко установила небольшую сеть – от берега вразрез течения, а мы с Флорычем, наполнив вёдра, разбрелись по прибрежной галечной отмели в поисках обсидианов. Внешне обсидианы ничем не отличаются от обычной крупной гальки. Но вулканическое стекло гораздо легче гранита, шпата и других минералов. Стоит взвесить такой окатыш на ладони, как сразу станет ясно, что у тебя в руке. В то утро каждый из нас нашёл по несколько приличных экземпляров этого редкого камня. Нашли бы ещё больше, если бы вдруг со стороны Дома приезжих не раздались отчаянные вопли и детский плач. Неужели что-то непредвиденное и, может быть, даже страшное стряслось там с детьми ламутки, оставленными на попечение Жени Берлинга?

Вся наша троица, забыв о рыбе и обсидианах, бросилась на эти крики. Впереди, заламывая в отчаянии руки, неслась испуганная мама. К счастью, ничего из ряда вон выходящего не произошло. По крайней мере – с нашей точки зрения. А вот ламутка расценила случившееся чуть ли не как трагедию.

Короче, Женя Берлинг, страдавший близорукостью, водрузил на нос очки, чтобы отыскать в рюкзаке конфеты и пряники – угощение для малышей. И вдруг разглядел их донельзя замурзанные мордашки и грязные до черноты ручки. Это привело нашего интеллигента в негодование, и, прежде чем вручить детям гостинцы, он решил выступить в роли Мойдодыра. К несчастью, воды в жестяном умывальнике, приколотом к стене в коридоре Дома приезжих, хватало. И Женя, вооружившись губкой и мылом, приступил к омовению, радостно напевая: «Надо, надо умываться по утрам и вечерам, а нечистым трубочистам...»

Допеть песенку он не успел. Оглушённый воплями и рёвом «нечистых трубочистов», выронил мыло и потерял очки, сбитые с его носа отчаянно сопротивлявшимися экзекуции мальчишками. За поиском очков мы и застали незадачливого няня в коридоре Дома приезжих. Испуганные пацанята убежали на свою половину барака и попрятались по углам.



Евгений РОЖКОВ

Завидев нас, Берлинг, настроенный весьма воинственно, принялся было выговаривать ламутке за несоблюдение элементарных правил гигиены, но та не пожелала выслушивать глупые, на её взгляд, наставления залётного Мойдодыра и захлопнула дверь своей комнаты перед его носом.

Мы с Рожковым попытались объяснить нашему спутнику, что обитающие в тундре чукчи, эскимосы, ламуты (эвены) и т.п. моются крайне редко вовсе не потому, что являются грязнулями по своей природе. Это просто один из немногих естественных способов сберечь индивидуальное тепло в царстве вечной мерзлоты и затяжных студёных зим. Жировая плёнка пота на теле человека является прекрасным теплоизолятором. Коренные северяне никогда не носят белья, кухлянки шьются двухслойные – мехом внутрь и наружу, ворсинки оленьего меха, соприкасаясь с жировой плёнкой тела, не только согревают, но и аккумулируют тепло. Так что частая помывка для чукчей и эскимосов не только невозможна практически, но и по-своему небезопасна с точки зрения здоровья. Правда, некоторые, весьма своеобразные попытки внедрить европейские правила гигиены в чукотский быт всё-таки предпринимались и в те времена.

Однажды мне довелось лететь из Певека в Магадан в компании подвыпившего чукчи, выдвинутого властями на какую-то номенклатурную должность. Чтобы чукча мог занять её, его нужно было принять в партию. И вот с новеньким партбилетом в кармане он летел в областной центр, где его должны были утвердить на этом полуответственном посту. Хмельной от выпитой перед полётом водки и свалившегося на него счастья, чукча всё время приставал ко мне с идиотскими вопросами:

- Ты члена партии?
- Члена, члена, – отвечал я.
- Знацит, тозе ходись в баню?

Озеро Красное – крупнейшее на южной Чукотке



Оказывается, принимая чукчей или эскимосов в партию, их заставляли подписывать обязательство не реже одного раза в месяц посещать баню. Естественно, в целом это проблемы не решало: нельзя же поголовно всех чукчей и эскимосов записать в КПСС только для того, чтобы они мылись в бане.

– А детки нашей ламутки за всю свою жизнь вообще никогда не умывались, – просвещал друга Флорыч. – И вода для них – что для тебя серная кислота. Понимаешь, ты причинил им адскую боль!

– Вот как, – задумчиво произнёс Берлинг. – Значит, в Краснено бани нет. А я так мечтал попариться в настоящей чукотской баньке, даже венник берёзовый с собой захватил – мне его недавно друзья с Колымы передали с оказией. – И Женя в самом деле достал из рюкзака старинный атрибут русской бани.

В ответ мы с Рожковым лишь развели руками.

Загадки Красного озера Сорванный киносеанс

Побывать на Красном озере и не порыбачить было бы с нашей стороны непростительной глупостью. Тем более, что воды его богаты белорыбницей. Это и валёк, и востряк, и пыжьян. Но тронное место в компании сиговых рыб, обитающих здесь, бесспорно, занимает чир. Его-то и отправились мы ловить в одну из тихих скалистых бухточек самого большого чукотского озера.

Лодкой, оснащённой двумя лодочными моторами «Вихрь», управлял сельский механизатор Кава – юный племянник заведующего Красненским отделением совхоза одноглазого чукчи Омрынкау.

– Слава покажет вам хорошие места для рыбалки, – сказал нам в напутствие Омрынкау. – Только очень прошу вернуться до наступления темноты – в реке сильные и коварные течения, много топляков, а казанка не броненосец, топляк её враз расколет, как яйцо и отправит вас на съедение рыбам. К тому же сегодня суббота, в клубе назначен показ нового фильма. А Кава у нас единственный, кто может запустить движок, он же кинемеханик. Без него в Краснено не будет ни света, ни кина. И пожалуйста, не наливайте ему водки, угостите после киносеанса, так всем будет лучше...

К месту рыбалки мы добрались без приключений. Стояла ясная солнечная погода, лодка шла споро и ровно, поскольку на реке был полный штгиль, затем мы свернули в озеро, и яранги Краснено исчезли из нашего поля зрения. Сидевший на руле Кава всю дорогу почему-то не сводил с меня своих раскосых чёрных глаз. Я долго не мог понять, откуда у этого вольного жителя тундры такое внимание к моей скромной персоне.

– Чего он на меня вылупился? – спросил я шёпотом у Рожкова.

– Ему твоя кепка нравится, – ответил Флорыч.

Замшевая ярко-коричневая кепка и впрямь была предметом моей пижонской гордости. Я приобрёл её в Риге, где проводил накануне свой летний отпуск, и специально надел, улетаая в Анадырь, чтобы покрасоваться перед местными красавицами. Жаль, конечно, было с ней расставаться. Но в глазах нашего проводника и моториста сквозила такая поистине детская зависть, такая мольба, что в конце концов я снял кепку и протянул её Каве:

– Носи на здоровье, дарю.

02 / 2017

Тот тут же водрузил её на свои смоляные патлы, ежеминутно поправляя, то натягивая на лоб, то сдвигая на затылок, и вскоре кепка, захватанная испачканными тавотом пальцами, стала пятнистой, как шкура леопарда.

Нельзя сказать, что наша рыбалка удалась на славу. Впрочем, на ушицу мы наловили, сварили её на костерке в большом котелке, благо, что запасливый Женья Рожков захватил с собой сушёные укроп, лук и морковь да несколько настоящих, а не сушёных картофелин. За доброй чаркой, да под ушицу – Каве, невзирая на предупреждение Омрынкау, тоже налили – время пролетело незаметно, настала пора возвращаться. Загасив костёр и выдраив песком котелок, мы погрузились в казанку и двинулись в обратном направлении. Сбиться с пути было невозможно – холмистый берег по правую руку был надёжным ориентиром. Мы уже выходили из озера в основной рукав реки, на котором, собственно, и расположилось Краснено, как вдруг с северо-востока налетел шквалистый ветер, ударил снежный заряд, потерявший от выпитого бдительность Кава не справился с управлением, и лодку развернуло несколько раз вокруг оси. В тот же миг поднявшаяся волна захлестнула казанку и мы ощутили сперва несильный, а затем и более мощный толчок в корму. Моторы ещё продолжали работать, но лодку несло по воле волн и ветра неизвестно куда.

– Так, кажется, у нас проблемы, – сказал Рожков. – Словили всё-таки топлячок. Думаю, что эта коряга срезала оба наши винта, – он показал на притопленно бревно, плившее параллельным курсом слева по борту. – Саня, садись за вёсла и выгребай против ветра. Ты, Женья, возьми этот ковш и вычерпывай воду. А я гляну, что у нас там с моторами.

Я забыл сказать, что Флорыч в то время работал в окружном ОСВОДе (Обществе спасения на водах) и прекрасно разбирался в лодках вообще и в лодочных моторах, в частности. Он заглушил оба «Вихря» и поднял их над кормой. Винты действительно ушли на дно реки. К счастью, в хозяйстве нашего моториста нашёлся запасной винт, и Флорыч, повозившись, приладил и закрепил его на одном из моторов.

– Ну, теперь поедем. Кава, заводи!

Тот дёрнул шнур пускача один раз, другой, третий – мотор не заводился. Та же самая история произошла и со вторым «Вихрем».

В тундре темнеет стремительно, не успеешь оглянуться, как робкое осеннее солнце скатывается за горизонт и воцаряется непроницаемая доисторическая тьма. Так случилось и на этот раз. Потерявшие ориентацию в пространстве, мы всецело оказались во власти стихии. Берлинг безучастно вычерпывал из казанки воду, я грёб неизвестно куда из последних сил, Флорыч почти наощупь, при тусклом свете фонаря, которым подсвечивал ему Кава, принялся разбирать один из «Вихрей».

– Да, столько грязи в карбюраторе я ещё на своём веку не встречал! – пробормотал он. – Эй, механик, ты когда последний раз перебирал движки?

– Никогда, – равнодушно ответил Кава. – Я в них ничего не понимаю.

А затем вдруг спросил:

– Скажите, когда человек умирает, он потом живёт?

– Всё это поповские и шаманские бредни! – зло ответил ему Берлинг, отшвырнув прочь ковш. – Загробная жизнь, верхние люди* и всякая подобная чушь. Сейчас вот напоремся на топляк, пойдём ко дну, и вся эта бодряга под названием «жизнь» исчезнет вместе с нами бесследно.

– Кончай скулить! – оборвал его Флорыч. – Лучше вычерпывай воду, не то мы и без топляка пойдём ко дну... Ну, кажется, всё, прочистил движок, сейчас попробуем его завести.

Он резко дёрнул шнур пускача. Мотор чихнул раз, другой – и заработал! И в это же самое время, как по заказу, далеко в кромешной тьме вспыхнули красная, зелёная, белая ракеты.

– Это Омрынкау сигналил, – радостно воскликнул Кава, разворачивая лодку. Оказывается, я грёб в противоположную сторону.

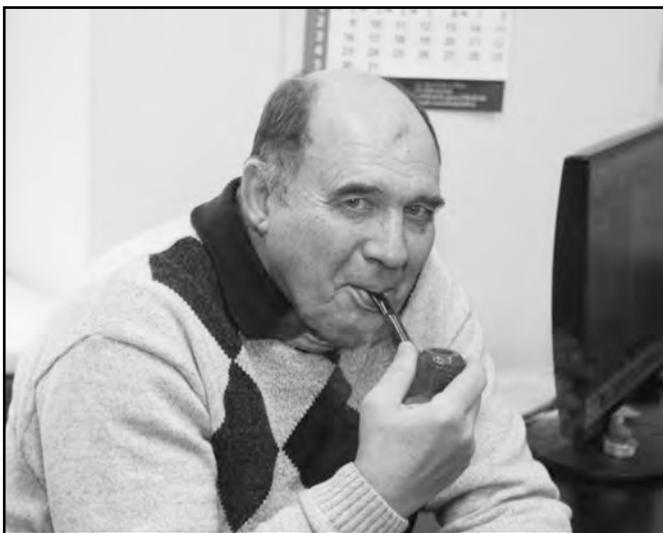
На берегу нас встречало всё население Краснено, включая собачек охотника Вуквукая. Люди искренне радовались нашему спасению, собаки, помнившие утреннее угощение, – тоже. О сорванном киносеансе не вспомнил никто. Лишь Омрынкау, гневно сверкнув своим единственным глазом, влепил племяннику подзатыльник.

А потом за колченогим столом в Доме приезжих мы в компании незадачливого моториста накоротке отметили это событие и легли спать. Кава, чтобы оттянуть неприятный разговор с дядей, остался ночевать у нас. Посреди ночи он разбудил меня и задал всё тот же мучивший его вопрос:

– Скажи мне правду – живут люди после того, как умрут?

– Конечно, вне всяких сомнений. Мы-то ведь живы!

* «Верхние люди» – у чукчей – обитатели мифического загробного царства, где вдоволь еды, тепла и прочих благ, которых не хватает людям на земле.



Александр ЧЕРЕВЧЕНКО

РЫЦАРЬ КАЗАЧЬЕГО КРУГА

На исходе XVII века якутский казак Владимир Атласов предпринял исторический поход на Камчатку. Присоединив к российским владениям обширные земли на краю евразийского материка, он завершил усилия многих русских землепроходцев, стремившихся в течение двухсот лет к горизонту, над которым встаёт солнце.

ДОСЬЕ

Место и год рождения точно неизвестны. Вырос на дальнем востоке. Фамилия Атласов произошла от прозвища отца Отлас – родитель имел пристрастие к одежде из атласной материи.

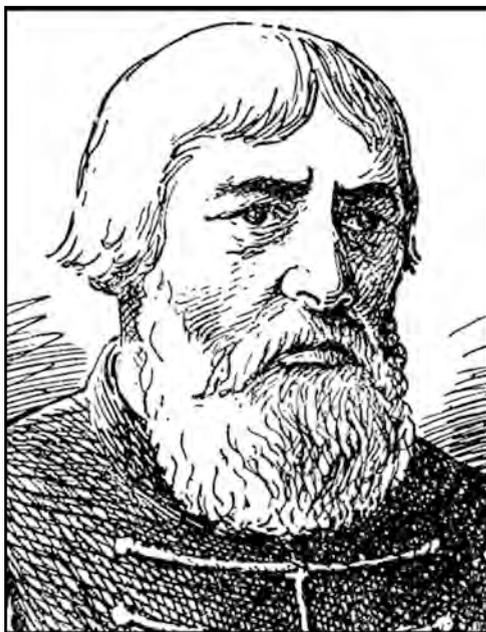
На государеву службу зачислен 3 июня 1682 года. Малограмотный казак с острым природным умом, неукротимой энергией, железной хваткой и крутым нравом, предприимчивый и необыкновенно выносливый. Удаль, отвага и лихость сочеталась в нём с жестокостью, страстью к наживе и исследованиям неведомых земель.

Сама природа ковала таких людей для решения стоящих перед русским государством имперских задач.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Во время многолетних скитаний и «заморских служб» в дальних якутских острогах Атласов свёл дружбу с Лукой Морозко, который дважды с «ватажкой» казаков ходил в «новые землицы», раскинувшиеся к югу от реки Анадырь.

В 1694 году Атласов доставил в Якутск собранный с северных народов ясак (налог на пушнину). Встретившись с воеводой И.М. Гагариным, предложил ему проект присоединения к владениям государя богатого пушниной края, где бывал его приятель Лука. Неуёмной энергией и жадной открытий казак произвёл большое впечатление на воеводу. Высокий чиновник поверстал лихого казака в пятидесятники и назначил



Владимир АТЛАСОВ



приказчиком всего «Анадырского захребетного края».

Что касается финансирования похода, Атласову предлагалось самому изыскать средства. Под будущий промысел он занял у купцов 160 рублей и дал расписки на 120 лисьих шкурок. Закупив ружья, свинец, порох и другие необходимые припасы, в апреле 1696 года Владимир Атласов прибыл в Анадырский острог, чтобы совершить предназначенный ему историей подвиг.

КАМЧАТСКИЙ ПОХОД

В начале 1697 года отряд Атласова, 65 русских и 60 юкагиrow, выступил на оленях из Анадырского острога в поход на Камчатку. Собирая ясак со встречающихся осёдлых племён каряков, отряд двигался по восточному берегу Пенжинской губы Охотского моря, потом повернул на восток, пересёк Корьякское нагорье и вышел на берега Олюторского залива. Здесь казаки встретили племена каряков, которые никогда раньше не

02 / 2017

встречались с русскими. Атласов их «под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом», а кто противился стать данником русского царя, «Володимер... громил их и побил».

На берегу залива Атласов решил разделить свой отряд. Половину людей под командой Луки Морозко атаман послал на юг вдоль тихоокеанского берега Камчатки, сам же вернулся к Охотскому морю и двинулся параллельным курсом вдоль западного берега полуострова. Юкагиры, сопровождавшие Атласова, получили известие от сородичей, осадивших Анадырский острог. На реке Палане они составили заговор и неожиданно для казаков тоже восстали. Начали стрелять из луков в спины белых спутников, набросились с копьями на группу, посланную на разведку лыжного следа. В ложбине между заснеженными сопками произошло многодневное сражение, с засадами, погонями и партизанскими рейдами. Три казака были убиты, пятнадцать ранено, сам Атласов получил шесть ранений. Казаки держали круговую оборону. Послали верного юкагира за помощью к Морозко, который поспешил на выручку товарищей.

Отбились от восставших юкагириров общими усилиями. Часть изменников была убита, остальные разбежались. Неудачно начавшийся поход вызвал у некоторых казаков мысли о возвращении. Как только атаман оправился от ран, он немедленно тяжёлой рукой выбил из подчинённых упаднические настроения. Верные казаки подали атаману челобитную о продолжении похода.

Соединённый отряд продолжил поход вверх по реке Тигиль, перевалил Срединный хребет и вышел на берега реки Камчатка*, где она круто поворачивает свои воды на восток к океану. В устье реки Канучь, приток Камчатки, в окружении сопки со щетиной хвойного леса у вершин, Атласов поставил большой крест первооткрывателя с памятной надписью: «7205(1697) году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи»***.

Оба берега реки Камчатки были густо заселены камчадалами (ительменами), жившими в каменном веке. По самым скромным подсчётам в низовьях реки на тот момент проживало 25 тыс. человек. «Телом они смуглы и черноволосы... глаза малы и лица плоски». Росту «среднего, плечисты и присадисты». «В житъе гнусны, никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают..., едят из одной посуды с собаками, и никогда её не моют...». «Одежду носят соболью, и лисью, и оленью...». «А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьём, а ходят в те юрты по лестницам». (Этот тип построек сохранялся у камчадалов до середины XX века). «Питаются рыбою и зверем... а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землёю... а от тое рыбы исходит смрадный дух... кой рускому человеку сдюжить нету сил». «Державства великого над собой не имеют, только кто у них... богаче – того больше и почитают».

«Руским людем они были рады». Камчадалы пожаловались казакам на соплеменников с низовьев

реки. Те регулярно совершали на них набеги, убивали и грабили. Атласов быстро разобрался в политическом раскладе сил среди местных племён. Они разделялись на несколько враждебных друг другу родов. Казачий атаман решил действовать по старой римской формуле многих великих завоевателей: «Разделяй и властвуй» – с помощью одних племён покорить другие, хотя вряд ли когда-либо слышал о Римской империи или о Кортесе. Инстинкт успешного лидера подсказал ему верное решение, тем более, что камчадалы сами предложили пришельцам совершить совместный поход против своих обидчиков.

Казаки с новообретёнными союзниками построили струги**** и поплыли вниз по реке. Через три дня они высадились у большого селения в 400 юрт. Тамошние камчадалы отказались платить ясак. И тогда «их ...громили... людей побили... и посады их выжгли...».

Ещё ниже по реке Атласов выслал разведку. Она доставила первые сведения о двух вулканах Камчатки – Толбачике и Ключевской Сопке, из которых «днём идёт дым, а ночью искры и зарево».

Вернувшись из карательного похода, казаки обнаружили, что племена коряков угнали их оленей – не только эффективное средство передвижения, но и основной продукт питания. Атласов бросился по следу в многодневную погоню. Нагнал коряков у берегов Охотского моря. Кара была жестокая. После суточного боя 150 коряков было убито, остальные разбежались по лесам.

Отбив оленей, Атласов вновь повернул на юг. На реке Иче местные камчадалы рассказали ему, что на соседней реке Нане живёт в плену некий иноземец. Атласов приказал доставить пленника. Им оказался японец Татэкава Денбей родом из г. Осака (остров Хондо), которого казаки долго считали «подъячим Индейского царства». Несколько лет назад до вторжения Атласова японский корабль потерпел крушение у южной оконечности Камчатки, и три японца попали в плен к айнам. У японцев было четыре пуда золота, но ничего не зная о ценности жёлтого металла, айны отдали его на забаву детям. Два товарища Денбея позже умерли, а его самого айны, вероятно, обменяли на что-то у камчадалов. Атласов оставил японца при себе и учил его русскому языку «в меру своего разумения». Позже Денбей был доставлен в Москву и сообщил российскому правительству ценные сведения о Японии, с которой Пётр I стремился завязать торговые отношения. Денбей много лет прожил в России, обучая русских «робят» японскому языку.

Получив от японца сведения о южных областях Камчатки, Атласов решил дойти до крайнего мыса и привести тамошние народы «под царскую высокую руку в ясашной платёж». Где «ласкою и приветом», когда камчадалы не противи-

* Название реки и полуострова, вероятно, произошло от прозвища одного из предшественников Атласова – казака Ивана Иванова Камчатого.

** Первым на Камчатке побывал в 1648 году купец Федот Алексеев (Попов), но Атласов не знал об этом.

*** Струг – старинное плоскодонное судно.

лись и соглашались «давать ясак», а где огнём и мечом, когда коряки и айны «учинились непослушны», отбивая у местных племён оленей для пропитания, добрались казаки до южных областей полуострова. К разочарованию Атласова айны оказались бедны на пушнину, так как не вели меховой торговли с соседними народами. Айны и коряки, населяющие склоны камчатских хребтов, оказывали упорное сопротивление пришельцам, со стен своих поселений осыпали их костяными стрелами, камнями и заострёнными кольями, бились с «огненными людьми» отважно, но не могли устоять против пищалей. Когда, закрывшись щитами, казаки подбирались достаточно близко к обороняющемуся острогу, они поджигали его и расстреливали в упор выскакивающих из огня аборигенов. Одно из таких сражений закончилось гибелью 50 айнов.

Дым пожарищ стелился за отрядом первопроходцев. Несли потери и казаки. В стычках с камчадалами погиб Лука Морозко – верный товарищ атамана.

С берегов реки Озёрной атаман увидел Алайд – самый северный из Курильских островов, вулканическая вершина которого вздымается на 2339 метров над уровнем моря. Порох и свинец были на исходе – «служить не с чем». Атласов находился в ста километрах от мыса Лопатка, когда решил возвращаться.

Глубокой сырой и туманной осенью казачий отряд повернул обратно на север. Неожиданно ударили морозы, стеной повалил снег. В пути олени пали от голода: они не могли добыть пропитание из-под глубокого снега и покрывшейся коркой льда земли.

На реке Иче Атласов выстроил зимовье и основал Верхне-Камчатский острог – российский форпост на новооткрытых землях. Казаки приготовились к зимовке. Опасаясь голода из-за нехватки продовольствия, атаман отправил половину отряда «на прокорм» к союзникам-камчадалам. Всю зиму казаки охотились в лесах, добывая пушнину и мясо. Весной на казачьем сходе приняли решение о возвращении домой. Атласов оставил в остроге небольшой гарнизон в 15 человек во главе с Потапом Серюковым. Три года спустя гарнизон был полностью перебит восставшими коряками.

2 июля 1699 года 15 казаков и 4 юкагира (шестая часть от первоначального количества отряда) вернулись в Анадырь. Через год, залечив полученные в боях раны, Атласов прибыл в Якутск с докладом и богатой ясачной казной – 362 шкурки соболиных, 227 лисьих, 10 бобров морских и 4 выдры. Все долги были возвращены. За пять лет отряд Владимира Атласова прошёл 11 тысяч километров – большую часть по земле, где не ступала нога европейца.

ПОД ЦАРСКИЕ ОЧИ

Рассказ Атласова о присоединении Камчатки, её обитателях, относительно мягком климате, богатых рыбой реках и пушным зверем лесах, огнедышащих горах, о незамерзающих морях, омывающих полуостров, был настолько поразителен,

что якутский воевода отправил казака-первооткрывателя в Москву пред царские очи.

В Тобольске Атласов сделал короткую остановку, чтобы встретиться со знаменитым картографом С.У. Ремезовым, который со слов казака составил подробную карту Камчатки, где она впервые была показана как полуостров. А когда атаман прибыл в Москву, подьячие Сибирского приказа несколько дней скрипели перьями, записывая удивительные для того времени «скаски» атамана о походе на край земли. Атласов проявил редкий ум и наблюдательность, дал ценнейшую детальную географическую и этнографическую характеристику полуострова, первым сообщил о Курильских островах. Ни один из русских землепроходцев XVII века не оставил таких содержательных отчётов, как «Якуцкого города пятидесятник Волотька Атласов».

В столице за свои открытия Атласов получил чин казачьего головы и снова был отправлен на Камчатку для сбора ясака со всей полнотой власти. Страна нуждалась в новых источниках пушнины, составлявшей четверть годового бюджета царской казны. Атаману выделили две походные пушки, поскольку после «приходу русских людей иноземцы строга свои почали крепить».

СУДЕБНАЯ ТЯЖБА

На реке Тунгуске ему встретился купеческий караван из Китая московского купца Логина Добрынина. Руководствуясь указом царя о запрете частной торговли с Китаем, Атласов «по казачьей лихости», превысив свои полномочия, составил опись и изъял заморских товаров на 100 рублей – ровно на ту сумму, которая была ему пожалована Сибирским приказом в награду за поход на Камчатку. На самоуправство казачьего головы торговые люди подали жалобу. Следствие длилось шесть лет.

ЗАГОВОР И ГИБЕЛЬ

Когда оно мирно закончилось, Атласова, известного своим крутым нравом и тяжёлой рукой, послали на Камчатку наводить порядок – там бесчинствовали не признающие никакой власти вольные казаки, ринувшиеся на просторы полуострова по проторённой Атласовым дороге. Четыре года он пытался «построить» это буйное племя, пока не пал жертвой заговора в 1711 году. Вольные казаки явились к нему ночью с челобитной грамотой, и когда он наклонился к свече, чтобы прочитать её, получил удар ножом в спину.

«Так погиб камчатский Ермак», – записал А.С. Пушкин в своих черновых набросках о Владимире Атласове. К сожалению, многие замыслы великого поэта, как и нашего героя, остались нереализованными.

Но камчатский поход Атласова положил начало новой полосе открытий – экспедициям в Тихий океан, открытию Северо-Западной Америки, Курильских, Командорских и Алеутских островов, освоению Аляски.

02 / 2017



Виктор
КУЗНЕЦОВ

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ НА КОЛЫМЕ

Я не был другом Юрия Поликарповича Кузнецова. Такое счастье мне не выпало. Не заслужил я его у судьбы. Но мы были знакомы.

Первый раз я увидел Кузнецова в марте 1983 года. Жил я тогда на Колыме, в посёлке Палатка. И в тот день я вернулся домой утром, после ночной смены в шахте Карамкенского ГОКа. Лёг спать. В обед проснулся. И тут звонит приятель из «Магаданского комсомольца»:

– Витя, твой любимый Юрий Кузнецов в Магадане.

– Да-а?! Всё понял, выезжаю. У тебя заночую, ладно?

– Конечно.

От Палатки до Магадана по Колымской трассе 84 километра. Автобусы ходят через два-три часа. И то только до аэропорта Сокол. Там пересадка на магаданский рейс. А часы показывали уже начало третьего. Пока соберусь, пока дойду до автостанции, пока дождусь автобуса... Короче, завал! В город приеду поздно. И я стал звонить редактору местной районной газеты «Заря Севера» Юрию Шалимову. Так, мол, и так, пожалуйста, мне срочно нужна машина до Магадана. Шалимов замаялся, стал чего-то объяснить мне про отсутствие талонов на бензин, я перебил его,

пообещав, что сам залью полный бак. Через 10–15 минут «Волга» подъехала к моему дому. И вперёд, в Магадан!

Понятно, что ехали мы не тихо...

Юрий Поликарпович остановился в гостинице «Магадан», что на проспекте Ленина. Старый корпус, который построили пленные японцы. В нём было всего два номера люкс. Во втором я никогда не был. А в первом, где сейчас находился Кузнецов, всегда останавливался Юрий Рытхэу и другие «известняки» для Магаданского обкома партии. Я таковым не был, но тоже часто снимал этот номер, когда он был свободен. (Однажды ко мне в него подселся мой друг, писатель из Анадыря Геннадий Ненашев. Конечно, пили. А потом мы с художником Борисом Зевиным пошли знакомиться с женщинами и звать их поиграть в бильярд. И играли достаточно долго. Выходим из бильярдной – в коридорах люди чего-то мечутся, дыма полным-полно... И чем ближе к снятому мной люксу, тем гуще дымовая завеса. А в номере – всё залито водой, пожарные, работники гостиницы... Перед ними в одних трусах стоит сильно «уставший» Гена. Увидев меня, он молитвенно сложил на груди руки: «Витя! Кузнец! Друг! Скажи им, что я не делал пожар. Что я не умею включать этот самовар! Зачем мне этот чай, если я

просто лежу и сплю?» Ох, что там тогда было!.. Но это, как говорится, уже совсем другая история. Я и так достаточно далеко отвлекся от главного.)

Поднимаюсь на этаж. Подхожу к номеру. Остановился у знакомой двери. И тут какой-то мандраж, впервые подумал, а вдруг он меня пошлёт?.. И ведь прав, очень даже прав будет. Кто я такой для него? Да никто, вот кто. Долго стою. А за дверью слышны голоса. Понимаю, что там, в гостях у Кузнецова наши магаданские писатели, но никого не узнаю по голосам. Вздохнул-выдохнул несколько раз и – стучу. Дверь открывает сам Кузнецов.

– Здравствуйте, Юрий Поликарпович! Можно к вам?

– А вы кто?

– Виктор Кузнецов. Ваш поклонник.

Он молча и с заметным недоверием смотрит на меня и начинает чуточку улыбаться. Говорит:

– Виктор Кузнецов? Он... здесь.

За спиной Юрия Поликарповича появляется поэт Анатолий Пчёлкин и хохочет:

– Да, это правда, он тоже наш Виктор Кузнецов. Из Палатки. А тот, что уже сидит с нами – из Синегорья.

– Входи, – говорит Юрий Поликарпович и протягивает мне свою большую руку. Рукопожатие у него короткое, но крепкое.

А дальше два часа (или чуть больше) разговоров. (Я ещё на несколько минут и вниз, в ресторан отлучился. Надо было.) Говорят в основном наши, местные писатели. Я, естественно, почти не встречаю, слушаю и наблюдаю за Кузнецовым. Высокий, крепкий, лобастый, зеленоватые глаза... Он говорит мало, даже, кажется мне, как-то неохотно, изредка задаёт вопросы, ответы слушает не перебивая, почему-то часто смотрит в окно. Такое впечатление, что он и слушает, и понимает говорящего, и в это же самое время он где-то весь в себе, в своей думе-заботе, в своих мыслях, которыми он не спешит делиться с теми, кто сейчас рядом. Много курит. Узнав, что я взрывник на позёмке, работал в старательской артели, спрашивает:

– Тяжело там?

Польщённый и ободрённый его вниманием, я рассказываю о работе и жизни старателей. Когда я заканчиваю, Кузнецов снова спрашивает:

– Ты сам откуда родом?

– Из Сибири. Станция Безменово в Новосибирской области. Это на границе с Алтайским краем. Но родился я в Казахстане. Мне три месяца было, когда родители переехали в Безменово.

– А где в Казахстане?

Я ответил, не понимая, почему его это вдруг заинтересовало. Я не знал тогда, что он женат на казашке.

Кто-то стал говорить о Евтушенко. Кузнецов недовольно поджал губы, нахмурился, но его всё равно спросили: как вы относитесь к Евтушенко? Ответ прозвучал в какой-то мере предсказуемый, но всё же неожиданный.

– Никак. Он много проживёт. Его не убьют. Не убивают таких.



Юрий Поликарпович КУЗНЕЦОВ

– Не убьют? А разве кого-то убили?! – удивился Виктор Кузнецов, который из Синегорья.

Юрий Поликарпович задержал на нём свой взгляд и вздохнул. Ответил:

– Многих. Есенина, например.

– Ну, есть разные версии...

– Мне не нужны версии. Я чувствую, что его убили.

Дальше Юрий Поликарпович совсем замкнулся. Мне и нравилась, и не нравилась эта его нескрытая замкнутость. Она была естественной чертой Кузнецова. Не горделивой, не отталкивающей от него. Весь его образ как-то удивительно соответствовал его стихам. Может быть даже был их продолжением. И я всем своим существом видел и понимал: Кузнецов – это сила! И нет ему равных.

Стали расходиться. Из всех книг Юрия Поликарповича у меня дома были только две: «Выходя на дорогу, душа оглянулась» и «Отпущу свою душу на волю». С собой я взял первую. Автограф

02 / 2017

поэт оставил такой: «Виктору Кузнецову – на память о встрече. Автор. Колыма. 15.04.83.»

На следующий день Юрий Кузнецов, Владимир Ерёменко и ещё кто-то погнали по знаменитой Колымской трассе в сторону Якутии. Я приглашал Юрия Поликарповича заехать ко мне в гости на Палатку. Оставил адрес. Он ничего твёрдо не обещал. И не заехал.

Я жадно следил за всеми его новыми публикациями. Читал критику. Однажды не удержался и написал ему письмо. (Жаль, что черновик не сохранился. Хорошее получилось письмо.) Отправил на Союз. Не было у меня его домашнего адреса. Ответа не получил.

В 1984 году в Магаданском книжном издательстве у меня вышла вторая книжка «Музыка по ночам». (Вот тиражи были!.. Даже в Магадане – 45 тысяч.) Я обнаглел и отправил экземпляр Кузнецову. Примерно через месяц получил записку в конверте: «Читать некогда. Не обижайся. У меня много работы сейчас. Будешь в Москве – звони. (И номер телефона. – В.К.) Привет Магадану». Я был искренне счастлив!

Конечно, я прилетал в Москву. Встречался с Владимиром Крупиным, с Владимиром Карповым, с Юрием Стефановичем... А вот Юрию Кузнецову так и не позвонил. И мне до сих пор стыдно...

А в 1987 году я поступил на ВЛК и поселился в общаге на Добролюбова на целых два московских года. Ещё до начала занятий – деньги у меня были – мы с Николаем Шипиловым и одной девушкой поехали в ЦДЛ. Хорошо сидели в ресторане. И когда нам было уже совсем хорошо, я вдруг увидел за соседним столом Юрия Поликарповича. (Когда он пришёл – убей, не видел.) Конечно, Кузнецов был не один. И всё же я подошёл к нему. Поздоровался, извинился, сказал, что я теперь взэлкашник, (опять стыдно, но это правда) – начал врать, что я не позвонил ему до сих пор только потому, что потерял записную книжку с телефонами...

– Ладно, ладно. Потом... – перебил меня Юрий Поликарпович.

Я вернулся в свою компанию. И мне стало очень-очень грустно. Наша девушка вызвала по телефону подругу. Познакомились. Посидели ещё маленько, и все вместе поехали на такси в общагу. Снова выпивали. Николай пел свои замечательные песни. Девчата млели. И когда он по моей просьбе уже в который раз запел «После бала», я заплакал. Сглатывал тяжёлый, давящий комок в горле, а слёзы бежали, бежали, бежали...

– Ты чего, Витька? Что?.. – пробовал успокоить меня Николай.

– Понимаешь, Юрий Кузнецов – это... Эт-то!.. А я пьяный к нему. Дурак я, да, Коля?

Потом я встречал Юрия Поликарповича в институте, в книжной лавке, в Литфонде, в ЦДЛ, однажды встретились в продмаге «Армения». Разговоры были краткими. Я понимал, что Юрию Поликарповичу не до меня и не обижался. И всё же – судьба! – я дважды был у него дома в гостях. Первый раз так получилось. Я зашёл к Эрнсту Сафонову в «Литературную Россию». Эрнст Иванович разговаривал с кем-то по телефону. Закончил.

Мы быстро решили мой вопрос. И Сафонов спрашивает:

– Виктор, у тебя время есть?

– В каком смысле?

– Да вот надо Юрию Кузнецову этот конверт срочно отвезти.

– Да запросто, Эрнст Иванович.

– Спасибо. Пиши адрес. Я звоню ему, да?

Юрий Поликарпович встретил меня своим уже ставшим для меня привычным приветствием:

– Привет, Магадан!

– Здравия желаю, Юрий Поликарпович.

– Снимай обувь, проходи, если хочешь.

– Не помешаю?

– Нет. Я только что закончил новое...

– Может быть, прочтёте? – попросил я.

– Зачем? Вы же прозаики ничего не понимаете в стихах.

– Я понимаю. Маленько...

– «Маленько», – передразнил он меня. – Чай будешь?

– Не откажусь. Спасибо.

Мы пили чай. Я не знал о чём завести разговор. Молчал и Юрий Поликарпович. Но скоро он спросил:

– Чего грустный такой?

– С женой развожусь, – не стал скрывать я.

– Зачем?

– Да, Юрий Поликарпович, сложно всё... И всё уже решено.

– Все разводятся. Зачем? Зря, ведь. А я вот не буду.

– Ну, у вас золотая жена.

– Галя – она не золотая. Золотых жён не бывает. Бывают... – Он не досказал, какие жёны бывают. Замолчал.

– Разве вашу жену Галей зовут? – осторожно спросил я. – Не Фатима она?

– Батима. Но и Галя тоже. Она... одна такая. Сейчас нет таких женщин. Все сумасшедшие. Видно, время такое скверное. Ты всё же помирись попробуй.

– Там бесполезно, Юрий Поликарпович. Всё уже, финиш.

Чай был выпит. Кузнецов стал открывать конверт. И я поспешил откланяться.

В 1989 году у меня в «Современнике» вышла книжка «И проклинал себя, проклинал...». Я позвонил Юрию Поликарповичу, сказал, что хочу подарить ему эту книжку и спросил, когда можно прийти?

– Не сегодня, – ответил он. – Позвони дня через три-четыре. Если я не уеду...

Он не уехал. Мы встретились. Сидели в его кабинете.

Юрий Поликарпович ещё раз взял мою книжку в руки, взглянул на обложку. Хмыкнул:

– Себя проклинал, говоришь? Есть за что?

– Найдётся, если покопаться. Но... Это же мой лирический герой.

И Кузнецов вдруг разозлился:

– Какой ещё «лирический герой»?! Ненавижу, когда так говорят. Есть писатель, есть его мир, его душа, его взгляд, личное понимание... А «лирический герой» – это... ерунда!

– Ну, не совсем я с вами согласен, – заупрямился я.

– Это твоё дело. Знаешь, я потому сейчас почти и не читаю сегодняшнюю прозу. За редким исключением у всех этот «лирический герой» выпендривается, а сказать ему мне – нечего сказать. Зачем же тогда время на него своё отдавать?

– А Распутин, Астафьев, Белов, Крупин?..

Юрий Поликарпович, казалось, не услышал моего вопроса. Он хитро, с прищуром смотрел на меня. И продолжал:

– Вот, Виктор, честно мне скажи... Я догадываюсь, что ты ни при какой погоде Афанасьева не читал?

– Какого Афанасьева?

– Русского Афанасьева! Александра Николаевича. Хотя бы обязательное его «Поэтические воззрения славян на природу».

– Нет, не читал, – честно признался я.

– Да как же вы все так живёте?! – возмутился Кузнецов. – Не понимаю!

Пили мы в этот раз не только чай. Вместе со своей книжкой я принёс в дом Кузнецова две бутылки польской водки. (Готовясь к встрече с Юрием Поликарповичем, купил водку у наших поляков взэлкашников. Они приторговывали не только спиртным, которое приобретали в польском магазине, но и привозимой из Польши одеждой, косметикой, диктофонами. А из Москвы отправляли к себе наши холодильники, цветные телевизоры.) Кроме водки я припас и красивую коробку конфет для жены Юрия Поликарповича и дочерей Кати с Аней.

– Много пьют у вас на Добролюбова? – поинтересовался Юрий Поликарпович.

– Да по-разному бывает, – уклончиво отвечал я.

– Ты сам-то работаешь? Пишешь чего-нибудь?

– Да как в общаге писать? Вы же жили в ней, знаете...

– Я-а?! Я и тогда работал. Я всегда работаю! В электричке, на даче, в метро – работаю! – Кузнецов пристукнул по столу кулаком. – Мне нельзя останавливаться. Вся моя жизнь – поэзия. Меня нет без стихов.

– И всё же в общаге трудно писать, – я ещё как-то пытался оправдаться.

– А где легко? Везде трудно. Но... Если Бог дал тебе, если тебе есть что сказать – мучайся, но говори.

– Хорошо вы, Юрий Поликарпович, сказали: мучайся, но говори.

– А что? Не так? Я должен сказать то, что я должен. И другой за меня этого не скажет. А если и скажет... Он не сумеет так, как я. А было бы иначе, я бы не писал. Зачем? Кому нужно? Каждый из пишущих должен себя этим проверить. Ты проверил?

– Я ещё и не написал ничего, Юрий Поликарпович.

– Не написал? – переспросил Кузнецов. – А это тогда что? – он быстро нашёл мою книжку и потряс ею над столом.

– Это ученичество, мои первые опыты. Не то, что я хочу написать, – опустил я свои глаза вниз.

– Ученичество? Ну и зачем же сразу в издательство с ним? Премии какие-то ещё получаешь...

Я молчал. Кузнецов взял сигарету и долго разминал её. Сказал примирительно:

– Ладно, Виктор, не обижайся. Но запомни: если ты хочешь стать большим писателем, то пиши только тогда, когда ты уверен в том, что так как ты напишешь, кроме тебя никто не напишет.

Звонил телефон. Юрий Поликарпович брал трубку, отвечал. Возвращался к нашей беседе. И снова звонил телефон. Один звонок был, если я не ошибаюсь, от Игоря Тюленева. Скоро я почувствовал, что заметно пьянею. А тут и Батима вернулась с работы. Увидев выпившего мужа, она укоризненно покивала головой, но ни одного осуждающего слова вслух не сказала. А я понял, что мне пора срочно откланяться. Что и сделал, надарив в прихожей Батиме и Кате (Ани дома не было) ворох неоригинальных комплиментов.

Скоро учёба моя закончилась. И я со своей новой женой переехал на жительство во Владимир.

До печального ноября 2003 года я ещё трижды виделся в Москве с Юрием Поликарповичем. Но эти встречи были «на бегу». В одну из таких встреч, последней для Юрия Поликарповича весной, он спросил у меня:

– Ну, творишь? Успешно?

– Нет, Юрий Поликарпович. Почти совсем не пишу.

– Почему так?

– Работа первым замом в главной газете области так выматывает, что никаких сил не остаётся.

– Брось её.

– Я подумаю, Юрий Поликарпович, подумаю.

Мне не хотелось напоминать ему о его давнем совете. «Но запомни: если ты хочешь стать большим писателем, то пиши только тогда, когда ты уверен в том, что так как ты напишешь, кроме тебя никто не напишет.» Это был правильный совет. И я скоро понял, что никогда не стану таким Кузнецовым в прозе, каким Юрий Поликарпович Кузнецов был (остаётся и останется на века!) в поэзии.

...К Троекуровскому кладбищу я добрался с опозданием, когда все уже расходились. Опустился перед могилой на колени, положил цветы, помолился.

Зачем же я сегодня пишу всё это? Трясусь от желания примазаться к чужой славе? К имени гения русской литературы? Нет и нет. Я просто сильно-сильно люблю Кузнецова. И не представляю свою жизнь без его стихов.

А ещё я хочу громко возразить некому автору, который в своих заметках о Поэте назвал Юрия Поликарповича «нелюдимым». Дурак вы, автор! Поэт Кузнецов – он бесконечно людимый. Читайте его стихи не глазами, нет, а распахните перед ними свою душу. Сумеете так – обретёте любовь. Не сумеете, не захотите суметь – Юрий Поликарпович простит вас. Как простит и меня за этот торопливый текст без правки. Дай то Бог.

Леонид БАБАНИН



В УСТЬЕ РЕКИ СОБЬ

Эх, засиделись мы, однако, в домах своих. Как-то обыденно всё, однообразно: дом – работа – магазин, монетка – лента. Раз или два в год – на Юг, но и это уже кажется однообразным, поднадоело. Живинки хочется – «аперитивчика жизненного», чтоб улыбаться потом долго и ощущать послевкусие чего-то такого, что отвлекло нас от наскучившей обыденности.

Только я об этом подумал, как вдруг на экране телевизора пошла реклама: «ОГТРК «Ямал – регион» проводит 11-й чемпионат по зимней рыбалке». «А что, – подумал я, – триста сорок километров мне, живому ещё и здоровому человеку, не расстояние!»

Поеду! – твёрдо решил я и связался по интернету с организатором мероприятия Натальей Кожевиной. Она дала согласие на мой приезд для торговли с машины моими книгами о рыбалке и охоте.

Утро «торговца-писателя» в канун мероприятия началось в два ночи – чашка кофе, а в три уже старт на устье реки Сось, которое недалеко от Салехарда, – на место проведения чемпионата.

Автозимник раскачивал машину из стороны в сторону, проваливал в свои ручейные ямы, бил на выбоинах, но давал нам двигаться к намеченной цели, местами разгонялись и до ста километров в час. Хоть такое вождение машины является экстремальным, но на автозимнике я был не один. Ехали и легковые авто, и грузовые автопоезда; дорожная авто-суэта ничем не отличалась от шоссейной. После деревни Теги начался снегопад, он несколько затруднил передвижение, но мы продолжали ехать. На свежем снежке тут и там виднелись парные «следы» хищников, бисе-

ром рассыпались по полярному автозимнику, утверждая слово «любовь»: март у лисиц – брачный период.

Мода пошла у автомобилистов большой земли: владельцам импортных машин и снегоходов вдруг становится скучно, они сбиваются в группы и едут на север, в основном в Салехард, – и считают себя покорителями этих суровых мест. Но, увы, это их частное заблуждение: север давно покорён, и северяне комфортно проживают в этих северных широтах, радуясь жизни, идя в ногу вместе с нашей великой страной.

...Вот так и ехали – как говорил мой дед, «по темнарикам». Наконец добрались до места спортивных торжеств в устье реки Сось. Народ был уже на месте. Я остановился у переносного шлагбаума перед въездом на территорию мероприятия. Важного вида мужчина подошёл ко мне и сказал:

– Тут по пропускам, встаньте на общую стоянку! Другой, с табличкой на груди, осадил его:
– Пропускай! На эту «Весту» – 624 есть пропуск «Молодцы! – возликовал я, – Наташа Кожевина, специалист ОГТРК «Ямал-регион», проработала всё, даже мой въезд на территорию».

Моё место оказалось рядом с палаткой и мангалом Армена – крупного специалиста по шашлыкам. Я про себя порадовался – что может быть лучше армянских шашлычков? В Сухуми, в парке МВО есть кафе, хозяйку его зовут Аделаида, – так вот, таких шашлычков, как там, мне нигде больше пробовать не приходилось – нежные, ароматные, с каким-то особенным, вкуснейшим соусом, приготовленным самой хозяйкой. Она и

на слово была философ. Как-то съездили мы на Красную поляну – и рассказали, почём там шашлыки. Она послушала и ответила: «Это то же самое, что деньги порвать на мелкие клочки и выбросить в урну!».

А какие «семечки» делают армяне! Это порубленные сантиметра по три бараньи рёбрышки, зажаренные на мангале. Делают их в хороших ресторанах – не оторвёшься. Эх, армяне... Талант у них к этому делу заложен великий. Спросил я в Армении одного ресторатора, местного, звали его Ваган: «А почему у тебя шашлыки из баранины такие нежные, сочные получаются? Как ты выбираешь барашка?». Ваган налил стакан вина, поднял его и, погружаясь мыслями в процесс выбора «жертвенного» животного, начал объяснять: «А вот так: возьму барана за морду и посмотрю в его глаза. Если печальные они, испуганные, то отпускаю его, могу так несколько отпустить. А того, у которого из глаз льётся счастье, я беру на шашлык – ведь он повидал и радость, и любовь, и тепло солнечное, наелся вдоволь травки сочной, поэтому и мясо его будет сочным, нежным, как и его взгляд». Я подумал: что-то в этом есть. И искренне поверил ему.

Между тем соревновательный день набирал обороты. Рыбаков и их болельщиков – человек триста, у судейского стола участники регистрировались, получали жетоны. К соревнованиям были допущены как одиночки, так и команды. Все они – с ледобурами, с рыбацкими ящиками – торопились на лёд. Я разложил на капоте своего авто книги, оставил возле них девушку – торговку и пошагал на лёд, к рыбакам.

Организаторы соревнования обтянули красной лентой участок триста на триста метров, там и предстояло ловить рыбу. Ледок, скажу вам, был потолще, чем за Уралом: наращённый ледобур ростом с рыбака уходил под лёд полностью, так что поговорка «без труда не выгатишь и рыбку из пруда» соответствовала соревновательной задаче. Но рыбаки справлялись с этим заданием. Хрустел под ледобурами лёд, рыбацкий азарт давал себя знать. И уже через час, сосредоточенно склоняясь над лункой, рыбаки с волнением ждали своей удачи. А как же не волноваться, если победителя ждёт главный приз – снегоход, а это не много не мало – миллион рублей. А удача-то – в чёрной лунке во льду Соби.

Как будто между прочим, появился пяток оленьих упряжек. Видать, не только Армен увидел выгоду в этом мероприятии, но и сметливые оленеводы приехали, чтоб заработать на катании людей. И люди катались, не жалея денег, – до самой старости воспоминаний хватит. Дымили мангалы, неслись упряжки; соревнующиеся с рыбацким упорством ловили рыбу... И вот первый возглас:

– Поймал!..

Ох, если б ещё пару часов назад он знал, какой триумф его ждёт! Он и оделся бы по-другому, и постригся бы, и побрился, и речь бы придумал, но... Со всех сторон окружили его камеры, микрофоны; журналисты о чём-то спрашивали. Бедолага совсем растерялся, но что-то говорил.

Соревнования продолжались, номинаций было много. Сосредоточенное молчание над лунками прервал женский крик – из рыболовного ящика одного рыбака выбежала на лёд мышка. Сообразив, что попала куда-то не туда, она нырнула в пакет рыбачки, она-то от неожиданности и закричала. Мужчина помог рыбачке, вытряхнул из её пакета мышку, которая, как ни в чём не бывало, направилась в рюкзак к другому рыбаку. Тот выругался, вытряхнул мышку, а она – уже в ящике соседа. Крики и смех разносились по рыболовной площадке в направлении движения мыши, пока та не исчезла – то ли скончалась от страха, то ли скрылась в укромном месте. Стало тихо, все вновь увлеклись рыбалкой.

Тут загудел у меня «сотик». Звонила моя торговка Светлана:

– Нужно книгу подписать, купили!

«И у меня клюнуло», – победно подумал, я. Сегодня многие молодые писатели говорят о том, что написанные ими романы, повести или рассказы вызовут у читателя интерес и книги раскупят. Свои же деньги в издание книги вкладывать не хотят. Хочу обратиться к ним и сказать: «Уважаемые! Если вы считаете, что ваша книга гениальна и что она улетит с прилавка, не спите, издайте её на свои кровные, вот как я, например, – и попробуйте её самостоятельно продать. Посоветую ещё больше: компьютерным рисунком на обложке и серой бумагой читателя не привлечёшь! Я плачу художнику высокого класса за акварельные иллюстрации к тексту – до трёхсот тысяч рублей за книгу, так как иллюстрации привлекают читателя больше, чем сам текст. Работаю с тиражами по пять тысяч книг, продаю вот так – с капота авто. Или на книжной ярмарке, или на рынке. Можно ещё стойки с книгами расставить в больших торговых центрах. И посмотрите, как пойдёт ваша книга».

Первым покупателем сегодня оказалась женщина. Купила «Волки идут следом», повесть. Я подписал и подумал: «Плохая примета у официантов в ресторане, если вечером первый посетитель – женщина: навару не будет!»

Рыбацкий праздник набирал обороты. На сцене захрипели динамики, из подъехавших ГАЗелей стали выходить артисты в национальных одеждах народов ханты, ненцев, коми; в казацких, украинских нарядах. Вот-вот должна начаться концертная программа. Скажу вам прямо: не к месту были бы тут, на Крайнем Севере, московские звёзды – Киркоровы, Михайловы, Моисеевы и другие, кто пытается веселить нас за деньги.

Три палатки с дымящимися шашлыками, горячий чай, выпечка. Высокий ненец в национальной одежде продаёт ненецкие деревянные блюда. В небе кружат частные летательные аппараты, люди гуляют в ожидании итога соревнований, сияют улыбки, лица лучатся радостью...



02 / 2017

Заворожённый праздничной эйфорией, я бесцельно гулял в этой праздничной толпе народа – и вдруг поймал себя на мысли, что я тоже с ними, на этом празднике жизни. Загудел телефон, Светлана сказала, что меня ждут покупатели.

Вы знаете, не коммерческие соображения, а чувство писательской востребованности радовало меня. Когда покупают результат твоего творчества, значит, ты нужен читателю как автор.

У капота моей Лады Веста стояли муж и жена, в руках которых были мой роман «Вертолётная рапсодия» и «фишка» сегодняшнего мероприятия – книга «Рыба Обского севера». Мужчина рассказал, что он занимается исследованиями на Ямале, этнокультурой, собирает материалы об истории Салехардского аэропорта – и, увидев литературу о нашем Обском севере, не мог не остановиться и не купить вот эти две книги. С удовольствием я подписал им моих пару литературных работ, а Светлана с благодарностью, приняла от них тысячу рублей. Да и что сказать – Светлана, симпатичная, высокая, красиво одетая девушка, не могла не привлечь даже скупого покупателя. У такой – грех не купить. Армен, жаря свой шашлык, то и дело поглядывал на наш капот – соревновательный дух, кажется, проник и в него, легко читалось в его взгляде удивление: «Ещё и книги люди покупают?..»

На сцене грянули первые аккорды музыки, ведущий представил всем коллектив дома культуры имени 30-летия Победы города Лабытнанги. Стало ещё веселей. Дым от мангалов повалил ещё гуще, ароматы жаренного мяса разливались повсюду, развёртывалась торговля. Появились и первые «коробейники». Красивая хантычка разложила перед собой детские бурки из оленьего меха, и одним из покупателей её продукции стал я – купил детские бурочки. И вновь звонок моего «сотика»:

– Тут ещё подошли за книгами, – сухо сказала Светлана.

Радуюсь в душе, я поспешил к своему авто. У капота стоял прилично одетый мужчина, по лицу и по виду – «крутой». Протянул мне руку, представился: режиссёр видеофильмов об охоте и рыбалке «С полем!». Подписал я ему две книги, пожелал творческих успехов, Светлана упрятала тысячу рублей, и дело двинулось дальше. Я – любитель охотничьих и рыбацких программ, смотрю ТВ «Охотник и рыбовод», но когда просмотрел несколько роликов «С полем!», то ахнул: ни одна программа конкуренции с ней не выдержит. В этой программе можно увидеть не только уникальную флору и фауну, но и настоящих северян – суровых мужиков, мальчишек – такой фактуры нет у режиссёров центральных регионов России. Избушка на берегу Оби, хозяин в ней, а на окне тюбики вниз головой – хрен, горчица, майонез, которыми они кусочки смачных блюд севера сдабривают... Посмотрите эти ролики и вы, уважаемые читатели, – защежит и вашу рыбацкую или охотничью душу, и у вас закрадётся мечта побывать там, где побывал это режиссёр. Когда я просмотрел его видеоролики, поймал себя

на мысли: а тексты-то мои начали сползать, они не дотягивают порой до этой программы. Но – я отвлекся от праздника.

...На сцене началось действие. Я, как и все зеваки, придвинулся поближе, чтоб не только услышать, но и, как говорят на Украине, «подивиться вблизи». Красивая одежда артистов, талантливые исполнители, баян, скопление народу, техники, летающие в небе вертолёты, запах шашлыков – всё это усиливало праздничную эйфорию. Со льда на импровизированную площадь потянулись рыбаки со своими ящиками, связками удочек, с красными от ветра и солнца лицами – в ожидании обещанных призов и грамот. А ансамбль казачьей песни радовал души северян. Вот патриотизм! Ведущий перед каждым номером программы представлял, всегда в новой интерпретации, организатора праздничного концерта – клуб имени 30-летия Победы города Лабытнанги.

Но вот опять зазвенел телефон, торговка книгами попросила меня подойти. Я отвлекся от концертной программы и с радостью поспешил к своему автомобилю. Женщина лет тридцати держала в руках мою книгу, изданную совместно с мансийским поэтом Андреем Тархановым – «Волки идут следом». Она стоила сто восемьдесят рублей и, наверное, была единственной, приходившейся моей покупательнице по карману. Оглядывая остальные книги на моём капоте, стоимостью в пятьсот рублей, она сказала:

– Я просто читать люблю, а тут вижу – наш, северный автор!

Из концертной толпы появилась фигура режиссёра «С полем!». Он привёл к моему капоту такого же представительного мужчину, а когда подвёл его вплотную, то, указав перстом в сторону книг, произнёс:

– Всё ценное, что есть на этой площади, – на капоте этой машины!

«Вот это изречение, – подумал я, – да от таких людей! Заголовок целый!». Ещё пара книг ушла с капота моего авто.

Светлана купила у Армена шашлык, а, попробовав, сказала:

– Резина!

– Но ведь дело-то в мясе, а не в Армене, – вступился я за армянина, – не выращивал Армен эту свинью, не глядел ей в глаза. Армен красиво развернул мангал и весь «киосочный» аксессуар. Красиво пожарил мясо и красиво подал – и на том спасибо ему.

Праздник подходил к концу. На сцене победители получали призы, продуманно организаторами было всё до мелочей, ведь учредитель-то соревнований – редакция ОГТРК «Ямал-регион», спасибо им.

И я не с пустыми руками ехал домой – пятнадцать проданных книг. Вы скажете, мало продал? Скажу: нет, нормально, на триста человек пятнадцать книг – это хорошо! Плюс тезис: «Всё ценное, что есть на этой площади, есть на капоте этой автомашины!»

Этот боевой эпизод трудно назвать «битвой» из-за числа вооружённых сил, сошедшихся в этом поединке – это было элементарное сражение, которое решало многое. Сражение произошло на льду Чудского озера 775 лет назад 5 апреля 1242 года по старому стилю, а в современной России эта дата как День воинской Славы отмечается 18 апреля. Но смысл всего этого события в том, что оно произошло в апреле далёких лет, но неоднозначность итогов его трактуется до сих пор...



СРАЖЕНИЕ НА

Прежде чем перейти к описанию самого сражения, получившего в народе название «Ледовое побоище», нужно сказать пару слов о творце этой победы, князе Александре Ярославовиче Невском (1221–1263), который многим отличался от «великих» и поместных князей того времени. К нему больше подходит титул русского полководца и дипломата Земли Русской средних веков. Вся его деятельность была направлена на то, чтобы сохранить скелет Земли Русской, и ему это удалось, который потом оброс мышечным мясом...

Недаром в народе говорят: «Пришла беда, открывай ворота». Воспользовавшись нашествием монголо-татар, алчные немецкие и шведские рыцари стали опустошать новгородские и псковские земли, мечтая силой оружия подчинить их себе. Но их планам не суждено было сбыться. Русская рать во главе с князем Александром в 1240 году разгромила шведских завоевателей на реке Неве. А 5 апреля 1242 года Александр, прозванный за блестящую победу над шведами Невским, наголову разбил рыцарей Ливонского ордена на льду Чудского озера. В историю это сражение вошло под названием Ледового побоища, и надолго победа в нём

обезопасила северо-западные границы Руси.

Католическая Западная Европа в лице Тевтонского ордена и Рижского архиепископства представляла собою смертельную угрозу для самого существования Руси, а потому роль победы Александра Невского на Чудском озере в русской средневековой истории особенно велика.

Итак, 5 апреля 1242 года с восходом солнца на широком ледяном просторе Узмени показали крестоносцы. Немцы не обнаружили русской конницы и, как и предполагал Александр Невский, построились «свиньёй», опасной в битве с пешей ратью.

При построении своего войска Александр отказался от равномерного распределения сил или создания мощного центра, а расположил в центре первой линии, перед «челом» (центр войска) растянутый по фронту полк пешцев. «Они имели красивейшие доспехи. Их знамёна были богаты, их шлемы излучали свет». Первые ряды полка составляли лучники, на флангах стояли усиленные пешие полки Правой илевой руки, за ними – конница, разделённая на две части. Позади «чела» князь поставил свою немногочисленную, но тяжело, вооружённую конную дружину (вес всадника



вместе с доспехами достигал 120 кг). Владимиро-суздальская и новгородская конница, находившаяся на флангах, состояла из всадников, одетых в более лёгкие защитные доспехи.

Рыцари тем временем закончили построение клина. Закованные в латы крестоносцы на медленной рыси двинулись вперёд. Обстреляв их, русские лучники отошли в боевые порядки на фланги. Левонцы врезались в передовой полк пехоты, который сумел ослабить их напор, но не удержал наступления. Клин продолжал движение и врубился в «чело». И здесь «свинья» увязла в боевых порядках русских.

На прорвавшихся крестоносцев на двигалась русская конница, приготовившаяся к таранному удару в копыта. Посреди неё развивался тёмно-бордовый стяг с грозным ликом русского Бога. Всадник, стоявший рядом со стягом на белом коне, взмахнул мечом. Глухо вздрогнул лёд – то конные отряды владимировцев и новгородцев стремительно рванулись в атаку, обходя сражающихся воинов. Фланги русской пехоты железными клещами стиснули клин крестоносцев, а конница, завершив охват, ударила по тылу вражеских пехотинцев.

«И бысть та сеча велика немцем и чуди, труск от копий ломления, и звук

мечного сечения, яко и морю померзшу двинуться. И не бе видити леду: покрыто бо бе всё кровию» – записал русский летописец.

Весть о блестящей победе русского войска под руководством Александра Невского облетела не только русские земли, но и далеко за пределы их – от «моря Варяжского (Балтийского) и до великого Рима».

Псковичи срочно достроили собор Иоанна Предтечи (1240–1243), посвятив его победе русского народа над иноземцами.

Сражение на льду Чудского озера одно из крупнейших сражений средневековья. Благодаря победе русского войска было приостановлено продвижение крестоносцев на восток. Опасность, двигавшаяся на север-запад Руси, была устранена. В неприкосновенности сохранилась самобытная, яркая культура и политический строй Новгородских и Псковских земель.

Сегодня эту попытку, как когда-то орден крестоносцев, пытается повторить НАТО, забыв завещание наших предков – Кто на Русь с мечом придёт, тот от меча и погибнет! На том стояла, и стоять будет Русская Земля!



Игорь
КОХАНОВСКИЙ

МЕЖ НАМИ БЫЛИ ВЁРСТЫ, МИЛИ

1972 г.

*Влезли ко мне в душу, рвут её на части,
Только б не порвали серебряные струны.*
В.Высоцкий

Когда 1 сентября 1952 года я вошёл в свой класс 8-й «В», то увидел много «новеньких», вернее тех, кто и раньше учился в нашей школе, но в других, параллельных 7-х классах (которых, между прочим, было аж семь – результат очень высокой рождаемости 37–38 годов, когда «жить стало лучше, жить стало веселей»). Тогда многие после «семилетки» поступали в техникумы, поэтому количество 8-х классов в школе уменьшилось, и в результате реформирования я оказался с Володей Высоцким в одном классе.

То ли потому, что мы с ним действительно чем-то внешне похожи, или по какой-то другой, необъяснимой причине, но мы сразу же нашли друг друга и сели за одну парту. Так началась наша дружба.

До сих пор меня не оставляет чувство горечи. Господи, думаю, как же он рано ушёл... Как несказанно жаль, что при жизни он не познал даже намёка на то официальное признание, которое пришло только после его кончины («они ценить умеют только мёртвых»). И хотя ещё при жизни его популярность и слава не имели аналогов, но ему до жути хотелось «газетно-телевизионного» тому подтверждения.

Сегодня этих подтверждений, как говорится, хоть отбавляй. Это прекрасно, но мне непонятна та личина трагичности, в которую столь упорно стараются его обрядить. Да, судьба его трагична уже одним столь ранним его уходом из жизни. Всевозможные запреты на публикацию и концерты, естественно, омрачали его будни. Но это никак не означает, что он превратился в человека, угрюмого и мрачного, воплощающего самую тщетность бытия. Нет, и ещё раз нет. Ибо более веселого, остроумного, фонтанирующего всякими

02 / 2017

шутками-прибаутками человека мне лично не довелось встретить. И не надо забывать, что он был Актёр, и это – главное в нём. Актёр по своей природе и, как говорится, до мозга костей. Игра была его стихией, его истинной натурой. Именно с игры или, как он любил говорить, «оригинальности ради, забавы для», началась его песенная стезя. Вначале как очередная затея, придуманная только для того, чтобы встречи «нашего круга», в который «не каждый попадал», были веселее и разнообразнее. Лишь много позже из игры выросло явление, о котором споры не утихают и сегодня. К слову сказать, и в серьёзных вещах Володя часто играл и даже заигрывался, что приводило его нередко к, казалось бы, безвыходным ситуациям. Но лёгкость, с которой он принимал очередные «жизненные катаклизмы», всякий раз выносила его, целёхонького и невредимого, на берег «тихой гавани», что он считал само собой разумеющимся. Вообще же Володя был слишком сам в себе, несмотря на всю явную открытость, распаханность и доступность – качества, которые зачастую были лишь своеобразным щитом для всего сокровенного, очень личного, а потому и свято оберегаемого. И надо было действительно, как говорится, пуд соли (и не один) съесть с ним вместе (а моя жизнь и его 20 лет шли тесно бок о бок и только где-то с 1973-го года стали расходиться в стороны), чтобы узнать его настоящего.

Литературой, и в частности поэзией, мы увлеклись в 10-м классе. Узнав от учительницы о существовании В.Хлебникова (помню, нас совершенно потрясла строчка: «Русь, ты вся – поцелуй на морозе»), И.Северянина, Н.Гумилёва, мы стали ходить в читальный зал Библиотеки им. В.И. Ленина, брать книги этих

писателей, что-то выписывать, заучивать. Недавно моя сестра среди старых вещей случайно обнаружила тетрадь, где аккуратным ученическим почерком переписан почти весь сборник Игоря Северянина «Громокипящий кубок». (Но вообще читальный зал Ленинки в те годы пользовался популярностью у старшеклассников Москвы ещё и потому, что был своеобразным местом встреч и знакомств.)

Больше всего нас интересовали неожиданные образы, метафоры или сравнения. Так что, скажем, строчка «шампанского в лилию, в шампанское лилию» или «золото с кружев, с розоватых брабантских манжет» вызывали в нас и восторг, и удивление, и бесконечные, вероятно, очень наивные рассуждения. Помню поразившие нас пять строк И.Северянина:

*В двадцать лет он так нахустрил:
проститутток всех осестрил,
астры звёздил, звёзды астрил,
погребя перереестрил.
Оставалось только – выстрел.*

Однажды Володя принёс в школу тоненький сборник Саши Чёрного, и нам так понравилось стихотворение «Обстановочка», что мы тут же накропали что-то, подражая его бытовизмам и аллитерациям: «Я сжимаю тебя, обожая, жар желанья зажётся в груди...»

Потом как-то на несколько дней к нам попала книжечка стихов Н.Гумилёва, из которой мы кое-что выучили, в частности, «Капитанов» и «Рабочего», а когда Володя где-то достал сборник рассказов И.Бабеля (хочу заметить, что это 1954-й год, ещё упомянутые здесь авторы фактически под запретом) и книжка эта была у нас почти месяц, мы под очарованием одесских рассказов стали говорить «языком» Бени Крика и Фроима Грача, к месту и не к месту вставляя «потому что у вас на носу пенсне, а в душе осень», «пусть вас не волнует этих глупостей» и т.д. и т.п. Спустя много лет я понял, как много из всего прочитанного и заученного в то время отозвалось в песнях Володи. Гумилёвский «изысканный жираф», к примеру, стал прототипом «героя» песни «В жёлтой жаркой Африке», а бабелевская строчка «чую с гибельным восторгом» полностью вошла в небольшой шедевр под названием «Кони привередливые». Но всё это будет потом. Тогда же нам действительно «жизнь представлялась зелёным лугом, по которому бродят женщины и кони», а увлечение словесностью подталкивало на робкие попытки сочинять что-то самим. Сначала это были какие-то дурацкие эпиграммы друг на друга или на наших одноклассников. В день «последнего звонка» нам



С одноклассником Игорем Кохановским. 1955

взбрело в голову написать что-то вроде «отчёта» за десятилетку, написать о школьной жизни и обо всех наших учителях, и за четыре урока мы накатали шуточную поэму аж в двадцать онегинских строф. (Года два назад кто-то из литературоведов, изучающих творчество Высоцкого, опубликовал этот наш школьный эпос, чудом сохранившийся у меня в одной из тетрадей.)

Потом мы вместе поступили в один институт – в МИСИ им. В.В. Куйбышева. Почему в этот институт? А всё с лёгкой руки Володи. Ребята мы были безалаберные, легкомысленные, не то, что теперешние десятиклассники, которые за несколько лет до окончания школы уже знают, куда будут поступать. Мы же только перед майскими праздниками 1955-го года вдруг вспомнили, что надо будет поступать в какой-то институт. В какой? Володя говорит:

– Пойдём к моему отцу, может, чего он посоветует.

Пришли.

– Значит, так. Слушай сюда, – военная привычка Семёна Владимировича всегда нас умиляла. – Чтоб иметь гарантированный кусок хлеба при любых обстоятельствах, надо поступать в технический вуз и получать специальность инженера.

Мы поблагодарили за совет и пошли размышлять, куда будем поступать. Дело в том, что инженерные специальности нас обоих абсолютно не прельщали. Нас уже тогда, можно сказать, интересовало всё, что связано с литературой. Но поступать на филологический факультет в какой-либо вуз мы не решались, так как гуманитарный институт не освобождал от службы в армии, и в неё могли забрать с любого курса, а мы этой армии боялись, как огня, ибо три года, отданные служению отечеству, нередко ломали дальнейшую жизнь. И хотя Володя в одной из эпиграмм на меня написал:

*Тебе б филфак был лучшим местом,
Живёшь ты с рифмой очень дружно...
Пиши ты ямбом, анапестом,
А амфибрахийем – не нужно...*

решили последовать совету Володино отца. Ну а в какой конкретно вуз, ещё не знали. И тут Володя, большой оригинал, предложил: институт, у которого будет самый красивый приглашенный билет на «день открытых дверей», туда и пойдём. Самым красивым оказался приглашенный билет из МИСИ. В него и решили поступать.

А вообще мы с Володей собирались закончить школу с медалью. Не золотой, конечно, – с серебряной. Тогда не надо было все 10 лет учиться на четвёрки и пятёрки, достаточно было иметь в аттестате не больше двух четвёрок – такие в те годы были правила. И мы с первых дней десятого класса, засучив, как говорится, рукава, взялись за учёбу, и первую четверть окончили с тремя или четырьмя четвёрками, рассчитывая в следующих четвертях превратить их в пятёрки. Но тут, когда закончилась первая четверть, соседняя женская (тогда обучение было отдельным) приглашает наши десятые классы на вечер накануне октябрьских праздников. На вечере была какая-то самодеятельность, но всё это только усугубляло скуку, и хотелось поскорей уйти. Вдруг Володя говорит, что надо как-то развеселить публику. А в те годы, задолго до ставших потом популярными анекдотов армянского радио, ходили в виде опять же анекдотов басни Крылова, переделанные на армянский манер. И вот одну из таких басен про псарника и мишку-бескультурника (установивший псарник решил отдохнуть, лёг подремать, а некультурный медведь вызвался охранять его сон, прерываемый назойливым комаром, которого медведь увещевал просьбами не мешать отдыхать рабочему человеку, на что комар не обращал никакого внимания, даже когда медведь намекнул ему, что тот издевается в лице спящего псарника над всем рабочем классом, а когда и это не помогло, медведь взял пудов на двадцать камень, осторожно на голову комара опустил, в результате чего комар скончался, псарник тоже, и медведь от



Свадьба В.Высоцкого и Л.Абрамовой. Свидетели – Игорь Кохановский и Елена Щербиновская. Москва, май 1965

разрыва сердца умер; из всего этого следовала такая мораль: когда спать ложишься, нос платком закрывай, комар кусаться не будет) Володя вышел на сцену и рассказал, притом с армянским акцентом, коверкая падежи, женский и мужской род, склонения (звучало так: «из этум басня такой морал»), короче, очень комично всё переиначил. Все смеялись, он получил (возможно, первую в своей жизни) бурю аплодисментов и этим немного скрасил тоскливый, первый совместный с девочками вечер. А назавтра его вызывают к директору вместе с родителями и чуть ли не выгоняют из школы, но, смилостившись, ограничиваются тройкой по поведению за первую четверть (это 1954 год, совсем недавно загнул уса́тый вождь, ещё были сплошные заморозки и об оттепели никто даже и не заикался, и невинный анекдот был расценён как чуть ли не антисоветчина).

Ну а раз у друга не будет медали, то и мне она вроде как ни к чему. Но школу мы закончили вполне прилично, без троек.

Приходим на День открытых дверей. Собрание абитуриентов происходило в отличном клубе при институте, в нём тогда играл свои спектакли студенческий театр этого вуза. В дверях клуба нас встречают какие-то молодые люди, как потом выяснилось, старшекурсники, и почему-то, почти шёпотом, спрашивают входящих, есть ли у кого спортивный разряд. Я говорю «есть», ко мне сразу подбегают и уточняют, какой разряд и по какому виду спорта.

– Первый, – говорю, – по хоккею с шайбой.

А я в то время очень успешно занимался этим видом спорта и даже играл за юношескую сборную Москвы. Был я в клубе ЦСКА, и если кто помнит такого знаменитого в своё время хоккеиста, как Вениамин Александров, так вот он (когда мы с ним играли за юношей), на тренировках пристраивался ко мне, когда мы отрабатывали скорость бега на коньках, так как я тогда бегал быстрее его, а улучшать результат лучше, если тянешься за тем, кто тебя на этот момент опережает.

Короче, ко мне сразу подбежали трое парней и говорят, мол, давайте на наш факультет, на механический, мы, говорят, поможем поступить. Я говорю: «Во-первых, я не один, а с другом». Значит, говорят, поможем двоим. «А во-вторых, – говорю, – что значит поможем?». А мы, отвечаю, скажем вам накануне, какие темы сочинений будут на экзамене, ну и по математике тоже скажем, к какому преподавателю пойдёте отвечать, ну и по физике тоже.

Мы согласились. И действительно, накануне экзамена ко мне на Неглинку (я оставил

им свой адрес) приехали две девицы и передали три темы сочинений, какие будут завтра. Я позвонил Володе, назвал темы, и по каждой из трёх у него (да и у меня тоже) были уже написанные и проверенные на предмет ошибок сочинения (мы их загодя собирали). На экзамене просто достали их из-за пазухи, положили на колени и списали. Но где-то, видимо, пропустили по запятой, потому что получили по «четвёрке».

Следующий экзамен был по математике. А в школе, где мы учились, в те годы работал один из лучших учителей Москвы по этому предмету, у него даже был орден Ленина, а тогда ордена просто так не давали. И он нас очень здорово поднатаскал на решение уравнений.

Приходим сдавать математику. Нам наши «шефы» говорят, что, мол, пойдёте сдавать вон к той пожилой dame. Я иду первый. Отвечаю всё по билету, но она мне даёт дополнительное уравнение. Его я тоже решаю. Она даёт новое. Я и его решаю. Короче, десять дополнительных уравнений, которые я «пощёлкал», как орехи. Получаю 5. Выхожу и говорю, вот, мол, какая стервь, хотела, небось, завалить. А к слову сказать, конкурс туда, куда мы поступали, был чудовищный – на наш факультет, нам потом сказали, поначалу было по 18 человек на одно место – это же были по рождаемости, повторюсь, самые «урожайные» годы. За мной идёт сдавать Володя. И у него повторяется всё то, что и со мной, и тоже «пятёрка».

Физику и французский мы сами знали прилично, так что без всякой помощи получили хорошие отметки и поступили в МИСИ.

Но Володя проучился в нём только первый семестр.

«Поворотным пунктом» в решении уйти из этого вуза стала новогодняя ночь 1956 года. Встречали мы наш самый любимый праздник весьма своеобразно: засели на кухне у Володи на 1-й Мещанской, чтобы сделать чертежи и сдать их непременно 1-го января. В противном случае к экзамену по химии 2-го января нас не допускали.

В 12 часов мы всё же откупорили шампанское, наполнили бокалы, чокнулись, сказали «с Новым годом» и, едва пригубив, опять засели за чертежи.

Сварили крепкий чёрный кофе, выпили по чашечке, чтоб не хотелось спать.

Где-то часам к трём закончили чертить. Допили шампанское. Закурили. И тут только я посмотрел на то, что получилось у Володи. Сдержатъ смех я просто не смог... На последнем из восьми форматов размером А4, на которые был разделён лист ватмана, мы должны были начертить образцы всех шрифтов,

употребляемых в черчении. Идиома «как курица лапой», казалось, нашла ещё одну графическую интерпретацию в исполнении Володи. Он тоже засмеялся, но как-то грустно, словно впервые увидел своё творение со стороны. Потом взял чашку, из которой пил и где на дне осталась гуща кофе (мы заварили очень крепкий, чтоб спать не хотелось), и стал медленно-медленно, даже с каким-то наслаждением, поливать всё начертанное остатками кофейной гущи.

– Ты что, спятил?

– Я больше в институт не пойду. Мне там неинтересно.

– Да ты с ума балдел? (Это было наше выражение.) Между прочим, благодаря моему первому разряду поступили, а ты во чего надумал!

– Нет... Всё. Буду готовиться, ещё есть полгода, попробую поступить в театральный. А это – не моё...

25 января я приехал к Володе – был его день рождения, а я к тому же сдал свою первую сессию. Он болел – сильно простудил горло, был закутан в оренбургский платок и говорить старался тише. Мы вдруг вспомнили всё, что произошло с нами за последнее время, и написали об этом песню – как сдавали выпускные экзамены, как готовились поступать в институт, как поступили, как сразу же через неделю учёбы нас послали на картошку, как мы «помогали» колхозничкам выполнить госплан, как Васёчек бросил институт (Васёчек – так мы называли друг друга, это было что-то вроде пароля или клички; откуда это пошло, мы сами толком не могли потом вспомнить, но вроде бы кто-то ещё в школе сказал про нас – да они давно Вась-Вась...) и вот как он теперь заболел, а ему и бюллетень ни к чему, и как он болеет вместо того, чтобы готовиться к поступлению в школу-студию МХАТ. Песня была очень длинная (на мотив одной из песен популярной тогда радиопостановки «Поддубенские частушки» по рассказам С.Антонова) и почти забылась, но последний куплет был таким:

*А коль во МХАТ не попадёт,
раздавим поллитровочку,
Васёк в солдатики пойдёт
носить ружьё-винтовочку.*

Песня была тут же исполнена нами под мой аккомпанемент на гитаре (Володя тогда ещё только учился этому немудрёному искусству) его соседям по квартире и даже вызвала смех и похвалу в адрес авторов.

Он поступил в школу-студию МХАТ, и так как там учатся только четыре года, то мы одновременно закончили каждый свой вуз.

Володя был принят в театр им. А.С. Пушкина и тут же уехал в Ригу на летние гастроли. Через несколько дней он позвонил и спросил, не хочу ли я приехать, – можно прекрасно отдохнуть на Рижском взморье. Свободного времени у него навалом (всего три ввода в малюсенькие роли), так что будем купаться и загорать от души. Я согласился и через день выехал в Ригу.

Володя и ещё несколько молодых актёров жили в гостинице «Метрополь», на первом этаже которой был очень уютный небольшой ресторан. Почти каждый вечер мы скромно ужинали там (денег у нас было в обрез), но засиживались частенько допоздна, когда музыканты, уже собрав свои инструменты, расходились и освобождали сцену.

Однажды Володя попросил разрешения у метрдотеля «побренчать» на пианино, тем более что ресторан к тому часу был уже полупустой. Тот разрешил. Но прежде, чем рассказать, что произошло затем, небольшое отступление.

Нельзя сказать, что Володя «умел играть на пианино» в привычном понимании этих слов. Скорее «садился он за клавикорды и брал на них одни аккорды». Зачастую просто дурачился, аккомпанируя какой-нибудь смешной песне типа «Придёшь домой, махнёшь рукой, выйдешь замуж за Васю-диспетчера, мне ж бить китов у кромки льдов, рыбьим жиром детей обеспечивать» или что-то Вертинского, которого мы оба очень любили, но опять-таки пел не всерьёз, а как-то занятно переиначивая его (помните эпизод из фильма «Место встречи изменить нельзя», где Жеглов – Высоцкий поёт «Где вы теперь, – кто вам целует пальцы?»). Когда он приходил ко мне домой, то сразу садился за пианино и начинал что-нибудь бренчать. А так как со второй половины пятидесятых мы буквально «заболели» джазом, который тогда преследовался за «буржуазность», то бренчания Володи с некоторых пор стали не чем иным, как вольным переложением популярных джазовых песен. Любимым нашим певцом в то время был Луи Армстронг. И Володя стал петь «под Армстронга»... Он достиг таких вершин имитации, что начинало казаться, будто поёт знаменитый негритянский трубач. И это при том, что Володя абсолютно не знал английского языка, ни единого слова, кроме «ес» и «дарлинг» (в школе мы учили французский). Но как он имитировал! Люди, знавшие язык, в первый момент терялись и не могли ничего понять: вроде бы человек поёт по-английски, и в то же время невозможно уловить ни слова. И когда, наконец, до них доходило, в чём дело, смеялись до слёз. Кстати, этот тренаж «под Армстронга», видимо, выработал в

02 / 2017



С Игорем Кохановским в день восемнадцатилетия. 25 января 1956

дальнейшем ту удивительную хрипотцу, что придавала неповторимую силу и красоту тембру его голоса.

Итак, метрдотель разрешил «побренчать», Володя поднялся на эстраду, сел за пианино, взял пробно несколько аккордов и запел «Кис оф файэ» («Огненный поцелуй»), один из самых популярных шлягеров Армстронга. Люди за столиками сначала перестали «выпивать и закусывать», потом перестали разговаривать, а потом в ресторане наступила тишина, как в концертном зале. Официанты застыли там, где их застало пение, сидевшие за столиками развернули свои стулья так, чтобы удобней было слышать и видеть, мы, подыграв общей реакции, сидели молча, улыбаясь. Когда он закончил, ресторан разразился аплодисментами... Володя лишь на миг растерялся от такой «реакции зала», но тут же сделал жест, мол, «не надо оваций», и улыбаясь нам, снова запел что-то «под Армстронга». А когда примерно через полчаса он встал и собрался спуститься со сцены к нам, эстраду окружило несколько человек, каждый кричал что-то своё, называл какие-то песни, прося их исполнить, имена каких-то певцов, короче, его «не отпускали»... Потом повторилось то же самое, и кто-то из ресторанных завсегдатаев даже протягивал неуклюжий лоскут тогдашней сторублёвки. Володя вежливо отвёл руку с деньгами, сказал «на сегодня – всё» и, наконец, оказался за нашим столиком.

В дальнейшем, когда Володя и наша компания только появлялась в дверях ресторана, официанты начинали бегать быстрее, напоминая кадры старой кинохроники, чтобы к

моменту, когда начнётся «концерт», работа уже не отвлекала от удовольствия слушать необычного певца.

А в один из таких вечеров, когда наша компания сидела в этом ресторане, нам было не до Володиных экспромтов – мы слушали пьесу Александра Галича «Матросская тишина» в исполнении Гены Портера, сокурсника Высоцкого по школе-студии МХАТа, которого тоже по окончании учёбы взяли в театр им. А.С. Пушкина. Дело в том, что, когда Гена ещё был на третьем курсе, его пригласил театр «Современник», ставивший эту пьесу Галича, на роль главного героя в детстве. Драму поставили, но после генеральной

репетиции, запретили, и она в репертуар театра не попала. А пьеса была потрясающая, и Гена так её полюбил, к тому же ему выпала удача репетировать с тогдашними ведущими актёрами «Современника», что он выучил её наизусть. И вот теперь один за всех действующих лиц, играл нам её. Я очень хорошо запомнил реплику, когда один из действующих лиц произносит слова «Скажи, ты видел стену плача?», в этот момент Гена посмотрел куда-то вверх и как-то удивлённо-растеряно сказал: «Ой, Александр Аркадьевич Галич». (Дело в том, что ресторан находился в полуподвальном этаже, и войдя в него, надо было спуститься по небольшой лестнице вниз. И вот наверху, в дверях ресторана появился неожиданно знаменитый писатель.) Галич тоже увидел знакомого актёра и подошёл к нашему столу. Гена его представил нам, а ему – нас. Александр Аркадьевич посмотрел на наш более чем скромный ужин, подозвал официанта и сказал: «Сегодня студенты гуляют. Принесите, пожалуйста, нам выпивки, закуски, да побольше».

И началось шикарное застолье...

Часа в два мы всей компанией поднялись в номер Галича. Расходиться не хотелось. Откуда-то появилась гитара и тут же оказалась в руках Александра Аркадьевича и мы услышали «Облака плывут, облака, в милый край плывут, в Колыму...». А ещё мне запомнилось, как он сыграл – спел «Течёт речечка по песочечку, бережочек моет...». Но было уже поздно, и мы вскоре разошлись по своим номерам. Назавтра у Володи выдался свободный день, и мы с Александром Аркадьевичем пошли бродить по старой Риге. Он предложил

пойти посмотреть местный базар, который славился своими цветочными рядами (таких я больше ни в одном городе не встречал), а потом сказал, что непременно надо заглянуть, хоть ненадолго, на Рижское кладбище, оказавшееся удивительно ухоженным по сравнению с московскими погостами, с очень красивыми, оригинальными надгробными памятниками.

О чём говорили во время этой прогулки, конечно, забылось. В основном говорил Галич, рассказывал о чём-то из киношной и театральной жизни, а мы, открыв рты, слушали. Заговорили о новом модном художнике, выставка которого год назад наделала много шума в Москве, после чего живописец стал притчей во языцех культурных кругов столицы. Оказалось, что у Галича с ним недавно произошла довольно неприятная история. Жена Александра Аркадьевича – очень красивая женщина. Встретив её где-то то ли в Доме кино, то ли в Доме литераторов, художник попросил разрешения написать её портрет, сказав, что работает он быстро, и два сеанса позирования ему будет вполне достаточно. Галич пригласил его домой. Тот дважды приезжал, на третий раз пришёл с портретом и, вручая свою работу (а портрет, действительно, получился очень удачным), сказал, что с Александра Аркадьевича причитается 10 тысяч рублей. На что Галич ответил «пошёл вон», художник забрал портрет и ретировался...

Но нас, конечно, интересовала современная поэзия, и Володя спросил, кого из молодых стихотворцев он считает наиболее интересными. Он нам назвал две фамилии, мы о них не слышали: Хабаров и Панкратов. (По приезде в Москву я пошёл в читальный зал ближайшей библиотеки, нашёл в каких-то толстых журналах стихи этих авторов, но на меня они не произвели никакого впечатления. Сказал об этом Володе. Он ответил в том духе, что, мол, мы, может, не способны оценить будущий потенциал этих поэтов.)

Узнав о том, что я пишу стихи, Александр Аркадьевич попросил что-нибудь прочесть. Я прочитал, кажется, про ребят из подворотни, про лотерею и про то, что до сих пор находят матери детей, потерянных в войну. Он одобрил мои опусы и сказал, чтоб я в Москве приехал к нему, он покажет мои стихи своей приятельнице, которая работает в Литгазете. Может, чего и сложится...

А ещё через день он уехал в Москву. Я был у него в гостях в писательском доме, что возле метро Аэропорт. Но это уже другая история, не имеющая отношения к тому, о чём пишу.

А рассказав о Володином пении в том рижском ресторане, я вдруг поймал себя на мысли, что его исполнение песен к пению, в

обычном смысле этого слова, не имеет, пожалуй, прямого отношения. Он представлял, играл песни, а не пел. (Неспроста он всегда говорил «я сейчас покажу тебе кое-что из новенького», и никогда не говорил «я сейчас тебе спою».) В то время, о котором пишу (да и позже, считай, до осени 1961 года), своих песен у него ещё не было, и, казалось, ничего не предвещало их появления.

На втором или третьем курсе, уже не помню точно, в школе-студии решили устроить «капустник». Как-то Володя забежал ко мне между репетициями (я жил на Неглинной, в 5–7 минутах ходьбы от Художественного театра, и мы виделись почти ежедневно) и говорит, что вот, мол, будет «капустник», он что-то хотел написать смешное, но ничего не выходит. Может, у меня получится? Я «попробовал» и через день написал ему куплеты Чарли Чаплина, которого Володя очень любил «показывать» и делал это удивительно смешно – походка, жесты, мимика, выражение глаз – всё это играло было поразительным. Ну а в гриме и костюме (ему достали даже чаплинский котелок) этот номер в «капустнике» оказался лучшим. Тем более что тема куплетов была для студентов школы-студии МХАТ, что называется «животрепещущей». Дело в том, что сниматься в кино им разрешали, если я не ошибаюсь, только на последнем, четвёртом курсе или начиная с третьего, точно не помню. А так как стипендия была мизерной, то заработать отнюдь не лишние деньги (в молодости, по-моему, лишних денег вообще не бывает) да ещё попробовать свои актёрские данные в кинематографе каждый студент был, понятно, не прочь. Но руководство студии считало, что кино может испортить ещё не до конца «вылепленную» актёрскую индивидуальность. Посему исполненные Володей куплеты приняли на «ура».

*Я на экран столичный
с лицом фотогеничным
и в образе комичном
хотел попасть, друзья.
«Мосфильм» меня заметил
и гонорар наметил.
Директор же ответил:
– Куда? В «Мосфильм»? Нельзя!*

*Смотрел я фильмы «Сёстры»
и «Огненные вёрсты»,
в них некинозвёзды
проводят свой дебют.
А я бы дал экрану
второго Ив Монтана...
Но мне сказали: «Рано!»
Сниматься не дают...*

М.Волошина и Н.Веселовская, снявшиеся соответственно в «Огненных вёрстах» и в «Хождении по мукам» (трёхсерийный фильм, первая серия которого называлась «Сёстры»), были двумя курсами старше Володи, но ещё учились, и это придавало куплетам дополнительную узнаваемость и актуальность. Итак, своих песен пока не было, но зато как исполнялись те, что мы пели тогда!.. Так как это было более полувека назад, то я приведу здесь хотя бы первые строчки из некоторых песен, чтобы было ясно, про что они. Это поможет кое-что объяснить в дальнейшем. Вот что пелось: «Когда с тобой мы встретились, черёмуха цвела и в старом парке музыка играла, и было мне тогда ещё совсем немного лет, но дел уже наделал я немало», «Стою я раз на стрёме, держуся за карман, как вдруг ко мне подходит незнакомый мне гражданин», «Алёха жарил на баяне, гремел посудой шалман, в дыму табачном, как в тумане, плясал одесский шарлатан», «Здрасьте, моё почтение, вам от Васи нет спасенья, я приехал вас развеселить. Зухтор малый я бывалый, расскажу я вам немало и прошу покорно «браво» бить». Эти песни – капля в море тогдашнего нашего репертуара. Ну, и, конечно, пели Вертинского. Это на первый взгляд странное соседство «блатной» романтики и изысканно-элитарных тем аристократа «до ногтей» на самом деле прекрасно оттеняло и дополняло друг друга, ибо в первой просто не могло быть того благоговейного и в то же время порой немного снисходительного отношения к женщине, которое у грустного Пьеро чувствовалось чуть ли не в каждой песне и так импонировало тогда нашему восприятию «прекрасного пола». Мы просто веселились, как веселятся в молодости, просто «валяли дурака», не придавая абсолютно никакого значения всем эти уркам, шалманам, стрёмам и прочим словечкам, от которых требовалось, чтоб они были посмешней и позаковыристей, позаборестей.

Двумя классами старше в нашей же школе учился Анатолий Утевский, или Толян, как мы его звали. Жил он на Большом Каретном, там же, где была наша школа, в доме, в котором жил и отец Володи. Так что не только по школе, но и по дому они знали друг друга. Толя был из тех, к кому в определённом возрасте всегда тянет как к старшим. Он принадлежал к московской «золотой молодёжи» середины пятидесятых, бывшей для нас тогда недоступной и, казалось, загадочной. Естественно, мы пытались подражать представителю «молодого авангарда» хотя бы узкими брюками, причёской «под Тарзана» и ботинками на толстой подошве. Ну а когда мы прочли в

одной из центральных газет фельетон «Плесьень», «бичевавший» некоторых приятелей Толяна за «порочный» образ жизни (вся «порочность» которых заключалась в том, что они танцевали буги-вуги и многие вечера проводили в «Коктейль-холле», что на улице Горького, называвшейся в молодёжной среде Бродвеем), он в наших глазах вообще превратился в легендарную личность. Увы, то были годы, когда ширина брюк и модная причёска отождествлялись с чуждым нам мировоззрением, а придерживавшихся подобного «стиля жизни» называли презрительно «стилягами».

Компанию нашу «возглавлял» давнишний друг Толи Утевского Лёва Кочерян (сын знаменитого артиста-чтеца, прославившегося невероятным номером – чтением с эстрады Гомеровской эпопеи – «Илиады» и «Одиссеи»). Ко времени, когда мы с Володей окончили вузы, Толя, закончивший юрфак МГУ, работал следователем на Петровке, 38, и ужасно гордился, что ему выдали табельное оружие (пистолет Макарова; помните строчку из песни о Большом Каретном – «где твой чёрный пистолет» – это об этом самом пистолете), а Кочерян уже успел попробовать себя в качестве помощника режиссёра в картине С.А. Герасимова «Тихий дон».

Собирались мы чаще всего у Володи Акимова, нашего школьного товарища, который недавно пришёл из армии (он после школы поступал в ВГИК, но не поступил, пришлось отслужить в десантных частях, и только после этого он всё-таки поступит, станет режиссёром и сценаристом). Он жил один (родители умерли) в большой комнате, метров сорок, если не больше, и наша компания, в которую входил также Артур Макаров, приёмный сын С.А.Герасимова и Тамары Макаровой, начинающий писатель, но очень знающий литературу, мнение и оценки которого в ту пору для нас очень много значили (потом Артур станет известным сценаристом, в частности, все «приключения неуловимых» – это его рук «дело»), чувствовала себя в акимовских стенах как у себя дома. Так что Володина строчка «в наш тесный круг не каждый попадал» имела вполне невыдуманный адрес.

Душой компании как-то само собой стал Володя Высоцкий. Более весёлого, остроумного балагура и рассказчика, скомороха, придумывающего вечно какие-то смешные истории, чтоб только бы нам всем было не скучно в наших посиделках, я в жизни не встречал. Откуда он брал и приносил нам все эти байки про Костика Капитанаки или про Марио дель Монако, уже не говоря о бесконечных анекдотах и каламбурах, никто никогда не мог понять. А чего стоил хотя бы его

коронный этюд, когда он на улице разыгрывал «серьёзного» сумасшедшего, разговаривавшего с фонарным столбом. Притом «держал» публику до тех пор, пока вокруг него (мы стояли чуть в стороне, как бы тоже зрители, чтоб не испортить «роль») не собиралось человек 30–40 или пока какой-нибудь бдительный страж порядка не раздвигал толпу, чтобы выяснить, в чём тут дело. Тогда Володя говорил нам «ну ладно, ребята, пошли», и все собравшиеся, поняв, что их дурачили, взрывались хохотом.

Да, мы были молоды, беззаботны и несуетливы. Последнее, видимо, стало причиной того, что эта пора жизни особенно чётко сохранилась в памяти. Нам, только что окончившим вузы, просто некуда было спешить – впереди была вся жизнь – и дни, недели и месяцы, казалось, неторопливо сменялись, а не неслись, как безумные, забывая, затмевая и вытесняя друг друга. Впрочем, может быть, так видится сегодня, издали, из 21-го века...

Взгляды героев Хемингуэя, которым мы тогда зачитывались, исподволь становились нашими взглядами и определяли многое, если не всё: и отношение друг к другу, в котором больше всего ценилось полное забвение эгоистических мотивов и выражалось в формуле «отдай другу последнее, что имеешь, если это другу необходимо», и отношение к нашим случайным и неслучайным подругам, с подлинно рыцарским благоговением перед женщиной, и темы наших бесконечных разговоров и споров; а главное – полное равнодушие к материальным благам бытия и тем более к упрочению и умножению того немногого, что у нас было, и нарочитое неприятие любых путей, ведущих к благополучию и довольству. Не могу сказать, что мы вели жизнь богемы, но какие-то черты её в нашем кругу, безусловно, просматривались. Центральное место во всех наших бесконечных тогдашних посиделках отводилось гитаре. На ней играли (верней, аккомпанировали) я и Володя.

Почему-то мама решила сделать мне подарок, когда я перешёл в 8-й класс, и купила мне гитару. Я как-то поначалу никакого интереса к семиструнке не проявлял. Но тут умирает усатый вождь, объявляется амнистия (в основном, по уголовным статьям) и двор моего дома на Неглинке превращается в воровскую малину, где я впервые услышал настоящие блатные песни, и тогда, признаюсь, они мне понравились. Так как они пелись под гитару, мне ребята с нашего двора показали пять-шесть аккордов, варьируя которыми можно было вполне сносно подобрать аккомпанемент любой песне. Я довольно быстро набил руку и, зная чуть ли не весь репер-

туар Вертинского (благодаря моей маме, которая чуть ли не вместо колыбельных пела мне про жёлтого ангела и маленькую балерину), пел его песни ещё в нашей школьной компании. Я уже считался «виртуозом», когда Володя попросил меня показать ему, как берутся эти аккорды и в каком сочетании друг с другом. Он тоже довольно быстро освоил эту немудрёную музграмоту, так что в наших посиделках мы нередко сменяли друг друга, каждый со своим репертуаром.

А с осени 1961 года Володя стал писать песни. В это время я на несколько месяцев потерял его из вида, так как в очередной раз переходил с одной работы на другую, долго что-то не мог найти, тем более, что свою «инженерную стезю» я тихо ненавидел... А у Володи тоже были свои «заморочки». Дело в том, что он, учась на четвёртом курсе, женился на Изе Жуковой, окончившей школу-студию МХАТ годом раньше и уехавшей работать в Киев в театр русской драмы. Володя, как только выпадало свободное время, улетал к своей молодой жене. Но к осени 61-го эти его поездки почти прекратились.

О появлении «на свет» первой, «Татуировки», рассказал мне потом Володя Акимов. Он с Высоцким поехал провожать на Курский вокзал Инну, жену Лёвы Кочеряна. Они посадили Инну в вагон, у Володи была с собой гитара, и он решил «на дорожку» спеть Инне одну песню, которую, как он сказал, сам написал сегодня утром. Спел «Татуировку» и очень сокрушённо посетовал, что никто, кому он уже успел исполнить, не верит, что это написал он (Инна вроде бы сразу поверила).

Но истины ради, следует сказать, «Татуировка» была не первой песней, а второй, и ей предшествовала песня «49 дней», про четвёрку отважных ребят, баржу которых ураган сорвал с якоря и носил по Тихому океану 49 дней, пока их не заметил какой-то американский военный корабль и не спас. Просто эта песня, когда была написана, не имела продолжения, стояла как бы особняком, и следующая песня – «Татуировка» – появилась через год, и сразу вслед за «Татуировкой» последовал, можно сказать, цикл «блатного» направления, и «49 дней» как-то забылись.

Когда я снова «прибился» к нашему кругу, первое, что бросилось в глаза – это смена репертуара (я ещё не знал, что это сочинённые им песни), и его более свободное обращение с гитарой.

Мы собрались, как обычно, у Акимова, и когда Володя взял гитару, я услышал: «В тот вечер я не пил, не пел, а на неё одну глядел, как смотрят дети, как смотрят дети. Но тот, кто раньше с нею был, сказал мне, чтоб я уходил, что мне не светит, что мне не светит...» Потом

02 / 2017

были «Красные, зелёные, синие, лиловые...», «На нейтральной полосе цветы...» и ещё многое другое. Я смотрел на него, наверно, квадратными глазами, в которых наверняка были восхищение, удивление и вроде бы догадка, потому что невольно вырвался вопрос:

– Это что... твои?

– А ты не слышал, Васёчек? Ну, как же так! «Давно ты не был в свете», – сказал Володя нарочито шутливо, чтобы этим скрыть удовольствие, которое ему доставила моя радость в связи с услышанным. Дело в том, что только Володя из всей нашей компании знал, что я пишу стихи и что даже печатался уже в многотиражке моего бывшего института, а стало быть, я как никто другой в нашем кругу могу по достоинству оценить то, что он написал. И Володя был искренне рад, увидя, как мне понравились его первые песни. А они были действительно хороши, ни на что не похожие (а время тогда было гитарно-песенное: уже вовсю распевали Булата Окуджаву и Александра Городницкого), неожиданные, остроумные, бесшабашно-весёлые, в точности как тот, кто их придумал, написал, а теперь вот и пел.

Под впечатлением впервые услышанных мною Володиных песен я прожил все последующие дни. Впервые со мной происходило нечто, потом случавшееся не раз, когда я слышал, видел или читал такое, что не отпускало от себя, не отпускало подолгу. Меня словно что-то подстёгивало, словно упрекало: «Что же ты сидишь, бездельник? Посмотри, как другие вкалывают, а ты баклуши бьёшь». Короче, мне безумно захотелось написать песню, притом такую, чтобы она понравилась всем нашим. И в первую очередь – Володе.

...А листья под окнами почти опали. Недавно ещё горели, особенно на клёнах, каким-то невероятным пламенем, и вот их почти нет. Столь же невероятной казалась мне в ту осень встреча с Леной, которую Володя сразу же назвал Марокканкой – за смуглый цвет кожи и иссиня-чёрные волосы короткой мальчишеской причёски. Она и стала героиней уже брезживших во мне стихов. Я сел и, по-моему, за полчаса написал:

*Клёны выкрасили город
колдовским каким-то цветом...
Это снова, это снова
бабье лето, бабье лето.*

.....

*Я кручу напропалую
с самой ветреной из женщин...
Я давно хотел такую –
и не больше,
и не меньше.*

Мелодия к стихам родилась без особого труда.

На следующий вечер собрались у меня. Шум, гам, анекдоты. Наконец, Володя взял гитару. Кажется, у него тогда было уже песен пятнадцать. Пел и ещё какие-то, не свои. Где-то через час решил сделать «передых», как он говорил. Я как бы между прочим потянулся за гитарой, мол, настал и мой черёд.

Запел как можно спокойнее, задавая себе чёткий ритм. Окончил. Тишина. После паузы Артур Макаров, пользовавшийся репутацией нашего домашнего мэтра, лукаво-одобряюще сказал: «Давай ещё раз». Я понял, что песня получилась, она понравилась.

Вскоре «Бабье лето» стало у нас чуть ли не своеобразным гимном. И Володя часто пел его, не давая этого сделать мне, что было своего рода признанием песни с его стороны.

А однажды на одном своём концерте, вроде бы в Тбилиси, он в кураже сказал, что помог мне написать мелодию к моему «Бабьему лету». Я совершенно случайно услышал запись этого выступления у кого-то из знакомых. Позвонил Володе и говорю:

– Васёчек, как это ты помог мне написать музыку к моей песнюшке?

– Васёчек, извини, Христа ради. Бес попутал. Но ты не представляешь, что можно иногда ляпнуть со сцены ради красного словца. Кстати, мне недавно пришло извещение из ВААПа, чтоб я зарегистрировал эту песню. Давай поедem туда вместе и я при тебе на этом бланке напишу, что музыка «Бабьего лета» не моя, а твоя.

Так и сделали. Мне выдали копию его расписки, которая через много лет, уже после Володиного ухода, помогла решить одну спорную ситуацию. (На одном диске с концертом Высоцкого, в перечне им исполненных песен значилось и «Бабье лето», но было указано, что стихи мои, а музыка В.Высоцкого. Я позвонил его сыну Никите, он был не в курсе дела, а узнав истину, очень передо мной извинялся.) Но всё это будет потом. А тогда...

Итак, Володя стал писать, притом лихорадочно, запойно, иногда чуть ли не каждую неделю он показывал нам что-то новое. Наши «посиделки» стали ещё интереснее. Он любил веселить людей, потому что сам был удивительно, фантастично весёлым человеком, который словно нашёл, наконец, выход своему остроумию и юмору, выплёскивая их в свои песни. Почему же «блатная» романтика, а не что-то другое, скажем, лирика, как у Булата Окуджавы (о котором, кстати, я и Володя услышали чуть позже, где-то в конце 62-го), питали темы первых его песен?

Ну, во-первых, потому, что и у Булата Окуджавы, и у Александра Городницкого, и, скажем, у Новеллы Матвеевой всё сразу было всерьёз. У Володи же – всё в шутку, всё на хохме, и ухарство, и бравада, и якобы устрашающая поза («Я в деле и со мною нож, и в этот миг меня не трожь, а после я всегда иду в кабак».) Всё это было несерьёзно, всё это игра и бесшабашность повесы. Ну, а для всего этого «блатная» тематика – материал, пожалуй, самый благодатный.

Во-вторых. Я уже говорил о том, что мы пели до появления Володиных песен, и написанные им стали теперь своеобразным продолжением тех, предыдущих. Почему мы пели такие песни, а не другие? Да потому, что они были тем запретным плодом, который всегда сладок. И ещё – в них не было тех муляжных героев с их занудным бодрячеством и штампованным переживанием, которыми кишмя кишели песни эстрады и эфира, и уже одним этим отталкивали от себя.

Отчего же, увлекаясь Вертинским, не пошёл Володя, условно говоря, в его русле? Да потому, что Володино остроумие и эпатаж были попросту несовместимы с образной и стилиевой системой печального Пьеро.

Ну, и в-третьих. Какой жизненный опыт был у 23-летнего актёра, бывшего дворового пацана, чтобы подсказать ему более «благородную» тематику? Что видел он в жизни? Говоря словами И.Бабеля, «пару пустяков»: школу и вуз.

И, конечно, не следует забывать, что Володя был актёр. Игра была для него так же естественна, как дыхание. И вот одной из ипостасей этой игры, безотчётной и не осознанной до поры, стала песня городского фольклора. К настоящим блатным песням сочинённое им не имеет никакого отношения, хотя бы потому, что это хорошая литература, созданная явно интеллигентным молодым человеком, а не прошедшим зоны и лагеря.

1964 год стал для Володи и меня годом знаменательным. Высоцкий был принят в «Театр на Таганке», а у меня случились первые публикации моих стихов, сначала была подборка в газете «Московский комсомолец» (в которой я вскоре стал работать внештатным корреспондентом), а потом и в журнале «Смена». Редактор отдела этого журнала, когда я пришёл, чтобы с ним познакомиться (стихи я передал в журнал через своего двоюродного брата, сам стеснялся прийти в редакцию и предложить сочинённое – почему-то чувствовал неловкость в этом поступке, словно я коробейник и пришёл продавать свой товар), узнав, что я бросил инженерную профессию и внештатничаю в молодёжной газете, вдруг заявил мне:

– Ну, уж коль решил сменить профессию, то надо начинать не с московского, а с «Магаданского комсомольца»...

Оказалось, что Владимир Новиков (такая фамилия была у моего нового знакомого, прошу не путать с однофамильцем, известным литературным критиком и автором книги «Владимир Высоцкий», вышедшей в серии ЖЗЛ) – бывший главный редактор этой магаданской газеты. А аргумент, убедивший меня последовать его совету, был очень практичный и мудрый: в Магадане есть книжное издательство, стало быть, можно издать книжку стихов. Это главное. Я ведь только начал печататься, и когда ещё в Москве я смогу выпустить свою книжку – одному Богу известно... А там через год-два – вполне реально. И потом, когда он узнал сколько я зарабатывая на гонорарах, работая внештатно, он просто удивился, как я ещё не голодаю...

Когда я рассказал об этом Володе и о своём решении нырнуть в эту авантюру, он только пожал мою «мужественную» руку...

Примерно к этому времени – к концу 64-го – началу 65-го «блатная» тема элементарно надоела. Стало уже не смешно, а потому и неинтересно. Приблизительно тогда же пришло и самосознание того, что игра уже не игра, что она становится работой, творчеством, требующим «полной выкладки всерьёз». К этому, я думаю, Володя тогда готов ещё не был, как и не был готов к неожиданной, свалившейся на него славе, воспринятой им поначалу очень уж по-мальчишески.

– Васёчек, а ты знаешь, что мои песни поют португальские партизаны? – сказал он мне как-то зимой 65-го. – Один человек приехал из Португалии, сам, говорит, слышал.

– И ты веришь этой чепухе? Да они наверняка и русского-то не знают. А если кто-то и знает, то всё равно ничего не поймёт, потому что простого знания языка тут недостаточно.

Володя как-то задумчиво сказал «да-а» и больше к этому не возвращался.

Вообще, поначалу он к своей, обрушившейся на него славе, относился он уж по-детски. Как-то едем в такси, он, правда, был довольно не трезв, или, как мы говорили, «под булдыой». Шофёр попался не очень расторопный, а мы спешили уж не помню куда, и вдруг Володя, раздосадованный, что мы куда-то не на ту улицу свернули, в сердцах бросил: «Шеф, а ты знаешь, кого везёшь?» Я не выдержал и сказал, чтоб он прекратил быть говном, иначе я сейчас выйду и пусть он едет дальше один. «Ну, ладно, Васёчек, не сердись, больше не буду», – сказал он тоном провинившегося мальчишки. И в этом был весь Володя.

02 / 2017

А однажды он был в какой-то компании, где были американцы. И он решил их удивить и запел «под Армстронга».

– И ты знаешь, Васёчек, – рассказывал он мне потом, – они даже уловили некий смысл в моей импровизации...

– Володя, как тебе не стыдно, – одёрнул его я, – ты знаешь всего пару слов английских, какой они могли уловить смысл?!..

– Но они так мне сказали, – не унимался он, но интонация была уже немного смущённой.

– Они над тобой пошутили или хотели сказать тебе что-то приятное.

– Да, наверно, ты прав, Васёчек, – уже совсем понуро согласился Володя.

Перед отъездом в Магадан я устроил скромную отходную. Были только мама, моя сестра, моя тогдашняя девушка и Володя.

Посреди застолья (что значит актёр, умеющий держать паузу!) Володя вдруг взял мою гитару, достал из кармана какой-то сложенный лист и попросил тишины... Эта была песня, посвящённая моему отъезду.

*Мой друг уехал в Магадан.
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам,
не по этапу, не по этапу.*

*Не то чтоб другу не везло,
не чтоб кому-нибудь назло,
не для молвы, что, мол, чудак,
а просто так.*

*Быть может, кто-то скажет: – Зря!
Как так – решиться всего лишиться?
Ведь там сплошные лагеря,
а в них убийцы, а в них убийцы.*

*Ответит он: – Не верь молве.
Их там не больше, чем в Москве. –
Потом уложит чемодан –
и в Магадан.*

*Не то чтоб мне не по годам, –
я б прыгнул ночью из электрички, –
но я не еду в Магадан,
забыв привычки, закрыв кавычки.*

*Я буду петь под струнный звон
про то, что будет видеть он,
про то, что в жизни не видал, –
про Магадан.*

*Мой друг уехал сам собой,
с него довольно, с него довольно.
Его не будет бить конвой,
он – добровольно, он – добровольно.*

*А мне удел от Бога дан..
А может, тоже в Магадан
уехать с другом заодно
и лечь на дно?*

Все были восхищены, удивлены и, конечно, тронуты той теплотой, что была в этих стихах, сдобренных непременно порцией доброго юмора. Мама, помнится, даже проследзила, а Володя протянул мне автограф этой песни, где все куплеты, каждый своим цветом, были написаны фломастером.

В начале июля 65-го я уже был в Магадане, и вскоре оказался в Анадыре в качестве собственного корреспондента газеты «Магаданский комсомолец» по Чукотскому национальному округу (Анадырь – его столица), куда пришло первое письмо Володи. Привожу его здесь с небольшими сокращениями.

Васёсек, дорогой! Сука я, гадюка я, падлюка я! Несовецкий я человек, и вообще – слов и эпитетов нет у меня! И жаль мне себя до безумия, потому никчёмный я человек! Оказывается, ты уехал почти полгода назад, а я и не заметил, как они пролетели, потому – гулял я, в кино снимался, лечился и т.д., и т.п., и пр.пр. Начну по порядку. Летом снимался в «Стряпухе» у Эдика Кеосаяна. Играл Пчёлку, и хоть Пчёлка – насекомая полезная и имя самое ласковое, однако не оправдал ни того, ни другого. Запил горькую, дошло почти до скандала, даже хотели с картины уволить, но ... всё обошлось и с горем пополам закончил. Съёмки были под Краснодаром, в станице Красногвардейская. Там, Гарик, куркули живут, там, Васёк, изобилие, есть всякая фрукта, овощ и живность, акромья мяса, зато гуси, ути, кабанчики!! Народ жаден, пьёт пиво, ест, откармливает свиней и обдирает приезжих. Жили мы



«Мой друг уехал в Магадан. Снимите шляпу...»

сначала с Акимовым, он там практику проходил, писал сценарий, помогал Кеосаяну, ходил в форме колониальных войск, а потом к нему приехала шалава его с подругой. На этой шалаве он совсем недавно женился. Я на свадьбе не был, свадьба была тихая, тайная, без венчания и без пьянки. Ничего, кроме питья, в Краснодаре интересного не было. Стало быть, про этот период – всё. После этого поехал в Гродно сниматься в фильме «Я родом из детства» Минской студии. Там всё хорошо, скоро поеду к ним досниматься в Ялту. Написал туда для фильма три песни. Скоро выйдет – услышишь. Играю там изуродованного героя войны, пою и играю на гитаре, пью водку, в общем – моя роль.

А потом – чем дальше в лес, тем ну её на хрен! Приехал на сбор трупы, напился и пошло... Любимов даже перестал бороться и только просил, чтоб поменьше. Люся была в трансе, я – гулял, рванина! Но ты, Васёк, не подумай, что акромья питья – ничего не было. Играл, пел. Правда, частенько под булдой, но... всё-таки. Был у Андрея Вознесенского, он читал новую поэму – пьесудия нашего театра, очень это хорошо, стихи великолепные, а сюжет такой. Под Новый год застрял лифт, а в нём люди. Пока это всё не дотянуто, но интересно. Подарил мне книжку и написал там, что очень меня любит и что страшно ему за «мою незащищённость в этом мире». Недавно он в числе тёплой компании – Слуцкий, Твардовский, Сурков, Рождественский, Ахмадулина, – ну ты, наверное, знаешь, был в Париже, приехал, выступали мы с ним в Университете. Рассказывал, как его там принимали, в восторге от Парижа, обзывал Эльзу Триоле старой блядью – она взялась его переводить и три года тянула резину. Потом пошли в ВТО, говорили тосты и пили – все, кроме меня. Не веришь? Напрасно! Дело в том, что... Но об этом позже. Я тебе собрался написать огромное послание, так что терпи!

Наконец, после долгих боёв разрешили «Павшие и живые». Проходит здорово. Женя Евтушенко сказал, что я гениально играю Кульчицкого и даже написал об этом в «Культуре» – что-то вроде, что я – Маяковский, что я – Уитмен и ещё как-то про рёбра, про руки, словом, – хорошо написал.

Ну, а теперь перейдём к самому главному. Помнишь, у меня был такой педагог – Синявский Андрей Донатович, с бородой, у него ещё жена Маша. Так вот! Уже 4 месяца, как разговорами о нём живёт вся Москва и вся граница. Это – событие № 1. Дело в том, что его арестовал КГБ за то, якобы, что он печатал за границей всякие произведения. Там – за рубежом вот уже несколько лет печатаются худлитература, статьи и т.д. и т.п. под псев-

донимом Абрам Терц, и КГБ решил, что это он, провел лингвистический анализ, и вот уже 3 месяца идёт следствие.

Когда наши были в Париже, там на пресс-конференции только и спрашивали, о нём наши что-то вякали, тогда посыпались протесты от крупнейших деятелей культуры. Его называют виднейшей фигурой советской лит-ы. А мы даже не подозревали. В общем, скандал почище, чем с Пастернаком. Кстати, последняя его работа – вступительная статья – страниц на 60 – к изданию Пастернака. Произведений, изданных там, я не читал, но кто читал – говорят – великолепно, а я читал кое-что здесь и согласен. Куда заведёт следствие – не знаю, давно не видел Машу. Слухов, сплетен и домыслов – куча, Би-Би-Си каждый день передаёт информацию – одна другой чуднее, но всё это ерунда. Никто ничего не знает. 5 декабря на площади Пушкина была демонстрация, организовали её студенты. Многие знали, что они будут и ЧК – тоже. Бунт был подавлен в зародыше. Бунтовщиков – человек 10 – куда-то увезли, и тут же отпустили за ненадобностью – молокососы какие-то. Требовали гласности процесса над Синявским. В общем, скандала не получилось, но ты примерно можешь представить себе масштабы этого всего.

Кстати, маленькая подробность. При обыске у него забрали все плёнки с моими песнями и ещё кое с чем похлеще – с рассказами и т.д. Пока никаких репрессий не последовало, и слежки за собой не замечаю, хотя надежды не теряю. Вот так! Но... ничего, сейчас другие времена, другие методы, мы никого не боимся, и вообще, как сказал Хрущёв – у нас нет политзаключённых!

Тут надо на немного прервать Володино письмо, дабы пояснить, что значит «кое-что похлеще». Дело в том, что Володя был блестящий, остроумнейший рассказчик историй, которые он либо сам сочинял, либо очень забавно переделывал услышанные от кого-то. Истории очень смешные, и зачастую на различные политические темы того времени – например, тема ухода на пенсию в связи с преклонным возрастом и плохим состоянием здоровья, то есть тема ухода Хрущёва. Ну и, естественно, нового лидера, Брежнева, Володины рассказы тоже как-то уже касались. В гостях у близких ему людей – а Андрей Донатович был именно таким человеком – Володя с удовольствием записывал на магнитофон и песни, и эти истории, ни на секунду не задумываясь о последствиях. Вот почему, хотя и в присутствии Володе шутилом тоне, возникла мысль о репрессиях и слежке. Но продолжу письмо.

02 / 2017

Из ребят никого не видел, только вот совсем недавно Артура. Он семь месяцев был в деревне, очень много работал, отнёс несколько рассказов и повестей в «Новый мир», там творилось что-то необычайное, назвали его первым писателем земли русской, ставят выше Солженицына, правда, говорят, что будут большие трудности с напечатанием. Артур вроде воспрянул, пишет роман и, по-моему, пьесу. Живёт в Песках на даче с Милягой. Толя не появлялся.

Звонил я твоей маме. Ты молодец, что пишешь ей всё хорошее. Я склонен думать, что не так уж там распрекрасно, но никому об этом знать не надо, особенно маме. На днях зайду к ней.

Лёва Кочерян в Ялте и там же Акимов. Сегодня, по-моему, приезжают. Что-то там снимали.

Придётся мне, Гарик, писать теперь про Анадырь. Это трудно, потому что я не знаю про Анадырь, про Магадан знаю, а про Анадырь – нет, к тому же оно рифмуется хуже – подумай, Анадырь – упырь, пупырь, волдырь, есть, правда, Сибирь, но это – банально.

Здесь надо заметить, что, видимо, для Володи название города Анадырь было внове, иначе бы он знал, что ударение в этом слове приходится не на последний слог, а на второй. Но продолжу.

Ты уж мне напиши, что это за место такое. Епифан говорит, что у него там есть друг – лётчик полярной авиации, узнаю, как зовут, и напишу. Он там – большой человек.

Моя популярность песенная возросла неимоверно. Приглашали даже в Куйбышев на телевидение как барда, менестреля и рапсода. Не поехал! Что я им спою? Разве только про подводную лодку. Новое пока не сочиняется. Решил, пока не поздно использовать скандальную популярность и писать песни на продажу. Кое-что удалось.

А теперь вот что! Письмо твоё получил, будучи в алкогольной больнице, куда лёг по настоянию дирекции своей после большого загула. Отдохнул, вылечился – на этот раз, по-моему, окончательно, хотя зарекалась ворона... не клевать. Но ... хочется верить, прочитал уйму книг, набрался характерностей, понаблюдал психов. Один псих – параноик в тихой форме писал оды, посвящённые главврачу и мерзким голосом читал их в уборной.

Сейчас я здоров, всё наладилось. Колька Губенко уходит сниматься, и я буду играть Керенского, Гитлера и Чаплина вместо него. Мандраж страшный. Но... Ничего, не впервой.

Вот, пожалуйста, пока и всё. Пиши мне, Васёчек, стихи присылай. Теперь будем писать

почаще. Извини, что без юмора, не тот уже я, не тот. Постараюсь исправиться. Обнимаю тебя и целую

Васёк.

P.S.

Можно ещё и так:

И приехал в Анадырь
Кохановский богатырь.
Повезло Анадырю –
Я те точно говорю.

Извини за бездарность!

...Через несколько лет Володины наблюдения за психами выльются в удивительную песню о Бермудском треугольнике, помните: «Дорогая передача! Во субботу, чуть не плача, вся Каначикова дача к телевизору рвалась...»

Второе письмо с ответом на моё пришло в июле 66-го. Вот его текст.

Дорогой Васёчек!

Ты очень хороший человек, ты пишешь мне письма, послания и даже присылаешь знакомых, а я не пишу тебе письма, послания и даже не присылаю знакомых. Ты, Васёчек, на переднем крае, ты на трудном участке, ты на близком расстоянии от Японии, ты – на Дальнем Востоке, ты в гуще жизни, ты в центре событий, а я сижу в городе Тбилиси, в номере гостиницы «Колхеты», на шестом этаже в № 602 с женой моей Люсей.

Я – с театром на гастролях (Тбилиси, Сухуми). Гастроли – это когда измученные, обалделые артисты дают финты в Москве, канючат, смотрят налево, направо, на Мосфильм, на Московскую особую, и их увозят злые администраторы подальше от столичных соблазнов. Говорят – надо, гастроли – это очень важно, это прекрасно. Нужно подтянуться и... Тут откуда ни возьмись появляется второе дыхание, играем на полную железку. А потом мы уедем, придут другие, ещё лиричнее, но это будут не мы – другие.

Приехали мы на 2 недели в Тбилиси, а потом на 10 дней в Сухуми. Грузины купили нас на корню, мы и пикнуть не смей – никакой самостоятельности. Все рассказы и ужасы, что вот-де там споят, будут говорить тосты за маму, за тётю, за вождя и т.д., будут хватать женщин за жопы, а мужчин за яйца и т.д., всё это, увы, оправдалось. Жена моя, Люся, поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов «алаверды», хотя я и сам бы при нынешнем моём состоянии и крепости духа, устоял. Но... Лучше уж подстраховать.

Так она решила. А помимо того, в первый раз в жизни выехали вместе. Дети в детском саду и яслях (детей у нас двое), а мы в гости-

нице. Остальных потихоньку спаивают, говорят: «Кто не выпьет до дна – не уважает хозяина, презирает его и считает его подонком». Начинают возражать – что вы! Как это! Генацвале, а вечером к спектаклю – в дупель. Ну, это пока не очень часто.

Васёчек! Как тут обсчитывают! Точность обсчёта – невообразимая. Попросишь пересчитать 3 раза – и всё равно на счётах до копейки та же невероятная сумма. И ты, восхищённый искусством и мастерством, с уважением отходишь. Вымогать деньги здесь, вероятно, учат в высших учебных заведениях, наверное, существуют профессора и кафедры, потому что все торговцы (фруктами, газировкой, бюстгальтерами и т.д.) – очень молодые и интеллигентные на вид лица. Так и думаешь – этот кончил экономический, этот химический, а этот просто сука.

Больше ничего плохого нам грузины не делают, да и хорошего тоже. Правда, принимают прекрасно и вообще народ добрый и весёлый. Про Тбилиси писать больше нечего – мы здесь только три дня.

Вернёмся к нашим баранам – в стольный город наш – Москву.

Прости меня, Гарик, что не захожу к твоей маме, ей же ей, Люся свидетель, был и не застал, а к тому же последние несколько месяцев очень был в себе, нигде не был, даже не заметил, как и время прошмыгнуло. Выпускаем «Жизнь Галилея» Брехта. Я играю Галилея. Ситуация была такая: Николай Губенко ушёл сниматься, я его везде заменил и начал репетировать Галилея. Керенского, Гитлера и Чаплина сыграл я, как это говорится, на унос. А тут очень много времени пришлось потратить на то, чтобы убедить всех, что могу играть Галилея. Любимов вначале сомневался, не решался, чего-то выжидал, но потом бросился в омут, сыграл во банк и... вроде, выиграл. (Видишь ли, я теперь очень скромный, про себя молчу, к тому же многие «доброжелатели» из родного «калефтива» всё равно говорят – зазнался, стал премьером, вроде так положено, если всё нормально, значит что-то не то, значит ссучился.) Тебе могу сказать, что всё это чушь, никаких перемен в себе не ощущаю в эту сторону, разве что стал чуть больше думать, больше уверен, стал не пить. Но... думаю надо оправдать некоторые надежды этих «доброжелателей» и в самом деле чуть зазнаться. Епифанцев, который теперь у нас в театре, говорит, что имею полное на это право. А про Галилея, Васёчек, действительно для меня это удача, да и вообще не только для меня. Люди, которым верю, говорят, что сначала никто даже не верил, но поглядев, полностью принимают. Были всякие американские капиталистические обозреватели крупные по театру.

Говорят – видели много Галилеев, и что я – лучше. Это подогревает. Правда, я-то знаю, что роль бездонная – копать и копать, и что, конечно, многих может не удовлетворять, но это так и должно быть. И, конечно, останавливаться я не собираюсь. Ни в этой работе, ни на этой работе. Хочу сделать моноспектакль. Есть в Польше такой драматург, вернее, писатель Брандис. Он у нас в загоне. А в Варшаве один актёр сделал по его рассказу «Образ жизни» пьесу для одного актёра, сам играет, даже есть фильм, но, говорят, на сцене это лучше. Он там два часа один на один со зрителем. Мои друзья видели, говорят – потрясающе. Обещали достать и перевести. Это пока только планы и мысли. А в ближайшее время будем ставить «Пугачёва» Есенина, я буду играть Хлопушу, а Николай Губенко (он вернулся) Пугачёва. Любимов придумал очень любопытно и роль у меня самая лучшая, только давай! Репетируем композицию «Маяковский». Это о нём и его стихах, и сами стихи, костяк: поэма «Облако в штанах», Маяковского играют шесть человек, хор подонков, ангелы. Сцена в виде бильярдного стола, но это всё я сумбурно. Приедешь – увидишь.

Вот и всё о своих делах в театре.

Закончил я фильм «Я родом из детства». Там у меня небольшая, но очень хорошая роль. Впервые не стыдно. Да! Васёчек! Умоляю тебя – не ходи смотреть фильм «Стряпуха». Посмотрел уже? Напрасно. Если нет – не ходи. Я там блондин, всё время с похмелья, фильм отвратительный. Правда, там есть Акимов в роли пожарника. Кстати, у Акимова дочка. Я его очень давно не видел, но слышал, что у него всё хорошо, он, правда, в Пырьевы не метит, но всё не так плохо, а Зарик захирел, заваливает экзамены, занимается прожектёрством и, наверное, всю жизнь будет ходить в ассистентах режиссёра где-нибудь на «Мосфильме» или того хуже, а надо бы выходить в первые ряды. Гарик! Обязательно надо выходить в первые ряды, иначе можно всю жизнь только месить глину и никогда ничего не вылепить, хоть и знаешь, что можешь, а так и не вылепить. В связи с этим я плюнул на дурацкую щепетильность, и чтобы иметь возможность спокойно работать только в театре и там уже что-то создавать, написал песни к трём фильмам: в одном из них, верней в двух, сам снимаюсь: «Я родом из детства» в Минске, скоро выйдет, «Саша-сашенька» – комедь, тоже в Минске, пока только идут съёмки, и «Последний жулик», – комедь, в Риге, там играет Губенко. Это, правда, всё не «Тот, кто раньше с нею был», но и не гимны и дифирамбы, везде есть своя Высоцкая червоточина, которую ты любишь и в которой весь смысл и смак. А потом за это пла-

02 / 2017

тят не очень – очень, но можно не заботиться о том, что нечего жрать, не метаться по телевидениям и т.д.

Теперь главное: я помню твою просьбу про стихи и я не совсем сука, и я разговаривал с Андреем (Вознесенским. – И.К.), и он обещал, если не в «Юность», то в «Знамени» или ещё в другом, хорошем журнале. Он долго был в Ташкенте, и недавно я его видел, он опять сказал: «Давай!». Я, правда, теперь попаду в Москву только в августе, но и ты до этого времени всё там продумаешь и высылай. Айда тоже в первые ряды! Мы тут трио образовали: Епифан, я и Ялович, тебя заочно взяли, ты будешь, будет квартет. Епифан начал писать, и очень недурно, пьесу его мы ставим в клубе. Ялович ставит. Ялович работает у Эфроса в Ленкоме, большой человек. Решили..., ну это при встрече через год, это не горит, пока проводим подготовку к скачку. В Москве Де Голь, хотя теперь он в Сибири, в Тбилиси – я, Люся и Епифан, в Анадере – ты! Это прекрасно. Вся Россия в наших руках! Окружай! Разделяй и властвуй! Эж меня занесло! Ишь ты, подишь ты! Разошёлся!? Это всё чушь, конечно; но про первые ряды, про квартет и про стихи – это точно. Видишь, Васёчек, поймал себя на мысли, что пишу так на всякий случай, боюсь – кто-нибудь прочтёт и усмотрит в этом призыв к чему-нибудь нехорошему, к антисоветскому. Дай, думаю, напишу: «Это чушь». Вот!

Гарик! Я, конечно, много могу задать тебе вопросов про тебя! Конечно, хочется увидеться поскорее и ты сам обо всём расскажешь. Но что спрашивать? Напиши про всё, мне всё интересно. Поэтому я так про себя расписал и ты в ответ, валяй, так же. Давно что-то ты молчишь!..

Видел недавно Артура, он что-то пишет, дружит с Андреем Тарковским, тот кончил картину. Лёва Кочерян поехал с Кеосаяном в Молдавию снимать «Красных дьяволят», а потом поедет в Киев снимать фильм самостоятельно по Артурову сценарию. Видел Эдика, он хочет сделать про меня передачу на телевидении (Эдик Филатьев, редактор ЦТ; передачу сделать не разрешили. – И.К.), Епифан первого июля играет премьеру у нас, ввёлся в «Только телеграммы», пьеса плохая. Но он много пишет и рисует, и ещё ест. Люся спит, она пока не работает, но мы на эту тему избегаем даже говорить, она сразу в слёзы. Дети здоровы (чтоб не сглазить). Скоро поедем в Сухуми, там папочка с Женей, отдыхают.

Вот и всё.

Целую тебя, Васёчек! Пиши!

Сейчас буду писать песню, а то обленился и очень давно ничего путного не сделал.

Васёчек

В это письмо Володя вложил вырезку из какой-то центральной газеты с рецензией, очень хвалебной, на спектакль «Жизнь Галилея» известного театрального критика Инны Вишневской, где всего только один абзац касался исполнителя главной роли: «Зритель с надеждой смотрит на сцену, на сильного, коренастого человека с простым лицом и руками труженика, Галилея – Высоцкого». Такое советское иезуитство: вроде и не фигура умолчания, но упомянутая вскользь, слегка...

25 декабря 1966 года я прилетел из Магадана в Москву – один из моих приятелей сумел сделать мне командировку в ЦК ВЛКСМ по каким-то редакционным надобностям моей магаданской газеты.

Володя пришёл на следующий день, и едва раздевшись, после обычных слов «как здорово, что приехал» и радостных объятий, потянулся за гитарой, со словами «я сейчас тебе кое-что покажу». И я услышал...

*Что сегодня мне суды и заседания!
Мчусь галопом, закусивши удила.
У меня приехал друг из Магадана,
так какие же тут могут быть дела.*

*Он привёз мне про колымскую столицу
небылицы,
ох, чего-то порасскажет он под водку
мне в охотку!
Может, даже прослезится
долгожданная девица –
комом в горле ей рассказы про Чукотку.*

*Не начну сегодня нового романа.
Плюнь в лицо от злости – только вытрусь я.
У меня не каждый день из Магадана
приезжают мои лучшие друзья.*

*Спросит он меня, конечно, как ребятки –
всё в порядке!
И предложит рюмку водки без опаски –
я в завязке.
А потом споём на пару –
ну, конечно, дай гитару! –
«Две гитары» или нет – две новых сказки.*

*Не уйду – пускай решит, что прогадала, –
ну и что же, что она его ждала:
у меня приехал друг из Магадана –
попрошу не намекать – что за дела!*

*Он приехал не на день – он всё успеет –
он умеет,
у него на двадцать дней командировка –
правда, ловко?
Он посмотрит все хоккеи –
поболает, похудеет, –
у него к большому старту подготовка.*

*Он стихов привёз, небось, два чемодана, –
хорошо, что есть кому его встречать!
У меня приехал друг из Магадана –
хорошо, что есть откуда приезжать!*

Я был тронут до невозможности. В этом тоже был весь Володя: он любил и умел делать подарки.

Поговорив о том, о сём, я вдруг слышу, что мы идём встречать Новый год к Андрею Вознесенскому.

– Васёчек, что это значит «мы идём», – невольно вырвалось у меня.

– Он пригласил.

– Да, он пригласил тебя, а я тут причём?

– А я ему сказал, что ты приезжаешь из Магадана, и когда мы оба в Москве, то Новый год всегда встречаем вместе. И он сказал, приходите вместе.

– Да, но я же не один...

– Я ему сказал, что у тебя шалава, он говорит, пускай приходит с шалавой...

Так мы Новый 1967 год встречали у Андрея Вознесенского на Котельниках. Было очень весело. Были ещё Веня Смехов и Валера Золотухин – их всех, как ведущих артистов спектакля «Антимиры» по стихам Андрея, он пригласил к себе. Где-то после часа стали подтягиваться и другие гости: пришла Майя Плисецкая с Родионом Щедриным, пришла моя сестра с мужем, скульптором Фёдором Фивейским и ещё кто-то был с ними, кто и пригласил их к Вознесенскому. Чуть позже пришёл и Юрий Петрович Любимов, захвативший сразу внимание всех рассказом о беседе с помощником Брежнева. Ему Юрий Петрович объяснял очередной задуманный им спектакль, и этот чиновник иногда, показывая на свои брови указательным пальцем, а потом поднимая этот палец кверху, говорил только одну фразу «не одобрит», то есть Леониду Ильичу не понравится.

Меж нами были вёрсты, мили
Потом Андрей читал свои новые стихи. Они были написаны карандашом на каком-то толстом журнале, перевёрнутом «кверху ногами». Потом, когда Андрей закончит читать и начнётся опять какой-то общий разговор, я улучил момент и спросил его, почему он пишет стихи на перевёрнутых страницах. Его ответ меня поразил: на напечатанном «кверху ногами» тексте слова стихов не врезаются в бумагу и их легче заменять, когда ищешь варианты эпитетов или рифм. Накануне у Вознесенского вышла книга «Ахиллево сердце» и всем гостям она была подарена с автографом автора. Мне он написал: «Гарик, когда-то у меня были такие строчки: эх, гадай – кому в Магнитку, кому – в Магадан. Тогда это было страшно. Теперь как хорошо, что ты в Магадане, потому что страшно тут».

Я вернулся в свою Магаданскую газету. А в первых числах июля получил от Володи такое письмо.

Васёчек! Друг мой драгоценный! Во первых строках письма – шлю тебе привет! Как-то я уже привык, что ты чуть-что – и в Москве. Но вот ты не едешь. Уже и съезд прошёл, и евреи агрессивно и вероломно себя ведут и самые длинные дни наступили, а ты не едешь. Вот и пишу. Книги твои получили – премного благодарны. (Я тогда в Москву отправил несколько экземпляров, вышедшего в то время толстого тома, который вместил в себя чуть ли не всё написанное М.Булгаковым. В Москве этой книги было не достать, а в Магадане она спокойно продавалась. – И.К.) И тебе в ответ обещанное пошлём. Я только что приехал из Ленинграда из белых ночей. Тебя этим не удивишь, а мне в диковинку – ночь, а светло. Страшно, аж жуть! В Питере снимаюсь в самой наиглавнейшей роли в фильме «Интервенция». Не очень большая, но наиглавнейшая роль большевика Бродского Евгения Израйлевича, партийная кличка Воронов. Устою, потому что все ночи провожу в поездах. Вот сегодня приехал и сегодня уеду. Спать в поезде – не сплю. Вчера, когда ехал туда, в купе попался полярник. Пил, сквернословил, жалился на жизнь и соблазнял алкоголем. А мне этого нельзя – пить и сквернословить. Я культурный человек. И не спать нельзя – я нервный. А он мне на женщин жаловался и хвастал сберкнижками. А сегодня, когда ехал сюда, в купе попался Валя Никулин и беседы начались нескончаемые, с налётом шизофрении и достоевщины. Устал!

В театре – затишье. Осиротели мы, потому что главный болен и лежит в больнице. У него – желтуха, а вообще – неизвестно что. Потому что врачи спорят и проводят время в поисках истины. Мы к нему иногда ездим. Он очень пожелтел и вид у него не очень. Сейчас желтизна спала и уступила место белизне. Пить ему нельзя и работать тоже, а он без этого, особенно без работы – не может.

Мы репетируем с ассистентами «Пугачёва». Выпустим, наверное, в сентябре, после отпусков. С 12 июля по 1 сентября будет отпуск. Я буду в Одессе, потому что там натурные съёмки «Интервенции».

Вот какая я сука. Только через 5 дней стал писать продолжение. Я, Васёчек, как челнок. В Ленинград и обратно, а вот вчера съездил в Брислав – это западная Белоруссия. Там Виктор Туров снимает фильм «Война под крышами», и я ему возил песни. Он их взял.

Теперь насчёт песен. Не пишется, Васёчек! Уж сколько раз принимался ночью – и никакого эффекта. Правда Зоя, та, что Оза, сказала,

02 / 2017

что и в любви бывают приливы и отливы, а уж в творчестве и подавно. Так что я жду следующего прилива, а пока ограничиваюсь обещаниями, что скоро, де, напишу целый новый цикл про профессии. Когда и как это будет ещё не знаю, но обещаю.

Сегодня приехал один парень из Куйбышева, я недавно ездил туда на один день петь. Пел 2 концерта. Очень хорошо встретили, а этот парень привёз газету и в ней написано, что я похож на Зоценко. Ну вот! Роятся всякие темы, но боюсь трогать, потому что кое-что испортил.

Детей мы отправили с детским садом и яслями на дачу. Люсечка моя отдыхает и изучает всякую всячину из сельхоз. жизни. Про Лысенку изучает. Очень трагичная история. Как он, Васёчек, много погноил людей, и живёт, гад, и ни-чего.

Васёчек! Друзей нету, все разбрелись по своим углам и делам, очень часто бывает грустно, и некуда пойти голову прислонить. А в непьющем состоянии и подавно. А ты, Васёчек, в Магадане своём двигаешь вперёд журналистику и к тебе тоже нельзя пойти, потому что пойду в Одессу – надо детишков кормить, они махонькие, ручонки тянут, есть просят.

Артура видел в Ленинграде. Он в новом романе и в делах и завтра поедет к себе в имение двигать литературу. Акимов начинает снимать на Мосфильме кино. Какой-то сценарий из трёх новелл. Он одну будет делать. Сам пробил. Очень ругался на начальство киношное. Оно всё – ретрограды да консерваторы. Но вот он как-то пробивается и будет двигать кинематограф. Ялович двигает режиссуру и ставит какую-то гадость в Ленкоме.

Епифан ничего не двигает. Он продаёт машинку и уезжает в Керчь отдыхать, не отдавши мне долга.

– Я, – говорит, – ничем тебе помочь не могу! Я, – говорит, – много ездил и всё пропил и ещё от меня жена ушла. А она, действительно, ушла, и уже и суд был и развели их, как говорится, в стороны. Жорка хорохорится, но очень сам растерян.

Бабы, Васёчек, это зло, от них все болезни наши душевные и нервные, а также и грехи наши тяжкие.

Любимов до сих пор болеет, в театре – видимость работы. «Пугачёва» репетируем. А сегодня был один человек из музея Маяковского и излагал, как надо читать стихи. А потом сломался магнитофон и он сам начал изображать, довольно смешно. Все спрашивали, как читал Маяковский, Блок, Есенин, а я спросил, как Пушкин. Он показал. Большой специалист! Пушкин, оказывается, скользил

по паркету и шпарил стихи. Хорошо шпарил. А мы плохо. Потому что не те паркетные, нет уж тех паркетов, не больно-то поскользишь.

Жду не дождусь конца сезона. Устал смертно. Хоца на природу, тело в море купать хочу и разговоры говорить – не роли, а разговоры. Ты, Васёчек, там не особенно задерживайся. Бог с ней. С Колымой. Давай, вертайся. Мы всё с тобой обсудим и решим.

Сейчас только вошла жена моя, Люся. Она от матери своей пришла, без курева.

Гарик! Вот я словоблудствую и чувствую, что никаких новостей не сообщаю тебе. Но нетути их и всё. Жизнь текёт, как река Волга, но быстрее. И всё по-прежнему.

Если будет что-нибудь экстраординарное, во... какие слова помню ... я тебе сразу телеграмму. А вообще-то я тебе позвонить хочу. Выясню у матушки твоей Надежды Петровны, как это сделать и звякну. Послушаем друг дружкины голоса. Чего ещё тут! А?!

И ты, друг, возьми да позвони. А на будущее так: давай перечень вопросов, а Я на них отвечать. А?!

А пока, до свидания! Жду ответа, как соловей лета. Целую тебя трижды.

Друг твой

Васёчек!

P.S. Люсечка привет тебе шлёт и низкий поклон.

А вскоре мои приятели организовали мне очередную командировку в Москву. Был разгар лета, в городе было жарко и мы как-то с Володей решили съездить в Серебряный бор, покупаться. До этого он меня уже познакомил со своей новой пассией – артисткой его театра Таней Иваненко. В Серебряный бор мы договаривались поехать вдвоём, но когда он за мной заехал на такси, в машине была его новая подруга.

Приехали. Поплавали немного. Вода была так себе. Поэтому решили просто позагорать. Татьяна переплыла на противоположный берег, и мы, наконец, остались вдвоём, и Володя не преминул заметить, что он собирался быть без неё, но она «увязалась». В его раздражённом тоне чувствовалась досада скорее на самого себя, что сдался её упорству тоже ехать в Серебряный бор.

Мы вдруг вспомнили, как впервые вдвоём поехали на море.

Было лето 1957-го года. Москва готовилась принимать Всемирный фестиваль демократической молодёжи. Володя только что закончил первый курс школы-студии МХАТа (а я стало быть 2-й своего МИСИ), а мы решили – большие оригиналы – что вся эта московская суета нам ни к чему, зато на юге будет не так многолюдно.

Одна моя институтская знакомая только что вернулась из Адлера и дала нам адрес дома, где сама останавливалась. Мы купили билеты, и Володя решил перед отъездом зайти к отцу, сообщить, что вот мы решили вдвоём поехать впервые на чёрное море. Семён Владимирович, человек военный, всегда держал строгий, немного начальствующий тон с нами.

– Ну, что молодёжь, в Сочи собрались?

– Нет, мы едем в Адлер.

– Только учтите, у меня точные сведения, в Сочи свирепствует сифилис.

– Да мы не в Сочи, а в Адлер.

– Но это всё там рядом, – не унимался Володин отец. – Значит так, слушай сюда! Если иметь дело, то только с медобслуживающим персоналом...

Когда мы вышли от него, Володя не удержался:

– Папочка в своём репертуаре...

Когда мы приехали в Адлер, то увидели, что это такая дыра, что на следующий же день перебрались в Хосту.

В Хосте нам сразу всё понравилось. Мы сняли очень уютный маленький домик, хозяин которого жил на том же участке, но в другом доме, и, едва разложив вещи, пошли на пляж – не терпелось окунуться в море (в Адлере мы даже ни разу не искупались). На пляже было немногочисленно – слегка штормило, и купающихся почти не было. Когда мы поинтересовались, почему люди не купаются, нам ответили, что когда 3 балла, то это опасно. Но мы хорошо плавали и, улучив момент, когда волны были небольшими, нырнули в море. От восторга чего-то запели, просто орали от радости, не заплывали далеко, а качались на волнах, которые вблизи берега были достаточно большими, и надо было не упускать момента, чтобы взбираться на них.

Немого подустав, решили выходить на берег. И тут-то началось самое неприятное. Как говорится, вход – рубль, выход – два... Оказывается, из штормящего море выбираться на сушу не так то просто. Пару раз нас захлёстывало и заворачивало волной так, что мы прилично нахлебались. Кто-то на берегу даже хотел нам помочь, но только крикнул, чтобы мы выходили вслед за сомой большой волной. Наконец, нам это удалось, и мы, обессиленные, улеглись на лежаки...

– Нет, в Москве-реке это не купание, а одно недоразумение. Если б не такая жара, как сегодня, не стоило бы сюда ехать, – заключил Володя, и мы стали одеваться. Татьяна, увидев, что мы собрались уходить, быстро приплыла с другого берега, и мы поехали по домам.

В такси продолжили вспоминать нашу Хостовскую эпопею. Наши друзья (мы им сообщили, куда нам писать) прислали нам письмо, где говорили, что какие мы дураки, что не видим того, что происходит в Москве. На что мы в ответ написали им песню на мотив «Подмосковных вечеров». Конечно, песня забылась, но один куплет был таким:

*Фестиваль прошёл, все вы хилые –
вы шатались до утра...*

*Приезжайте к нам, наши милые,
подмосковные фраера...*

Из лета 57-го вернусь в лето 67-го. Командировка моя была довольно короткой, и вскоре я улетел в Магадан.

В первых числах января 68-го я получил от Володи такое письмо:

Дорогой ты мой! Самый наипервейший, распронаединственный друг, Васёчек! Конечно, сейчас можно было бы на пол-страницы оправдываться насчёт того, что долго не писал, да и с Новым годом не поздравил. Такого я от себя не ожидал, тем более, что последнее время всё думаю о тебе и не идёшь ты у меня из головы. Вот, мол, Гарик у меня есть – Васёчек. Он в Магадане живёт, и не к кому пойти, потому что до Колымы далеко, а здесь ходить ни к кому неохото. Все, суки, зовут, просят, умоляют, телефон свой возненавидел. А всё из-за чего. Из-за гитары. А, помятуя твой стих, где

*к таким со своими песнями,
прошу тебя – не ходи*

я и не хожу, т.е. хожу, но лучше бы и не ходил вовсе. Придёшь, – все делают вид, что и без песен прекрасно повеселимся, разговор идёт про летающие тарелки, про закуски, а в кухне 3 гитары стоят готовые и микрофоны налажены, и зелёные глазки так и мигают. Я помурьюжу их часа 3, а потом перед уходом пораую и уйду. А если не пораую – обида. Как же так обманул, паразит, все ожидания, ел (слава богу не пью), говорил и на тебе – не поёт. Я поймал себя на мысли, что стал к этому привыкать и гитару беру сам, чтобы не убеждаться лишний раз в человеческой однообразности и бестактности. Но ... должен тебе прямо сказать – ты приедешь – буду песни играть с наслаждением, хоть сколько хошь!

Теперь информация в сжатом виде. В театре у нас вышел «Пугачёв» по Есенину. Месяц отстаивали во всех инстанциях интермедии, написанные Эрдманом. Ни хрена не отстояли, остались от них рожки, да ножки. Комиссия

02 / 2017

по сохранению памяти Есенина, во главе с двумя сёстрами великого поэта наложила veto, а начальство тем более. Правда, одна старушка – порядочная, ручками махала, говорила – бог с ними – интермедиями, а другая – стервь ручками махала, – говорила, – не бог с ними, в общем, это всё чушь. Важно, что не смотря на обрезание – спектакль получился отличный. Тут приходил мой папочка с Женей – одобрил. Только, говорит, меня ему жалко, что меня на цепи кидают. И как я выкладываюсь, и что я могу умереть на сцене ни за грош. Сейчас репетируем «Из жизни Фёдора Кузькина» Можая. Это повесть – печаталась в «Новом мире» в прошлом году. Ещё «Тартюф», это Мольера. В стихах. Обе вещи очень трудные. А Любимов лёг на 2 недели в больницу, что-то исследовать и подлечивать, и мы осиротели и разлагаемся.

В кино – заканчиваю съёмки «Интервенции». Через месяц совсем закружусь. А «Служили два товарища» затягивается. Все основные сцены впереди. Ездил в Одессу и Ленинград. Измотался окончательно. А тут ещё в промежутках встречаюсь со своими почитателями, пою, в учреждениях, в институтах и т.д. Месяц назад был в Куйбышеве. У них там есть молодёжный клуб и отличные ребята, которые каким-то образом такую развели свободу, что мне дали выступить во дворце спорта по 7 тысяч человек, два концерта. Ощущение жуткое. Громадное здание и одна моя небольшая фигурка среди шумного зала. Но приняли грандиозно. Раздал автографов столько, что если собрать их все, будет больше, чем у Толстого и Достоевского. Ставил свою подпись, а иногда слова из песен или что-нибудь вроде «Будьте счастливы». Получаю бездну писем с благодарностями за песни из «Вертикали». А альпинисты просто обожают.

Вот видишь, Васёчек, как всё прекрасно! Правда?

Дома всё замечательно, дети здоровы, Люся тоже, дома изобилие, даже ёлок и то две и обе наряжены. Ребятюшки одеты, обуты, всё слава богу. Здоровье моё крепкое, стал малость засекается на прямой, ну да это пройдёт.

[...]ная эта жизнь! Ничего не успеваешь, писать стал хуже и некогда и неохота и не умею, наверное. Иногда что-то выходит и то редко. И ни с кем ни про что не поговорить. И все звонят – приходи... и всё время чего-то догоняешь и не хочу ничего и никого видеть и не делаю то, чего хочется, потому что сам не знаю чего хочется. Одно знаю точно, что есть только работа, много работы. И больше ничего. А деньги – это дерьмо, хотя их хорошо тратить. А детей своих я не вижу почти совсем и с бабами своими я запутался окон-

чательно, а ломать ничего не хочу и не буду, во-первых, не решусь, а во-вторых, не очень хочется. Недавно поймал себя на мысли, что нет дома, куда хочу пойти и друзей нет в Москве. Епифан занял у меня 300 рублей, не смог отдать и сгинул, вот уже 4 месяца не звонит, только где-то на стороне рассказывает, что вот де он друга потерял. А я у него ничего и не просил, хрен с ними. А он ходит и хвастается, мудак, какой он одинокий, жить негде, денег нет, а к Высоцкому ему пойти нельзя, потому что он ему должен. И гордится этим. Вот, мол, я какой – не как все.

Роман мой с Татьяной затянулся. У меня никогда так долго не было. Но... хоть это и прекрасно, однако, толку нет и не будет. А она с мужем разошлась, живёт в одной комнате с ним и не общается. А я только сочувствую и всё.

Я придумал кое-что написать в серьёз, но пока не брался, всё откладываю. Вот, мол, на новой квартире возьмусь, а ведь знаю, что не возьмусь, что дальше песен не двинусь, да и песни-то, наверное, скоро брошу, хотя не охота.

Да! Васёчек!!!! Строим мы кооператив теще. Она переедет к лету, а мы на «Беговую». В отдельную комфортабельную квартиру с разделёнными удобствами. Тут мне недавно какая-то девица из Харькова написала, что она меня выбрала, но «неужели и вы строите кооперативную квартиру», говорит. Я иногда, Васёчек, очень жалею, что бросил пить. По-моему я тогда лучше жил и делал, как мне хочется и не оглядывался, а сейчас я стал общественный элемент и кумир молодёжи, а это, наверное, работает как тормоз, что ли или как сдерживающий центр. Ладно! Вот что! Ты давай там завязывай со своими делами и приезжай. Вдвоём разберёмся. Я всю эту слезливую тираду написал, чтобы тебя разжалобить и чтоб ты приезжал. А то ты там золото решил мыть. Ты что обалдел? Ты его мыть, а его в Канаду или на медали спортивные. И не думай. Вот приедешь – займёмся твоим трудоустройством и я развяжу ненадолго с тобой. Вот. Я, действительно, Гарик, очень по тебе скучаю и часто думаю – был бы Васёчек рядом – всё было бы хорошо.

Теперь про твои дела. Я очень давно не видел обоих наших модных поэтов. И ещё – у меня такое ощущение, что они не будут этим заниматься. У них своих дел – воз. Женя, правда, сказал, давай, давай, приезжай – и уехал в Чили. Где он сейчас – не знаю. Но... Васёчек, когда ты приедешь, нужно будет всё делать на месте и с тобой. Если от них что-нибудь зависит, – мы их возьмём за зебры, а может, и не их. Ты говорил про отдел поэзии в каком-нибудь журнале. Буду узнавать. И мне

кажется, Гарик, что вообще для тебя постоянная работа всегда найдётся. Тем более, что она тебе не главное. Тебе надо писать. И время на это. Верно? Так что ты приезжай и всё. Матушка твоя тоже стосковалась, а уж шалава, наверное...! Ну, хрен с ней, Васёчек! Ты там смотри не женись! Да ещё на чукче. А то дети пойдут косоглазые, а их с китайцами могут перепутать. А потом будешь ты всю жизнь заниматься переводами с чукотского, потому – уж если ты выберешь чукчу, то обязательно поэтессу.

Новостей в Москве нет. Вы там знаете больше нашего. Вон какое ты мне поздравление прислал. Эвон как лихо Есенина переиначил, на свой магаданский манер. Правда, в Москве бурными темпами идёт градостроительство гостиниц, для улучшения жизни иностранцев и командировочных.

Очень я буйно отметил Новый год, посидел в незнакомой компании до 2-х, потом пошел до 3-х, а потом уехал к Татьяне, а Люсечку проводил домой и сказал, что поеду к Любимову. Обманул то-есть. Страшно, аж жуть!

Акимов сделал на Мосфильме диплом – новеллу на три части. Говорят, хорошо, но идеологически не выдержано. Акимов, значит, туда же. Но, говорят, оставили на Мосфильме.

Больше писать не буду. А то совсем с ума балдел. Ты это письмо прочти и сожги, а то здесь много компромитирующих меня слов и соображений. И есть так же матерные слова. За них боюсь особенно.

А вот отрывки из новых песен:

«Сказка – Лукоморье»

И русалка, вот дела, честь недолго берегла
И однажды как смогла – родила,
Тридцать три же мужика
не желают знать сынка,
Пусть считается пока – сын полка.

Ты уймись, уймись тоска
У меня в груди,
Это только присказка,
Сказка впереди!

Приедешь – спою всю.
А рифма какая – чуешь? Или ещё:

Дал оружие Любе я
В целях дружелюбия.

Это просто так...

Лечь бы на дно, Васёчек, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать.

Целую тебя, обнимаю, жду. Привет, кому хочешь.

Васёчек

В это же письмо была вложена его фотка, где он у микрофона с гитарой во время какого-то концерта.

А через несколько месяцев, в мае, Володя, во время очередного загула прилетел ко мне в Магадан.

...В этот вечер я дежурил «по газете». Вычитав все полосы, я договорился с печатниками, что они позвонят мне, когда надо будет подписывать газету в печать. Жил я тогда в доме буквально в пару минут ходьбы от типографии.

Только сел попить чайку – звонок:

– Васёчек, это я!

Услышав голос Володи, я ничего не мог понять, так как сначала подумал, что звонят из типографии.

– Ты?! Ты где?

– Я здесь, в редакции. Звоню от дежурного милиционера. Он мне дал твой телефон...

– Стой там. Я через пару минут буду!

Я всё ещё не мог поверить, что это Володя. Здесь, в Магадане...

Едва мы обнялись, он тут же мне выпалил, что приятель его приятеля оказался лётчиком, летающим в Магадан, и ... вот он здесь.

По его виду и запаху я сразу всё понял.

– Володь, ты развязал?!

– Слегка. Есть причина...

– Ну, причина всегда найдётся...

– Такая, как эта, раз в жизни...

– И что же эта за причина?

– Понимаешь, Васёчек, сейчас Сергей Герасимов снимает фильм по рассказу Чехова «Сюжет для небольшого рассказа». На роль Лики он пригласил Марину Влади. Меня с ней познакомили... И я, Васёчек, пропал...

– У тебя с ней роман?

– Нет, но кажется будет...

– Что за ерунда, Васёчек. Что значит кажется?

– Не знаю. Сам не могу себе объяснить. Но вот чую сердцем – что-то будет...

– Прямо как в комсомольской песне: «все мечты сбываются, товарищ».

– Я серьёзно, Васек, а тебе всё шуточки. Она такая... Обычно я бы сказал «такая баба», а про неё так не могу. Это женщина во плоти, дама...

– И ты, босяк, рядом с дамой...

– Васёк, ну что уж у меня вид босяка, что ли?

– Сейчас – точно босяка.

– Нет, ну, я не бритый, с похмелья... А ты знаешь, как за ней все в Москве увиваются... И Женя Евтушенко, и Вася Аксёнов – все запали на неё...

– И ты за компанию...

– Ну, ладно, Васёчек, тебе всё шуточки да хаханьки...

– Да, нет, я не шучу. Просто не понимаю, ты говоришь – ничего не было, но чувствуешь –

02 / 2017

будет. Я и хочу понять – как это ты чувствуешь...

– Я не могу объяснить. Но вот если бы можно было тут же жениться на ней, я бы сходу женился. У меня никогда такой уверенности и такого желания жениться не было. Ты же знаешь всех моих баб. И желания жениться ни разу не было. А тут – сразу...

– Но ты ведь её совсем не знаешь? Может, она стервь какая... У неё же вроде трое сыновей и все от разных мужей...

– А ты откуда знаешь?

– Где-то читал. Не помню.

– Ну и что? Это ещё ни о чём не говорит.

– А как же твой роман с Татьяной?

– Это сейчас уже не важно. Ты лучше скажи, как быть?

– Откуда я знаю, как быть...

– Васёчек, я же прилетел к тебе, чтоб ты мне сказал, как быть и что делать?

– И ты с этим летел ко мне? Думал, что я сразу твою беду руками разведу?

– Ну а кто, если не ты?

– Ну, Васёчик, ты слишком завышаешь мои возможности. Я со своим-то бабами разобрататься не могу, а теперь ещё и с твоими разбирайся...

– Ну а что у тебя-то с твоими?

– Ну, как что? Моя Татьяна, та, с кем я был на Новый год у Вознесенского, меня не дождалась. То есть я, конечно, ей ничего не обещал, но когда вот недавно прилетел в Москву, у неё уже кто-то был. Я опоздал. А какие она мне писала письма... Она же художница, рисовала свои грустные автопортреты и подписывала – «Так я грущу о тебе», а когда я приехал, оказалось, мой поезд ушёл...

– Но ты, по-моему, быстро утешился?

– Да, Ниночка-Ниточка... Как она всё время напевала – «между мной и тобой ниточка протянута»...

– Она же была в тот вечер, три года назад, когда я тебя провожал в Магадан?

– Да, она самая.

– Вот на каких надо жениться... Такие тебя всегда будут ждать.

– Но я совсем не собираюсь жениться. Что ты всё про женитьбу, сдалась она тебе.

– Потому что про Марину думаю.

– А что с Татьяной?

– Это, Васёчек, самое сложное. Тоже не знаю, как быть. Она, как кошка, чует, что что-то не так... Говорит на днях «вроде как не замечаешь меня»... А я, действительно, не замечаю её, да и никого вокруг – всё думаю о Марине и её одну мысленно вижу. Я и прилетел к тебе за советом – как быть?

– Как быть... Кабы знать... Угроздило же тебя... Н-да... А что Люся?

– Люсечка нормально, она у меня золото. Сейчас, правда, в панике, что я сорвался. Но знает, я покуролесю недельку-другую и завяжу – либо сам. Либо через больницу...

– Как детишки?

– Мальчишек своих почти не вижу, а когда вижу... Знаешь как трёхлетний человечек смотрит в глаза?

– То есть?

– Он смотрит – как будто душу наизнанку выворачивает... Я их очень люблю, своих мальчишек, но блядская эта жизнь...

– Ладно, уже поздно, давай спать. Утро вечера мудренее...

– Но и в вечере что-то есть...

– И всё-таки, почему, Васёчек, ты решил, что у тебя с Мариной будет роман?

– Потому что я очень давно мечтал о ней, мечтал и встретил, а раз так, то обязательно что-то должно быть... Я в первый же вечер сказал, что давно люблю её... А когда она улетила в Париж, написал ей песню... Завтра спую, сейчас глаза слипаются...

Мы замолчали. А я лежал и думал об услышанном, почему-то не придавая особого значения этой новости, ибо родилась она, насколько я мог понять, не до, а во время этого загула. А в такие периоды с Володей могло произойти всё, что угодно и прекращалось сразу же, как только прекращался и сам загул. Мне казалось, что и на сей раз с этой новоявленной любовью будет то же самое. Укрепил меня в этом предположении и довольно забавный эпизод.

На следующий день после дежурства по газете мне полагался выходной, и мы пошли бродить по Магадану. Я был в качестве гида, показывал районы, где когда-то находились лагеря, оставившие свои следы в перекошенных строениях барачного типа.

Проходя по центру города, мимо Главпочтамта, я сказал, что вот здесь получаю от него письма, которые он, хоть и редко, но всё же мне пишет...

– Васёчек, давай зайдём, – встрепенулся вдруг Володя.

– Зачем?

– Хочу позвонить Марине.

– Куда?

– В Париж.

– Ну и что ты ей скажешь? – продолжал допытываться я.

– Скажу, что люблю её.

– Васёчек, она воспримет это как шутку. Почему же ты не позвонил ей из Москвы и не сказал об этом? Неужели для этого необходимо было прилетать в Магадан?

– Нет, ты не понимаешь, – пытался убедить меня Володя, – Я ей скажу, что вот я прилетел к тебе, мы здесь с тобой (я ей всё о тебе

рассказал, и она знает, какой у меня есть настоящий, замечательный друг), и говорим о ней, и ты мне сказал, что если я её люблю, то надо, чтоб она об этом узнала, и чем раньше, тем лучше, и поэтому я решил ей немедленно позвонить, следуя твоему совету...

– Васёчек, не дури. Она поймёт, что ты под хорошей банкой, и только посмеётся над твоей выходкой.

– Ну и что же, что под банкой... Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Может, мне смелости не хватало сказать ей об этом в Москве или позвонить оттуда. А вот здесь, с тобой, мне спокойно, я больше уверен в себе, никаких рефлексий, и ты мне посоветовал сказать ей об этом... Вот я и позвонил...

Я понял, что от этой сумасбродной идеи отговорить его не удастся. Мы зашли в Главпочтамт. Заказы на междугородные разговоры принимала очень милостивая телефонистка.

– Девушка, у меня к вам просьба, можно сказать, всей моей жизни. Если вы мне откажете, то сделаете меня самым несчастным человеком на земле. Вот вы такая милая, молодая, красивая. Скажите, вы счастливы?

Телефонистка кокетливо улыбнулась.

– Ну, правда, скажите, вы счастливы, – не унимался Володя. – Не может быть, чтобы вы не были счастливы... У вас непременно должен быть человек, которого вы любите и который безумно любит вас. Ведь правда, я угадал?

– Правда, – чуть смущённо ответила телефонистка.

– Тогда вы не можете не понять меня и не выполнить мою просьбу.

– А какая у вас просьба?

– Мне необходимо поговорить с Парижем.

– С Парижем?

– Да, с Парижем.

– Вряд ли. Но сейчас узнаю. Быть может, как-то через Москву. А какой номер в Париже?

– Не знаю.

– Как не знаете? А кому же вы хотите звонить?

– Марине Влади.

– Ну, ладно, ребята. Я думала у вас действительно что-то серьёзное...

– Девушка, милая, у меня очень серьёзное... Мне необходимо поговорить с Мариной Влади.

Телефонистка продолжала улыбаться, но уже не слушала Володю, так как, судя по всему, всё-таки соединилась с Москвой.

– Пятая, это Магадан. Здесь один чудак хочет заказать Париж, правда, не знает номера телефона.

Наступила пауза, во время которой московская телефонистка, вероятно, что-то уточняла.

– С Мариной Влади, – сказала магаданская. Опять пауза.

– Нет-нет, – продолжила девушка и рассмеялась. Продолжая улыбаться, она объяснила нам, что это невозможно по техническим причинам.

– А почему вы так смеялись, – расстроено спросил её Володя.

– Москва сказала, что попытается это сделать только в том случае, если разговор заказывает Ален Делон, Бельмондо или ещё кто-то из этой элегантной компании.

И я понял, что рассмешило телефонистку.

Володя был с хорошего похмелья. Это было заметно даже непосвящённому в происходившее накануне (а мы здорово на радостях набрались). К тому же он был небрит – с утра не мог себя заставить побриться. Поэтому сравнение со знаменитыми французами действительно звучало смешно.

Мы вышли из Главпочтамта.

– Я же говорил, что из твоей дурацкой затеи ничего не выйдет.

– Вовсе она не дурацкая, а просто технически невыполнимая, – уже успокоившись сказал Володя, и тут же опять стал говорить про Марину – какая она красивая, обаятельная, с каким вкусом одета и держится, и что весь Мосфильм по ней сошёл с ума, а она всем знаменитостям предпочла его...

– Васёчек, что значит «предпочла», – невольно вырвалось у меня.

– Нет, ещё ничего не было. Но, кажется, будет...

На этом тема Марины была закончена. Но зато продолжалось то давно знакомое мне его состояние, когда ему непременно надо было куда-то ехать или кому-то звонить.

– Васёчек, позвони Люсечке, – вдруг каким-то упавшим и озабоченным тоном попросил он.

– А что я ей скажу?

– Ну, скажи, что я у тебя и что со мной всё в порядке...

Мы вернулись в мою магаданскую хибару, и я заказал Москву.

– Люсечка, привет, это я.

– Ой, Васёчек, как я рада тебя слышать!

Я представил её улыбающейся своей обезоруживающей улыбкой.

– Люсечка, ты только сядь, если стоишь, и не подай... Володя у меня, с ним всё в порядке...

В ответ – молчание. Потом:

– Да какое там в порядке... Васёчек, ты передай ему, – она понимала, что Володе трудно набраться храбрости и поговорить с ней;

02 / 2017

в такие минуты он всегда вёл себя как нашкочивший школяр, – передай, что его ждут послезавтра в Одессе, у него съёмка...

– Хорошо, Люсенька, передам и посажу в самолёт. Ты не волнуйся...

– Я, кажется, разучилась волноваться, – в голосе была усталость и отрешённая обречённость.

– Тебя ждут послезавтра в Одессе, – передал я ему Люсину информацию.

– Ну, не послезавтра, а послепослезавтра, и вообще туда несколько дней не летали самолёты, теперь будут отправлять задержанные рельсы. Завтра мы ещё с тобой погуляем по Магадану, а послезавтра я полечу в Москву, а оттуда – в Одессу.

Я понял, что он так решил и уговорить его переменить решение – бесполезно. (Помните припев его знаменитой песни про Джина из бутылки – «уж если я чего решил, я выпью обязательно».)

Мы с ним были приглашены на обед к художнику нашей газеты Виктору Кошелеву, жена которого Нина была очаровательная, гостеприимная хозяйка, к тому же мама Виктора, в прошлом проработавшая много лет корабельным коком, очень вкусно готовила. У Нины, работавшей заведующей городской библиотекой, была подруга Светлана, с которой у меня незадолго до приезда Володи начался бурный роман, и мне хотелось представить её другу – интересно было узнать, как она ему...

Короче, когда мы пришли, нас уже ждали, стол был накрыт и буквально ломился от деликатесов – икра всех сортов, крабы, сварённые в молоке (рецепт Витиной мамы, забыл её имя-отчество), миноги и ещё какие-то экзотические морские продукты, и всё было очень красиво сервировано, явно было видно, что желание потрафить знаменитому гостю тут превзошло все наши ожидания. Володя был тронут и очень быстро освоился среди впервые увиденных людей, держал себя естественно, балагурил, острил, рассказывал всякие смешные байки, но очень быстро набрался, и я уложил его поспать в соседнюю комнату. Где-то часам к десяти вечера он проснулся, бодр, полон сил, и выпив совсем чуток для опохмелки, взял гитару. Пел он много и с удовольствием, и уже не пил в этот вечер. Где-то в первом часу ночи мы с ним ушли ко мне. А утром я его повёл в магаданскую баню. И здесь я должен сделать небольшое отступление.

Я вырос в Москве на Неглинной улице, в знаменитом доме купцов Сандуновых (дом этот – одни из красивейших домов Москвы по сию пору; несколько лет тому назад его избезобразили новоделом – закрыли арку какими-то воротами, спрятав ими чудесные

скульптурные группы; под этой аркой мы в детстве играли в футбол, и в результате нашего варварства несколько пальцев на руках ангелов на этих скульптурах – оно были гипсовыми – пообломались; дом этот, между прочим, поминается даже в одном из стихотворений Некрасова), по соседству с не менее знаменитыми сандуновскими банями. Париться я научился и полюбил очень рано. Володя же до определённого момента не понимал этой моей страсти.

Однажды, дело было зимой, где-то в начале 60-х, когда Володя остался ночевать у меня после наших ночных посиделок, нас в 8 часов утра разбудил стук в дверь. Это мой институтский приятель, тоже любитель парилки, разбудил нас и попросил разрешить оставить пальто своё и своих друзей. Дело в том, что билеты-то в баню они купили, но гардероб уже весь занят, их не раздевают, а ждать час или больше, когда первые посетители бань начнут выходить, им не хотелось, и вот они решили раздеться у меня. И тут же предложили нам присоединиться к ним – билеты лишние у них были.

Мы с Володей после приличного похмелья, конечно, отказались. Но они нас уверили, что лучшая похмелька – это парилка! И мы согласились.

Друзья моего приятеля были профессиональные спортсмены – борцы вольного стиля, вынужденные иногда сгонять вес, если он выходил за рамки той или иной весовой категории. То есть они были ещё и профессиональными парильщиками.

Придя в баню, они тут же попросили всех выйти из парилки, чтобы умельцы сделали настоящий, а не какой придётся пар. После чего, в благодарность нам за гостеприимство, разложили нас каждого на отдельную лавку, и в четыре венника начали нас «обрабатывать» каждого в четыре руки. Мы с Володей только ахали и охали, а они нас лупили и лупили дубовыми венниками. После чего я пошёл в душ сам, а Володю они вели «под белы» рученьки и – под ледяной душ. И тут Володя понял, что за чудо эта парная! А когда в раздевалке нас уже ждали кружки с холодным пивом, которое мы выпили чуть ли не залпом, жизнь засияла такими красками, о которых нам после вчерашних возлияний не приходилось даже мечтать.

С тех пор Володя полюбил парилку.

...Я привёл его в магаданскую баню, очень скромную, даже убогую по столичным меркам. Но она ему понравилась, пар был неплохой (не такой, конечно, как в Сандунах), и мы немного пришли в себя после вчерашнего.

После бани мы прошли немного по городу, спустились к Нагаевской бухте, проголодались

и пошли опять на обед к моим магаданским друзьям.

Нас уже ждали, всё было так же вкусно и обильно, как вчера, и, как накануне, мой Володенька быстро набрался и пошёл спать в соседнюю комнату.

Я решил сходить на работу, хотя весь город уже знал, что ко мне прилетел Высоцкий, и наверняка моё отсутствие было объяснимо, но я всё-таки решил побывать в редакции, мало ли что, может, какой срочный материал по моему отделу, ну и т.д.

Редактор был в курсе происшедшего, сказал, чтобы я не беспокоился, только поинтересовался, сколько дней Володя пробудет в Магадане, и когда я сказал, что завтра он должен вылетать в Москву, ужасно расстроился. Оказывается, ему уже звонили из обкома и спрашивали, не может ли Высоцкий дать хотя бы один концерт. Я сказал, что это невозможно, что у него с переменной часовых поясов (разница между Москвой и Магаданом – 8 часов) нет сил на это.

Когда я вернулся к Кошелевым, то застал такую картину: Володя сидел на кухне с мамой Виктора (а она была классная выпивоха, очень любила «это дело» и могла выпить очень много, оставаясь вполне адекватной) и о чём-то мило беседовали, гитара стояла в углу рядом.

– Наверно, он вас измучил своими песнями? – невольно спросил я.

– Ни в коем случае, мы про них даже забыли, правда, Володя?

По тому, как это было сказано, можно было понять, что они нашли общий язык и общие темы для разговоров. Володя был очень жаден до рассказов о том, о чём сам не имел ни малейшего представления. А так как мама Виктора всю жизнь проработала на кораблях дальнего плавания, ей, наверное, было, что ему рассказать.

Сели за стол. Володя поднялся с рюмкой в руке. Тост его был долгим, я его, конечно, не помню, но смысл был таким, что вот он, мол, в Москве очень беспокоился, как его другу здесь живётся, думал, что одиноко и тоскливо, а оказалось, что он среди таких людей, а рядом с ним такая женщина – Володя обернулся к Свете – что теперь можно не волноваться, и вообще, так как в Москве нету дома, куда бы он хотел пойти, то будь Магадан не так далеко, а за углом, он непременно был бы частым гостем этого дома.

Но очень скоро он опять «отключился». Я знал за ним эту слабость – когда он в запое, он напивается очень быстро. В Москве, когда я бывал с ним рядом в таких ситуациях, то незаметно выпивал его рюмку, а «разливающим» давал знак, чтобы ему больше не наливали.

Но здесь, в Магадане, я понял, что делать этого не стоит. Тем более, что назавтра я ему уже купил билет и позвонил Валерии Золотухину, чтоб тот встретил его во Внуково, так как он за 12 часов полёта точно «наберётся», и его надо будет доставить домой.

Назавтра всё повторилось, с той лишь разницей, что часов в 5 вечера мы с ним уже сели в такси. Было довольно прохладно, и я открыл в машине окна, а так как до Магаданского аэропорта около 60-и километров, ехать больше часа, то по пути Володя пришёл в себя.

Сажая его в самолёт, я поведал стюардессе, что вот это артист Высоцкий (она сказала, что узнала его, так как смотрела фильм «Вертикаль»), прошу холить и лелеять. Вручил ей незаметно бутылку коньяка и сказал, что давать только в экстренных случаях – если начнёт буянить.

Через несколько дней я позвонил в Москву узнать, как там дела у Володи, всё ли обошлось. Оказалось, всё прекрасно, в Одессе он всё закончил, хотя на несколько дней всё же пришлось лечь в больницу – остановить запой.

А в результате этого краткосрочного «рейда» появилась ещё одна прекрасная песня – «Нагаевская бухта», или, как она названа в одном из Володиных сборников, «Я уехал в Магадан».

*Ты думаешь, что мне – не по годам,
я очень редко раскрываю душу, –
я расскажу тебе про Магадан –
слушай!*

*Как я видел Нагаевскую бухту
да тракты, –
улетел я туда не с бухты-
барахты.*

*Однажды я уехал в Магадан –
я от себя бежал, как от чахотки.
Я сразу там напился вдребадан
водки!*

*Но я видел Нагаевскую бухту
да тракты, –
улетел я туда не с бухты-
барахты.*

*За мной летели слухи по следам,
опережая самолёт и вьюгу, –
я всё-таки уехал в Магадан
к другу!*

*И я видел Нагаевскую бухту
да тракты, –
улетел я туда не с бухты-
барахты.*

02 / 2017

Я повода врагам своим не дал –
не взрезал вены, не порвал аорту, –
я взял да как уехал в Магадан,
к чёрту!

Я увидел Нагаевскую бухту
да тракты, –
улетел я туда не с бухты-
барахты.

Я, правда, здесь оставил много дам, –
писали мне: «Все ваши дамы биты!» –
ну что ж – а я уехал в Магадан, –
квиты!

И я видел Нагаевскую бухту
да тракты, –
улетел я туда не с бухты-
барахты.

Когда подходит дело к холодам, –
пусть это далеко, да и накладно, –
могу уехать к другу в Магадан –
ладно!

Ты не видел Нагаевскую бухту –
дурак ты!
Улетел я туда не с бухты-
барахты.

Но песню эту я услышу потом, по приезду в Москву. Тогда же, после Володиного визита, после его краткосрочной больницы, я как-то позвонил домой – узнать от моей мамы, как там дела у Володи, и мама сказала, что ей звонила Нина Максимовна, мама Володи, интересовалась, когда я приеду, сказала что сын её опять запил, все от него отвернулись, отец «умыл руки», Люся тоже устала от такого мужа, она одна ничего не может сделать, а был бы я, может, в чём-то ей помог. У меня должен был быть долгий отпуск – за три года, это 6 месяцев, и я рассчитывал приехать вместе со Светой, примерно, в августе (она не могла раньше). Но тут, извинившись перед Светой и объяснив ей ситуацию с Володей (а он опять загрел в больницу), я решил ехать в Москву немедленно, а она пусть приезжает следом, как только её отпустят.

Через пару дней я уже был у себя на улице Горького. А на следующий день ко мне приехал Володя (его опять быстро привели в «чувство» и отпустили). Обнялись, и было ощущение, что только вчера расстались. Правда, с момента его приезда в Магадан прошёл-то всего месяц.

– Я тебе хочу кое-что показать, – сказал он заговорчески и взял гитару. Я услышал:

Возвратился друг у меня
неожиданно.
Бабу на меня променял..
Где же это видано!
Возвратился друг,
когда нет вокруг
никого,
с этим свыкнулся..
Ну а он в тот же час
враз всё понял без фраз
и откликнулся.

Может, это бред, может, нет,
только знаю я..
Погасить бы мне красный свет,
и всё же зажигаю я..
Оказался он,
как брони заслон,
а кругом –
с этим свыкнулся –
нет как нет ни души,
хоть пиши, хоть вороши,
а он откликнулся.

Правда, этот друг – не секрет –
ну ни грамма вам..
А у меня уже много лет –
с детства самого.
Он передо мной,
как лист перед травой,
а кругом –
с этим свыкнулся –
ни души святой,
даже нету той..
А он откликнулся.

– Васёчек! Я – твой должник, и когда рассчитаюсь – одному Богу известно..

– Да что ты, Васёчек! Я так рад, что ты приехал, тем более, ты же говорил, что вроде не раньше августа.

– Да, потому что Светку раньше не отпустят, а мы хотели вместе..

– А вот ещё, послушай. Это Марине.

Песня была отчаянная – слышалась грусть о женщине, которая далеко. Но в ней были такие слова почти рядом: «со звездой в лапах» рифмовалось с «в пумах косолапых»... Я сказал, что ему, городскому, столичному парню писать о каких-то «пумах» не есть хорошо..

– Ладно, Васёчек, не придирайся. Может, потом исправлю..

А через несколько дней он позвонил мне рано утром.

– Васёчек, привет. Ты видел сегодняшнюю «Советскую Россию»?

– Нет. А что там?

– Там жуткая статья про меня. Сейчас приеду.

Когда я открыл ему дверь, то увидел всё того же улыбающегося Володю, каким он был, верней, казался почти всегда. Правда, улыбка на сей раз была грусноватой. А когда он закурил и немного пришёл в себя, стало заметно, как он расстроен и разозлён.

Статья называлась «О чём поёт Высоцкий». Была она написана тем, как говорится, бойким пером, моментально выдающим заданность и тенденциозность темы. За всем этим прямолинейным и псевдопатроитическим пафосом обличений чётко просматривались демагогия и ограниченность ангажированного автора, получившего, видимо, задание приструнить не в меру смелого и откровенного барда. А когда я вспомнил, что не так давно в этой же газете была аналогичная разгромная статья о Г.Горбовском, то стало ясно, что началась очередная кампания травли неудобных, не поддающихся укрощению администраторов от идеологии.

Но судьба и на этот раз была милостива к Володе. Дело в том, что главным «обвинительным пунктом» публикации, вокруг которого организовывалась и велась атака на певца, было уличение В.Высоцкого в якобы оскорблении и насмехательстве над всем, говоря словами одной из Володиных песен, «чем гордится коллектив». И в подтверждение этой мысли автор статьи цитировал строчки из песни... Ю.Визбора о технологе Петухове: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей». (Конечно, добродушная ирония этих строк была явно за пределами понимания зашоренного критика.)

– Васёчек, они прокололись! И этим ты спасён. Сейчас едем в газету, – сказал я возбуждённо.

– Куда едем? Зачем?

– Объясняю...

Дело в том, что тогда в «Советской России» (не помню, в каком отделе) работал тот самый Владимир Новиков, благословивший меня на мою магаданскую эпопею.

Я позвонил В.Новикову, объяснил в чём дело. В ответ услышал: «Приезжайте».

Когда мы приехали, он уже всё узнал. Да, очередная кампания припугнуть, приструнить. Последствий никаких не будет, тем более что в статье такая грубая ошибка. Так что, как говорится, можно спать спокойно...

Мы поблагодарили, попрощались и поехали ко мне обсуждать «по спокухе» (наше выражение) всё случившееся. «Господи, кто бы мог подумать, – размышлял я про себя, – что бесшабашное балагурство, подтолкнувшее однажды к сочинительству остроумных и озорных песен, в конце концов приведёт к тому, что случилось сегодня. Ведь если вспомнить, с чего всё началось...»

А вскоре его увезли в больницу – началось кровотечение, видимо, он «развязал» немного после истории с газетой. Положили в Склифосовского.

Он позвонил, сказал что пару-тройку дней там пробудет. Я спросил – «навестить?», он сказал «не надо».

Через два дня раздался звонок от Паши Леонидова (какой-то дальний родственник отца Володи, который называл себя Володиным дядей – уж больно льстило сознание быть в родстве с самим Высоцким). Он сказал, что Володя не мог до меня дозвониться (телефон был долго занят – соседка по квартире любила поговорить) и позвонил ему, чтоб тот позвонил мне, и чтоб я приехал забрать его из больницы к двум часам. Паша предложил, чтобы я заехал за ним – он тоже хотел повидать Володю – благо это по дороге (он жил в доме на углу Каретного ряда и Садовой), и мы вместе поедem за Володей.

Приехали. Володя выглядел явно отдохнувшим и посвежевшим.

Сели в такси, и Паша предложил заехать к нему, посидеть, поболтать, попить кофейку.

Когда вошли в его квартиру, я сразу обратил внимание на книжные полки. Бросилось в глаза полное собрание Брокгауза и Эфрона, и ещё множество книг. По кожаным корешкам с золотым шрифтом на них можно было понять, что библиотека собиралась давно и со знанием дела.

– Пашенька, откуда же у тебя такое богатство, – невольно вырвалось у меня.

– Это что... Вот раньше – было действительно богатство.

– А куда же оно делось?

– Прогудел...

– Как так?

– Ребятки, вы сидите с одним из самых крутых в прошлом наркоманов.

И он рассказал нам свою историю.

В своё время он окончил библиотечный техникум и очень рано понял, что книги – это капитал. Он начал собирать библиотеку. А так как он очень рано и очень прилично стал зарабатывать – он был прирождённым концертным администратором, так это тогда называлось, а попросту – организатором концертов.

В 50-х годах, в начале Неглинной улицы (это здание не сохранилось) был офис Москонцерта, около которого все дни, как бы сейчас сказали, тусовались артисты всех мыслимых и немыслимых жанров. Здесь сколачивались бригады, которые потом ехали «на чёс» – на гастроли. Этот «чёс» им организовывал Павел Леонидов. Он тогда много не пил, и все почти лишние деньги тратил на книги. Заработки росли, а с ними росли и

02 / 2017

потребности хорошо выпить и закусить. Последнее как-то не особо требовалось, а вот первое – всё больше и больше. И всё труднее было приходиться в себя на следующий день после обильного возлияния.

И однажды, на этом известной всей Москве «пяточке» на Неглинной, к нему подошёл один из артистов и, видя, как Паше плохо с перепоя, завёл разговор о том, что зря он так себя мучает – напивается, а потом чуть не целый день не может в себя прийти. Есть способ «словить кайф» и не мучиться после этого...

Так Паша впервые попробовал наркотики, и вскоре на них «подсел».

Чем дальше в лес, как любил говорить Володя, тем ну его на хрен...

Денег, заработанных и немалых, стало не хватать. Тогда он начал продавать книги своей библиотеки. Остались только самые ценные – их он не хотел продавать ни за что, хотя семья иногда голодала. И когда он дошёл, как говорится, до ручки, он решил «завязать».

– А что значит – до ручки? – поинтересовались мы.

– А это значит, что моя доза стала – 40 ампул морфия в день!

– 40 ампул?.. Да какой же организм это вынесет! – вырвалось у Володи.

– Если организм здоровый – выдержит. А я всегда был здоров, как бык. Короче, я пришёл к врачам и сдался им на милость. Процедуры жуткие, не хочу даже вспоминать. Но с тех пор – всё, как отрезало. Только сигареты, даже кофе, вот вы пьёте, а я боюсь, да и не хочется. А библиотеку я потом почти восстановил, но не полностью, конечно. Не те времена, что раньше. Сейчас многие книги, что у меня были, уже не купишь.

А потом Паша стал писать тексты песен, так как общался он со многими певцами и музыкантами, и тоже достиг определённых успехов. В то время, о котором рассказываю, очень крутым шлягером была песня Юрия Саульского «Тополиный пух», текст которой написал Паша. Может, кто-то помнит слова припева: «Если ты одна любишь сразу двух, значит, это не любовь, а только кажется».

Когда после подписания Хельсенского соглашения поднялась волна еврейской иммиграции, одним из первых, хотя ему было уже под 60, уехал Павел Леонидов. У него было две Библии с репродукциями Дюре. Одну он подарил Ленинке, а другую ему разрешили вывезти.

Я бы никогда не вспомнил об истории про Пашу, если бы не та жуткая цифра в 40 ампул морфия, цифра, которая аукнется через двенадцать лет.

Мы пришли ко мне на Горького. Володя вдруг предложил:

– А что, если нам сходить попариться, тем более мне после больницы сам Бог велел.

– А тебе можно, после больницы?

– А то!

Он куда-то позвонил, быстро переговорил с кем-то, и сообщил, что мы идём в лучшую сауну столицы. Она располагалась в комплексе бассейна «Москва» (что был на месте взорванного храма Христа Спасителя, теперь восстановленного), и предназначалась только для избранных (в этой сауне нередко проводили по полдня две закадычные подруги – Екатерина Фурцева и Людмила Зыкина).

Мы позвонили Севочке Абдулову, пригласили присоединиться к нам, у него был Лёша Чардынин (известный кинооператор, снявший не так давно фильм «Журналист» режиссёра С.А. Герасимова), и мы вчетвером оказались в этой знаменитой сауне. Парилка в ней была и вправду отменная и была к нашему приходу нагрета до 110 градусов. Я по дороге купил пластмассовую мыльницу – ту, которая состоит из двух половинок, входящих одна в другую.

– А это ещё зачем? – поинтересовался Володя.

– А я одну половинку мыльницы дам тебе, а другую оставлю себе, и мы будем краями этих пластмассовых крышечек «соскабливать» пот с тела, освобождая таким способом поры для нового выделения пота. Этой премудрости меня научили борцы, сгонявшие в парилке набранный вес...

– Васёчек, да ты просто профессор в этом деле. Вот что значит прожить всю жизнь возле Сандуновских бань. Внутри, в предбаннике, сауна была обложена деревом и вся устелена коврами. На маленьком столике в углу стоял огромный самовар, на столе были разложены в вазочках конфеты, сушки всех сортов, даже с солью – для пива, которое мы с собой прихватили, загрузив его сразу в холодильник. Ещё в этом большом предбаннике была огромная ванна для гидромассажа. Но самое замечательное было то, что прямо из парилки здесь можно было нырять в бассейн.

Володя не скрывал своего удовольствия, что вот как у него и тут «всё схвачено».

Просидели мы в сауне почти до вечера, а потом отправились в ресторан «Узбекистан», что на моей памятной Неглинке. В общем, как говорится, расслабились по полной программе.

Чуть забегаю вперёд, скажу, что и одну из наших последних встреч мы провели с ним в сауне.

1 мая 1977 года мне надо было по делам захватить к сводной сестре моей жены, Елене

Силантьевой, чей муж работал в «Известиях». У этой газеты был свой Дом творчества в Красной Пахре, и вот туда мне пришлось ехать.

...На парковочной площадке дома творчества одиноко и гордо красовался Володин «Мерседес» болотного цвета. Припарковавшись с ним рядом, я подумал, какая же нескладная, какая-то кургузая моя «Волга» рядом с его элегантной машиной. Мне вдруг вспомнилось описание Гоголем мебели в доме Сабакевича, где стол, табурет, каждый стул словно кричал «и я Сабакевич»... Вот и моя машина словно кричала «я совок», «я самый настоящий совок»...

Выйдя из машины, я чуть ли не столкнулся с Володей. Обнялись.

– Васёчек! Ты как здесь?

– Да надо, по делу. А ты?

– Понимаешь, Марина приехала на три дня. А тут праздники. Куда деваться... И вот Надеин, читал, наверно, такого, пригласил сюда. Слушай, я сауну заказал. Говорят, здесь она отличная. Пойдём.

– С удовольствием. На минутку только зайду к Силантьевым.

И мы засели в сауне. Парились и не могли наговориться. Давно, с год не виделись. В основном говорил Володя и всё о своих проблемах – запретах на официальные концерты, о выбрасывании уже написанных и записанных песен из фильмов, о неутверждениях на ту или иную роль в картинах, куда его звали и хотели снимать режиссёры, но не позволяло этого руководство киностудий.

У меня было всё, вроде, неплохо. Я стал известным поэтом-песенником (ненавижу это словосочетание, но от него никуда не деться), в ходу у меня на то время было несколько хитов, что приносило приличные деньги. Печатали стихи, правда, очень редко, но меня это не очень огорчало тогда, ибо причина была почти не зависящая от меня: я просто писал такое, что в то время не печатали по идеологическим причинам. Писал «в стол», а это не вдохновляет, а даже совсем наоборот. К тому же надо было быть, как теперь сказали бы, в определённой «тусовке», входить в компанию тех, кто тусуется вокруг какого-нибудь журнала. А я сроду был волком-одиночкой, ни с кем особо не общался, что в свою очередь тоже затрудняло проблему с публикацией стихов.

Короче, я слушал Володю, и столько было в его словах горечи и обиды на происшедшее с ним, что мне как-то неловко стало за то, что у меня жизнь просто «малина» по сравнению с его проблемами, и казалось даже странным, что он до сих пор не запил. А он «держался на торпедах» – вшитых в верхнюю

часть ягодиц «спиралей», которые уберегали от желания выпить. На теле – он мне показал – это было что-то вроде тёмной родинки величиной со спичечную головку.

Особенно он переживал, что не вошла в фильм «Как царь Пётр арапа женил» его гениальная песня «Купола».

– Понимаешь, Васёчек, она должна была идти на титрах, и весь бы смысл картины был бы намного глубже, он был бы про державу, «что прокисла, опухла от сна», которую Пётр хоть и поднял на дыбы, да лошадь увязла по стремена в жирной да ржавой грязи... Ужасно обидно...

Просидели мы с ним в сауне часов пять. Когда пришли к Надеиным, Марина была вне себя от злости. Ещё бы, приехала на три дня, а муж сгинул куда-то чуть ли не на весь день. Мне было неловко, что я тому причиной, я тихонько, чтоб никто не слышал, извинился перед ней. В ответ она только улыбнулась своей очаровательной улыбкой.

А в то лето 68-го Володя вскоре уехал куда-то в Сибирь сниматься вместе с Валерой Золотухиным в фильме «Хозяин тайги».

Где-то в конце августа – звонок.

– Васёчек, привет! Как хорошо, что я тебя застал.

– Привет. А ты откуда?

– Я с Казанского вокзала. Только приехал. Ты будешь дома?

– Да.

– Тогда я еду к тебе.

Едва он вошёл, весь какой-то нетерпеливый, с гитарой за плечами, сел, закурил и сказал:

– Хочу тебе кое-что показать...

И я услышал:

Протопи ты мне баньку по-белому...

Он закончил петь, а я сидел и молчал. Потом попросил ещё раз.

– Васёчек, мне кажется, – наконец, заговорил я после короткой паузы, – что всё, бывшее до этой песни, – всё это была разминка. А настоящее – только начинается.

– Ты знаешь, Васёчек, и мне так кажется.

Вскоре приехала Марина (моя Света уже была в Москве), и у нас начались бесконечные посиделки то у меня, то у Феди Фивейского в мастерской, то ещё у кого-то. Володе хотелось показать Марине, какой у него замечательный круг друзей, людей творческих и потому интересных.

Но чаще всего Володя с Мариной были у меня. Марине очень понравилась моя мама, и они часто вдвоём в другой комнате подолгу о чём-то говорили. А когда мама на кухне начинала что-то нам готовить к столу, Марина непременно тут же говорила:

02 / 2017

– Надежда Петровна, я хочу вам помочь...

На что мама, конечно, говорила «не надо», но Марина всегда умела настоять на своём.

Володю моя мама очень любила, знала все его слабости, но никогда не осуждала, а принимала таким, каким он был. Правда, нередко подтрунивала над ним, прозвав «многостаночником». Ведь когда появилась Марина, у Володи ещё продолжались отношения с Татьяной, да и с Люсей он не собирался расходиться. Бывало, спросит его:

– Ну, что, многостаночник, как дела? Управляешься?

– Ой, Надежда Петровна, и не говорите... С трудом...

В доме на улице Горького у нас с мамой было две комнаты – большая, метров двадцать с лишним, и маленькая, метров десять. И были ещё очень милые соседи, занимавшие две остальные комнаты в квартире. И была очень большая кухня, куда Володя любил выходить покурить и побыть одному, подумать о чём-то о своём, или поболтать с мамой, когда она что-то нам готовила.

В один из дней, когда он с Мариной был у меня, когда ко мне только что приехала Света, я, выходя из маленькой комнаты (она была рядом с кухней), услышал обрывок Володиной фразы (он о чём-то говорил с моей мамой на кухне):

– Я знаю, Надежда Петровна, что вам очень понравилась Света, она и красива, и умна, и вообще всё при ней, но Васёчек, думаю, на ней не женится...

– Почему ты так думаешь? – спросила мама.

– Не знаю. Мне так кажется.

А ведь как в воду глядел.

Когда он пришёл ко мне впервые с Татьяной, я потом спросил маму, как ей новая пассия Володи.

– Красивая, – сказала мама. – Но, по-моему, стерва...

Это суждение оказалось со временем на удивление точным.

...Я наслаждался своим большим отпуском, почти ежедневными посиделками в дружеских компаниях и чудесным ничегонедельным, вполне, к слову сказать, заслуженному.

Однажды я позвонил своей сестре и говорю, что вот Володя с Мариной у меня и что мы не знаем, куда бы пойти, и нет ли у неё каких-нибудь соображений на сей счёт. А она и говорит, что их Костя Страментов с Лилей Костаки пригласил к своей сестре, Маше, и, наверняка, Маша не будет против, если ты со Светой и Володя с Мариной присоединитесь к нам.

Костю Страментова я знал, ещё учась в МИСИ, его отец был деканом одного из факультетов нашего института. Правда, сам

Костя учился в архитектурном, но у него была приятельница Лена Скот, которая училась в моём институте, а её сестра, Маджи, училась вместе с моей сестрой в хореографическом училище, а теперь они обе работали в Большом театре. Я часто бывал у Лены в гостях и там познакомился с Костей. Я знал, что у Кости есть сестра – необыкновенная красавица, так все о ней говорили. Но я её ни разу не видел.

И вот мы все шумной компанией заваливаемся в гости к этой самой Маше.

Я как только её увидел, сразу загрустил: почему я не один сегодня, а со Светой...

Вечер получился чудесный. Костя принёс много выпивки и закуски из «Берёзки» (он был женат на дочери ныне знаменитого лекционера Костаки, в то время всего лишь администратора посольства Канады в Москве, поэтому чеки, на которые продовались продукты в «Берёжке», у него всегда были), Федя Фивейский остроумнейшим образом комментировал разлив заморских напитков и закуски к ним, Володя иногда брал гитару и «для общего ливера» пел что-то смешное – в общем, было очень весело и мило.

Комната была небольшая, но уютная, и когда в ней стало чуть душновато, Маша встала, чтоб открыть дверь балкона. Кто-то сидящий у этой двери ей мешал, и она потянулась через спину сидящего, чтоб повернуть ручку балконной двери. При этом движении Машино мини платье чуть задралось и приоткрыло почти полностью её ноги. Я обомлел. Никогда в жизни я не видел более стройных и красивых женских ног. Это меня «добило» окончательно. Я уже не говорю о её лице, напоминающем чем-то Одри Хепбёрн в «Римских каникулах», только в варианте более аристократичном и более пикантном.

Через неделю Светлане надо было возвращаться в Магадан (у неё отпуск был короче моего). А ещё через несколько дней я позвонил Маше и пригласил пообедать. Она согласилась.

Так начался наш роман.

И уже мы, как любил говорить Володя, «гуляли по буфету» вчетвером – он с Мариной, я с Машей.

Однажды днём, я был дома у себя на Горького, позвонила Марина и сказала, что они с Володей скоро будут у меня.

Когда я им открыл дверь, то по лицу Марины понял, что что-то произошло.

– Марина, что с тобой?

– Со мной – ничего. А ты посмотри на своего друга...

Володя был, что называется, «в пополаме».

– Ну, ничего, сейчас он немного поспит и придёт в себя.

– Гарик, какое поспит! Сейчас уже 4, а у него вечером «Гамлет»!..

– Что же делать, Марин, я не знаю.

– Я тебя прошу, Гарик. Поезжай в театр, скажи Любимову всё как есть, что Володя не может сегодня играть, пусть заменяют спектакль, – сказала Марина.

Я поехал. Попросил, чтобы меня проводили к Юрию Петровичу, и очень коротко объяснил, что случилось.

– Передайте вашему другу, что я сегодня же издаю приказ о его увольнении из театра. Всё. До свиданья.

Всё это было сказано жёстко, спокойно, даже, мне показалось, с какой-то расстановкой слов, чтобы, видимо, было понятно, что это всерьёз, а не просто очередная угроза.

Я вернулся домой. Володя вроде бы вполне оклемался, даже порозовел.

– Васёчек, Марина сказала, что ты в театр ездил, и что...

– Юрий Петрович сказал, что сегодня же издаёт приказ о твоём увольнении.

– А-а-а, – почти зарычал Володя.

Он резко поднялся, подошёл к столу, налил полстакана водки и выпил залпом. И вскоре опять отключился.

Мы с Мариной вышли на кухню. Марина молчала и молча плакала. Моя мама стала её утешал, гладя по голове, как ребёнка.

– Надежда Петровна, – сквозь слёзы еле слышно говорила Марина. – Он же себя погубит. Я просто в отчаяньи, не знаю, что делать.

Марину моя мама сразу, как говорится, приняла. Помимо того, что она была просто само очарование, она была такой естественной, никакой «звёздности» в ней не наблюдалось, и в то же время аристократизм чувствовался во всём – в манере себя держать, в сдержанности суждений, в стиле одежды. И ещё – в ней угадывалась очень чуткая и широкая душа.

Когда Володя был в нормальном состоянии, он, казалась, светится весь от счастья, что с ним рядом такая женщина. А она, действительно, словно создавала вокруг удивительное умиротворение и радость. И моя мама почувствовала в Марине это редкое, истинно женское качество.

Вскоре она уехала, взяв с Володи слово, что он ляжет в больницу.

Его поместят в очень хорошую клинику, в отдельную палату со всеми комфортабельными удобствами. Я с Машей буду его навещать, и в одно из посещений он нам прочитает удивительную повесть про дельфинов – такой фантастический ход, будто не мы наблюдаем и изучаем дельфинов, а они нас.

Выпишется из больницы он где-то в начале декабря, начнёт играть все свои роли, в общем, всё наладится.

Новый, 1969-й год мы будем встречать в мастерской у скульптора Фёдора Фивейского, прославившегося своей работой «Сильнее смерти», получившей на всемирной выставке в Брюсселе золотую медаль (уже давно этот памятник стоит в Русском музее в Петербурге) – очень остроумного, весёлого балагура, бывшего в своё время одним из авторов и участников знаменитых «капустников» в Доме художников на Беговой улице. К годовому вечеру он тоже напишет небольшой «капустник», в центре которого будет любовь Володи и Марины.

31-го декабря у Володи был какой-то вечерний спектакль, который кончился поздно, поэтому встретить Марину в Шереметьеве он попросил Севу Абдулова. И вот уже половина двенадцатого, а их всё нет. Володя места себе не находил. Я как мог его успокаивал, а он всё причитал, что вот, мол, первый Новый год вместе, и такой облом...

Наконец, без десяти двенадцать в дверях мастерской показываются Марина и Севочка. Было впечатление, что никого вокруг них не существует – они застыли в нескончаемом поцелуе и только покачивались в объятьях. И лишь с первым ударом курантов они оторвались друг от друга и взяли свои бокалы.

Очень интересной получилась сценка, когда Федя в роли докладчика от общества по распространению политических и научных знаний рассказывает, как он собирается лепить фигуру популярного артиста Владимира Высоцкого, как для этого он изучает его внешность (на подрамнике был помещён большой лист ватмана, а на этом листе – условный рисунок фигуры Володи по торсу) – какая у него мощная, мужская шея, какая накаченная мускулатура предплечья, какая мощная грудная клетка, в которой бьётся очень учащённо его ранимое сердце (сердце было нарисовано в утрированно увеличенном размере), а бьётся оно так потому, что – здесь Федя разрывал ватманский лист в том месте, где было нарисовано сердце, и все видели большой портрет Марины во всю обложку журнала «Тайм»...

Эффект был обалденный. Марина была тронута до слёз.

В общем, получилась одна из самых запоминающихся встреч Нового года.

Через пару недель я вернулся в Магадан, и вскоре вышла моя первая книжка стихов, выпущенная местным книжным издательством – «Звуковой барьер», таково было её

02 / 2017

название. Я был безумно счастлив. И тут же отправил по экземпляру маме, Володе и Эдику Филатьеву, моему приятелю, о котором упоминал выше, он сделал обо мне передачу по телевизору, и я стал получать письма со всего Советского Союза. Писали в основном девицы, восхищённые моим крутым поворотом в судьбе. Очень занятные были письма, в некоторых даже были предложения руки и сердца.

А вскоре я получил письмо и от Нины Максимовны, мамы Володи. Вот это письмо.

Москва 2 апреля 1969 г.

Дорогой Гарик!

Сегодня день твоего рождения, я это помню и сердечно поздравляю тебя. Желаю тебе крепкого здоровья, много радостей и успеха во всех твоих делах и затеях.

Пишу тебе под впечатлением телевизионной передачи о тебе. Она состоялась вчера 1-го апреля, в эфире был журнал «Молодость».

Я не могу тебе назвать фамилию ведущего, но он назвался твоим другом. (Передачу вёл Эдик Филатьев. – И.К.) Передача была построена очень красиво, рассказывали о твоём творческом пути:

– И вот Игорь объявляет готовность лететь в Магадан, – говорит ведущий. На экране показывается аэропорт, люди спешат на самолёт, звучат слова из твоей «Колымы».

Мелькают улицы Москвы, автобусы, стоишь и улыбаешься ты, что-то говоришь... Читают строки из «Садового кольца», звучат слова из «Бабьего лета», голос К.Шульженко задушевно поёт:

Только вот тревожно маме,
Что меня ночами нету,
Что опять меня обманет
Бабье лето,
Бабье лето.

Всё это сливается с общим фоном улиц, парков, домов... Рассказывается о твоей работе в Магадане, о твоём приезде в Москву летом минувшего года. Показывалась несколько раз твоя книжка «Звуковой барьер», крупным планом. Показывали твою фотографию на книжке и всё время слышались прекрасные слова о тебе: «Сейчас Игорь снова в Магадане, Игорь поэт, журналист. И кто знает может быть через год на 6-м Всесоюзном совещании молодых писателей советскую поэзию будет представлять молодой поэт Игорь Кохановский».

Как это приятно звучало, я тут же позвонила твоей маме, её не было и позвонила она мне в 12 часов ночи, я ей всё рассказала,

только, к сожалению, я уловила не всё, так как два раза скакала к телефону, но общее впечатление прекрасное. Волнующие слова ведущего, строки из многих твоих стихов, голос К.Шульженко трогательный и мягкий, а на экране ты.

Очень радуюсь за тебя и поздравляю с успехом. И за маму твою я рада, ваш успех – наше счастье.

А вот я глубоко несчастна сейчас. Очень плохи дела с твоим другом Васёчком. За время твоего отсутствия и после того раза он уже дважды побывал в больнице, но ни один раз не довёл дело до конца и конечно быстро срывался. Теперь он уже не бродит, а обессиленный лежит дома, бывает, что теряет речь, молчит по целым суткам... Это страшно. Мучается. Порой задыхается, кричит от боли, но остановиться не может...

Здесь долго была Марина, он был с ней в порядке, но заводится после каждого её отъезда. В пятницу 28-го марта после пятидневного мучения мы его водворили в больницу, а вчера 1-го апреля он уже оттуда выше с большим скандалом. Врачи отказываются его понимать и говорят, что из него ничего не получится.

Да, милый Гарик, он по-видимому погибнет окончательно. Лечиться не хочет. Кругом скандалы и катастрофа, в театре полный крах, с концертами тоже. Фильм, снимающийся в Одессе, из-за него горит, здесь сейчас режиссёр из Одессы, все переживают, мечутся, а с него, как с гуся вода. Он вчера, после больницы зашёл домой и помчался на встречу к Марине. Обещал лечь в нервную (простую) больницу, но это всё бред, он ничего не хочет, никак и ни за что не несёт ответственности, ничего его не пугает, совесть потеряна, ни перед кем нет долга, даже передо мной. Друзей около него не осталось. Только держится Боря (художник) и Тамара, Нелли Евдокимова и Татьяна. Больше никого, да, правда, ещё Павел, который пытается его спасти, жалеет меня и помогает. Я уже измоталась до предела, много плачу, не сплю, чувствую свою беспомощность и вижу неминуемую гибель сына, страдаю от того, что не могу ему помочь и спасти.

Ему теперь бывает так плохо, что вызываем даже «скорую» спасательную группу. У него отказывает сердце, давление было 60/0. Я думаю, что будет ещё хуже. Иногда он кричит на крик, мечется, иногда мы обнявшись рыдаем, но меня на долго не хватает... Дом наш превратился в проходной двор. Однажды его привезли бесчувственного посторонние неизвестные мужики, ночью и остались здесь ночевать. Я ухожу в 6.30 утра, закрываю

дверь, он один... Потом кто-то заходит, помогает, но все уже устали и осталась я одна, а я уже не владею собой. Я бы могла много тебе написать, но ты так далеко и не сможешь помочь нам...

Я очень боюсь, что вдруг Володя куда-нибудь сорвётся, там будет с ним плохо, люди не будут знать, что делать, и он умрёт. Дома у меня наготове кислородная подушка, Боря с машиной, телефон, и то бывает, что я кричу от отчаяния и безнадёжности. Срыв картины угрожает тюрьмой, простой по его вине целого коллектива, срыв плана и выпуска картины к юбилею Ленина.

Вот, дорогой дружок, как всё плохо. Отвечь мне, только напиши на чужой адрес, к моим знакомым: Москва, Ленинградский проспект, д.1, кв.18.

Конечно, я ответил, как мог утешил. Представил всю описанную ситуацию, и мне стало жутко обидно за него, за его талант, за его начавшуюся ломаться жизнь. И молил Бога, чтоб Володя дотянул как-то до моего возвращения. А там я брошу все свои дела и займусь только его делами, его здоровьем.

Программа максимум моей магаданской авантюры была выполнена. Но я хотел подзаработать денег, чтобы, вернувшись в Москву, «по спокухе» оглядеться, да и мои отношения с Машей были нацелены на женитьбу, а она была замужем, и у неё была кроха-дочурка шести лет... Короче, мне на первое время по возвращению в Москву нужна была относительная финансовая независимость.

И я устроился в старательскую артель – мыть золото. О чём не замедлил написать Володе, и тот тут же откликнулся на это событие песней.

Друг в порядке – он, словом, при деле, – завязал он с газетной тесьмой: друг мой золото моет в артели, – получил я недавно письмо.

Пишет он, что работа – не слишком... Словно лозунги клеит на дом: «Государство будет с золотишком, а старатель будет с трудоднём!»

Говорит: «Не хочу отпираться, что поехал сюда за рублём...»
Говорит: «Если чуть постараться, то вернуться могу королём!»

Написал, что становится злее.
«Друг, – он пишет, – запомни одно: золотишко всегда тяжелее и всегда оседает на дно.

Тонет золото – хоть с топорщиком.
Что ж ты скис, захандрил и поник?
Не бойсь: если тонешь, дружище,
значит, есть и в тебе золотник!»

Пишет он второпях, без запинки:
«Если грязь и песок над тобой –
знай: то жизнь золотые песчинки
отмывает живящей водой...»

Он ругает меня: «Что ж не пишешь?!
Знаю – тонешь, и знаю, – хандра, –
всё же золото – золото, слышишь! –
люди бережно снимут с ковра...»

Друг стоит на насосе и метко
отбивает от золота муть.
...Я письмо проглотил, как таблетку,
и теперь не боюсь утонуть!

Становлюсь я упрямей, прямее, –
пусть бежит по колоде вода...
У старателей – всё лотерея,
но старатели будут всегда!

Но это я услышу по возвращению в Москву. А тогда, после письма Нины Максимовны и моего ответа ей, через три недели я получил ещё одно письмо от неё. Она писала:

Сочи, 25.04.69

Я здесь второй день отдыхаю.

Дорогой Гарик!

Твоё письмо мне прочитала моя приятельница по телефону. Конечно, ты волнуешься потому, что настоящий друг. Дела у нас такие. 1-го апреля приехала Марина. Он был с ней 2 недели. Всё было в абсолютном порядке. Она уехала 16-го и в тот же день добровольно, сам Володя лёг в больницу, но в простую городскую в нервное отделение, положил его один известный невропатолог. Я у него была в воскресенье 20-го апреля. У него прекрасные условия, он один в палате, принимает все назначения врачей, он послушный и, как он говорит мне последнее время, решил избавиться раз и навсегда от этого недуга, не знаю, справится ли он с собой. Выглядит он хорошо, отрастил рыжие усы, вид здоровый. Говорят врачи, что у него в катастрофическом состоянии нервная система, а остальное всё нормально.

8-го мая в Доме кино премьера Маринино-го фильма. Она наверное приедет. Володя должен к этому времени выйти, но может быть и раньше, только я слышала, что на май его не отпустят.

Я немного успокоилась и месяц отдыхала от этого дела, зная что он в хорошем состоянии.

02 / 2017

Ты спрашиваешь насчёт спиральки. Дело в том, что ещё никто не знает, как и сколько она будет действовать, это ещё не полностью испытано, но Володя говорит, что на верное сделает, если на этот раз не сможет держаться.

Отец на всё это дело смотрит весьма странно и подчас говорит даже глупости, звонит только ради любопытства. Его пугает связь Володи с Мариной, на этот счёт они «закипают» оба и кроют его и её на все лопатки. Я в этом не вижу ничего дурного, но только всё это не реально и мучительно для них обоих (имею в виду Володю и Марину). Для меня важно одно! Когда он с ней – он великолепен: весёлый, трезвый, добрый, деловой. Сейчас в больнице он много пишет песен и ещё чего-то.

Мне звонила твоя мама, но Володи дома уже не было. Ей перед отъездом позвонить не успела.

Детишки наши здоровы. Люся потолстела. У них дом, как заезжий двор. Жизнь она и Лена ведут богемную, ну это их дело. Ну всё, Гарик. Желаю тебе здоровья и успеха в твоей тайге.

Н.Высоцкая

Это письмо я получил в старательской артели, Нина Максимовна знала, что я на Чукотке мою золото, просто перепугала тундру с тайгой...

А вскоре мне пришла весточка и от Володи, притом на адрес старательской артели – он узнал его, видимо, от своей матушки. Вот что он писал:

Ну, а мне плевать,
Я здесь добывать
Буду золото для страны!

Васёчек! Обиды! Ну их на фиг! Не писал я тебе долго – это правда. Но... ведь и ты мне, если разобраться – одно ругательное письмо и две телеграммы – извинительную и поздравительную.

Не писали – значит не писалось, а вот сейчас пишется. Я, Васёчек, всё это время шибко безобразничал в алкогольном то-есть смысле. Были минуты отдыха и отдохновения, но минуты редкие, заполненные любовными моими делами. Приезжала Марина – тогда эти минуты и наступали. Были больницы, скандалы, драки, выговоры, приказы об увольнении, снова больницы, потом снова больницы, но уже чисто нервные больницы, т.е. лечил нервы в нормальной клинике, в отдельной палате. Позволял терзать своё тело электричеством и массажами и душу латал и в мозгах восстанавливал ясность и сейчас

картина такая: в Одессе всё в порядке, в театре вроде тоже – завтра выяснится, и завтра же приезжает Марина. Я один, мать отдыхает, я жду. С песнями моими всё по-прежнему. Употребляют мою фамилию в различных контекстах и нет забвения ругани и нет просвета, но я... не жалею. Я жду.

Пытался я, Гарик, чтобы ты приехал, но... – приедешь – расскажу подробнее. Это было невозможно. По-моему, кто-то из твоих магаданских коллег постарался – мол, без тебя некому работать. А может ещё что. Но сейчас ты уехал множить золотой наш запас и поправлять финансовые свои дела. И сказал ему отец – ты, Васёчек, молодец.

Зое я всё время твержу, но у них какие-то свои дела, и я их редко вижу, а потом месяц я шастал по медицинским учреждениям и потерял контакты. Увижу их на днях и опять капну. Гарик! Ты хватить ездить – полежал на дне и будя. Вот! Приедешь – будем трудоустраивать. Давно не разговаривал с Машей, опять по причине медицинской, не знаю даже – как у вас дела. Если Будешь звонить – попроси пусть она позвонит мне.

Назревают у меня всякие кинодела, но это пока прожекты, и ещё надо кончить одесскую эпопею. Разберёмся. Дел я наделал, Васёчек, – подумать страшно, но... вероятно всё будет нормально. Я тебе напишу ещё поподробнее, а сейчас бегу за цветами. Вот!

Целую тебя, Васёчек! Пиши!

P.S. А в больнице меня привязывали шнурами, как буйного. Это очень печально.

Прочитав это письмо, я представил всю описанную Володей картину очень живо, ибо видел его не раз в окончательном раздрыге, агрессивного, ничего не соображающего, и подумал, каково же было тем, кто был в эти минуты с ним рядом. Но тон письма меня немного успокоил, было впечатление, что он осознаёт, куда приведёт эта его слабость, если он окончательно не «завяжет».

Вернулся я в Москву уже окончательно накануне 30-го сентября, аккуратно к маминим именинам. В Сухуми было ещё жарко, и мы с Машей решили поехать хоть на недельку (на больше дочурку оставить с сестрой бывшей свекрови она не решалась) поплавать в море, позагорать.

Когда Володя узнал о моих планах, то тут же вызвался поехать со мной, тем более, что он с Мариной этим летом плавал на теплоходе «Грузия», они заходили в Сухуми, стояли там несколько дней, и капитан теплохода, считавший Володю и Марину своими гостями, познакомил моего друга с какими-то важными местными людьми. Короче, говорил мне Володя, у него там всё «схвачено» и примут там

нас по высшему классу. Он со мной поедет на два-три дня, всё мне там устроит и вернётся в Москву, и проводит ко мне Машу.

Я было обрадовался – как всё замечательно устраивается. Но ... Володя неожиданно «загудел», т.е. запил. Правда, не до полной «отвязки», но всё равно, и в таком состоянии на него надеяться было бы опрометчиво. А я очень устал в этой своей старательской эпопее, когда спать приходилось не больше 4-х часов в сутки. А тут ещё мне не хватало в Сухуми непросяхающего Володи. Нет уж, дудки...

А Володя исчез на несколько дней, и это было очень кстати.

Я купил билет, и собрав минимум вещей, поехал во Внуково.

Объявили посадку на мой рельс.

Я уже стоял у трапа самолёта, как вдруг кто-то меня похлопал по плечу и произнёс: «Васёчек»... Это был Володя.

Я был абсолютно не рад его появлению.

– Откуда ты узнал о моём рейсе?

– А я заехал к тебе, а Надежда Петровна говорит, что ты вот только что уехал во Внуково.

– Васёчек, давай всё начистоту. Ты «загудел», значит, не остановишься. И мне с тобой там колобродить совсем не хочется. Я, правда, очень устал в старателях, и хочу отдохнуть с Машей вдвоём, а не выгаскивать тебя из пьяных компаний.

– Гарик, клянусь, ничего подобного себе не позволю. Я просто хочу тебе там всё устроить по супер классу, чтоб ты действительно отлично бы отдохнул. Тем более вдвоём с Машей, – очень серьёзным тоном убеждал меня Володя.

– Хорошо, но дай слово, что если ты «загудишь», я тебя сажаю на самолёт и ты не сопротивляешься, – это я уже ставил условия согласия на его полёт со мной.

– Членусь, да, – сказал он с грузинским акцентом.

Действительно, в Сухуми нас встречали какие-то люди на чёрной «Волге», которую подогнали к самому трапу самолёта. Все они Володю знали, он меня со всеми познакомил и мы напрямик поехали в какой-то горный ресторан отмечать приезд «дорогого гостя».

Всё было замечательно, Володя пил в меру. Где-то в одиннадцатом часу мы заговорили о том, что ведь нам надо куда-то пристроиться с ночлегом. Грузины сказали, что они обо всём позаботились и нас ждёт чудесный домик на самом берегу моря.

Примерно к часу ночи нас отвезли в этот домик, познакомили с хозяевами и, наконец, оставили нас вдвоём.

– Ну, что? – спросил Володя.

– Всё хорошо, но я, честно, от них очень устал.

– Да это только первый вечер, потом мы скажем, что хотим просто купаться и загорать, без всяких застолий.

– Ну, ладно. Утро вечера мудренее...

– Но и в вечере что-то есть, – не преминул Володя вставить свою любимую добавку.

Домик у моря был, действительно, хорош, весь утопал в зелени, а волны плескались метрах в тридцати от порога.

Проснулись мы почти одновременно. Кровати стояли так, что нам виден был двор дома, возле которого бесшумно мелькали какие-то женские фигуры, словно ходили на цыпочках. Володя тоже это заметил.

– Это они чтобы не беспокоить почётных гостей, – с улыбкой прокомментировал он увиденное.

Мы одели плавки и пошли к морю. Оно было зеркальным и почти не колыхалось, отражая восходящее солнце. Мы нырнули и поплыли. Сделав несколько гребков, я вдруг обратил внимание, что в чистой воде плавают какие-то белые частицы, как будто кто-то рассыпал по морю манную крупу.

Когда мы вышли на берег, эти крупинки противно покрывали всё тело и, казалось, их довольно не просто стряхнуть.

Поздоровавшись с хозяевами, мы спросили, что это в море, а теперь и на нас.

– А это мясокомбинат свои отходы в море спускает и вот этот жир плавает, – был ответ.

Я сказал Володе, что не хочу плавать в таком море и чтоб нас поселили куда-то в другое место. Он сказал «будет сделана», сам испытывая некую неловкость за своих новоявленных приятелей.

В саду был накрыт стол, в запотевших бутылках была чача, и мы слегка похмелились, перекусили всякой вкусной всячиной, и тут за нами приехали наши вчерашние собутыльники. Володя сказал им, что дом прекрасный, но что жить в нём мы не хотим, и объяснил почему. Нас заверили, что сегодня же мы будем в другом доме, а сейчас мы поедem в какой-то удивительный горный ресторан, необыкновенной красоты и кухни.

Подъехали. Машину оставили на стоянке, а к самому ресторану вела широкая тропинка и по ней надо было дойти до ресторанного домика ещё метров двести. Мы шли с Володи и с нами рядом ещё двое новоявленных знакомых, а впереди нас ещё трое грузин. Один из них был в рубашке с короткими рукавами, рядом с ним идущие были в пиджаках. На Володе была обалденная куртка из лайки светло-бежевого цвета, очень модная и, вероятно, очень дорогая – подарок

02 / 2017

Марины. Вдруг Володя снимает с себя эту куртку, подходит к тому, шедшему впереди нас, что был в рубашке (а высоко в горах было достаточно свежо), и одевает на него свою куртку со словами:

– Бери, Гоги, дарю!

– Вах, что ты, генацвале! Как могу я принять от тебя такой подарок!

– От подарков не отказываются. Так ведь у вас принято?

– Да, но от такого... Нет, Володя, не надо. Не могу я взять от тебя...

– Да, что ты, Гоги, у тебя нет, а у меня ещё будет...

И тут же, чтоб разрядить неловкость Гоги и его друзей стал рассказывать одну из любимых своих баек за Костика Капитанаки (была у Володи такая серия смешных историй про циркового акробата, которую он всё время дополнял новыми, смешными и невероятными событиями).

Расселись за столом, и пошло... Тосты на пять минут, рассказы о каких-то якобы известных людях, что они совершили замечательного, и истории их современников, и их предков, и бесконечные угощения местного «разлива». Потом из этого ресторана поехали в другой. И там всё по тому же кругу. Володя незаметно стал пьянеть, хотя пьжился, говорил ответные тосты, мне тоже пришлось что-то говорить, правда, я старался это делать как можно реже. И когда кто-то спросил Володю, что, может, мне что-то не нравится – что-то я невесёлый какой, Володя возьми да скажи, что я только приехал из старательской артели, мыл золото и очень устал. Ко мне тут же, чуть ли не по очереди, стали подходить и предлагать хорошие, как они говорили, деньги, и спрашивали, сколько у меня есть золота...

Конечно, может, это не хорошо говорить, но они все как будто и в самом деле только спустились с гор. Наконец, я попросил Володю объяснить им доходчиво, что нет у меня никакого золота.

– Вах, – сказал один из них, – мыл и себе ничего не намыл – так не бывает...

Слава Богу, разговор о золоте на этом окончился, и я сказал Володе, что хорошо бы нам всё же определиться с жильём. Но его уже развезло.

– Ладно, Васёчек, что-нибудь они придумают.

– Володя, я не хочу отдыхать за грузинскими застольями. Я сюда ехал не за этим, – сказал я ему довольно сердито.

– Сегодня это будет последний раз, Васёчек, обещаю, а то они обидятся.

Я понял, что бесполезно его в чём-то убеждать, он уже не очень хорошо соображал.

Наконец, мы сели по машинам и поехали в город. Отвезли нас в какую-то квартиру, весьма богатую, но далеко от моря, где-то в самом городе. Володя уже сломался, я сказал грузинам, что ему уже хватит, и они нас оставили в этом доме.

На следующее утро, смотрю, что-то с моим другом не то... Хмурый, неразговорчивый, чего с ним никогда не бывало. А наше негласное правило – не расспрашивать ни о чём друг друга в какие-то неприятные моменты. И я молчал. Сидим завтракаем. Вдруг его как прорвало:

– Васёчек, какой же я мудака!..

– Ты про куртку?

– Ну да...

– Полный мудака. Как можно подарок любимой женщины дарить какому-то случайно знакомому человеку, с которым, может, больше не увидишься... И вообще, Васёчек, я жутко не люблю эти твои выдрючиванья...

– Какие выдрючиванья?

– А такие, когда ты хочешь казаться намного лучше, чем есть на самом деле. Ну что ты хотел вчера своим широким жестом показать? Смотрите, мол, какой я щедрый, какой широкой души... Да все и так знают, что ты добр и отзывчив. Нет, тебе ради красного словца – красивого жеста надо лишний раз показать – вот какой ты...

– Ну, ладно, Васёчек... Скажи лучше, сможешь сегодня поговорить как-то с Гиви, ну, чтоб он вернул куртку...

– Конечно поговорю, об что речь...

Вечером за нами заехали, и мы всё той же компанией отправились в очередной ресторан. Там нас уже ждали за большим и обильным столом ещё несколько приятелей наших вчерашних собутыльников.

И всё пошло-поехало по-новой...

Улучив момент, я подсел к Гоги, стал расспрашивать, что это за ресторан, кто хозяин, ну и о ещё какой-то ерунде. Потом говорю:

– Да, этот ресторан мне даже больше нравится, чем вчерашний...

– Да, – согласился Гоги, – Марина тоже так сказала.

– А она здесь была?

– Да, они с Володей здесь ужинали.

– Марина... Очаровательная женщина! Такую обидеть – рука не поднимется.

– Вах, зачем обидеть! Такую женщину на руках носит надо.

– А ты знаешь, Гоги, она очень обидится, когда узнает, что Володя подарил тебе её подарок.

– Вах, я не хотел брать, ты же видел, я говорил – не надо...

– Может, мы исправим дело и вернём Володе куртку?

– Конечно, генацвале, – говоря это, Гоги снимал её с себя, – сейчас отдам Володе...

– Нет, давай сделаем так. Ты отдай её мне, а я пойду и отдам Володе. А то он опять начнёт тебя уговаривать, а то и уговорит...

– Хорошо, – согласился Гоги.

Володя сидел в другом конце большого стола и как всегда веселил чем-то внимающих ему грузин. Я незаметно подошёл к нему сзади и накинул куртку ему на плечи. Он всё понял, но никак не прореагировал и продолжал веселить публику, как будто ничего не произошло.

Когда мы вернулись в дом, где должны были переночевать, и остались, наконец, одни, Володя радовался, как ребёнок, которому вернули любимую игрушку.

– Васёчек, вечно ты вытаскиваешь меня из всякого говна...

– А ты так и норовишь в него вляпаться...

На следующий день я позвонил Маше, спросил, когда она может прилететь. Она сказала – через пару дней. Я вздохнул с облегчением – пару дней я ещё выдержу эту обжираловку и пьянку, но должен найти дом, где мы с Машей будем жить, так как предложенные Володиными знакомыми варианты меня не устраивают.

Ещё один обед по сценарию предыдущих закончился тем, что Володя очень быстро «сломался», и когда он немного очухался, я строго сказал:

– Володя, всё. Едем, я тебя сажаю в самолёт – возвращайся в Москву.

Он, как провинившийся, школяр пробормотал «хорошо, хорошо», и мы поехали в аэропорт. Его, конечно, там узнали, помогли подняться по трапу, а я с облегчением вздохнул.

На следующий день я нашёл хороший дом, благо сезон подходил к концу. Вечером прилетела Маша, и мы провели чудесную неделю вдвоём.

А вскоре мне пришлось уже браться за устройство своих дел в Москве. Володя, как и обещал, вызвался мне помочь. На наших, как он их называл, «модных поэтов» особой надежды не было, и Володя решил обратиться за помощью в моём трудоустройстве к Давиду (или, как все его называли – к Дезику) Самойлову. Позвонил, Дезик сказал «приезжайте». Жил он под Москвой, если не ошибаюсь, в Загорянке.

Приехали. У Дезика в тот день в гостях был ещё и Рафик Клейнер, бывший артист Таганки, но ушедший в филармонию, где сделал себе несколько поэтических программ и концертировал с ними по стране. В этот день, до нашего с Володей приезда, они что-то с Самойловым обсуждали –

готовили новую программу по стихам Дезика.

Познакомились. Поговорили. Немного выпили. Почитали стихи (я впервые читал своё перед таким поэтом – мэтром). Он поделился со мной подстрочниками какого-то бурятского поэта, которого надо перевести. Это не большие, но всё же деньги. Я сказал, что попробую.

А вскоре началось то Всесоюзное совещание молодых литераторов, о котором упоминалось выше. Я был на него приглашён. Попал в семинар, которым руководил Михаил Луконин совместно со Станиславом Куняевым и критиком Владиславом Лавлинским. По итогам этого семинара меня и Колю Зиновьева рекомендовали в Союз писателей. Но нужна была ещё одна рекомендация.

Я позвонил Самойлову. Дезик извинился, но сказал, что ему неловко это делать, так как он уже троим участникам этого семинара дал рекомендации, и давать ещё одну – это будет уже перебор, и сказал, что позвонит Юре Левитанскому, может, тот согласится. Он перезвонил мне буквально через пару минут и сказал, что Левитанский не против, и дал мне его телефон.

Я позвонил. Мне было предложено положить мой сборник в почтовый ящик квартиры номер такой-то в писательском доме, что у метро Аэропорт. Что я и сделал на следующий день, правда, без особого энтузиазма. Грешным делом подумалось, когда он ещё прочтёт, да и захочет ли. Но я был приятно удивлён и обрадован, когда буквально через пару дней раздался звонок и Юрий Давыдович сообщил мне, что книжонку мою он прочёл, стихи ему понравились и он с удовольствием даст мне рекомендацию для вступления, как он выразился, в «нашу компанию». Это было в конце 1970 года. А в марте следующего года я стал членом Союза писателей.

Володя к этому времени развёлся с Люсей и женился на Марине. (Люся, когда узнала о его романе, забрала детей и ушла от него.) А в мае этого же года я женился на Маше.

Видеться с Володей мы стали редко – семья, безусловно, накладывает отпечаток на образ жизни. К тому же мне как-то вдруг наскучили эти бесконечные посиделки с гитарой и песнями. Я, как пел Володя, «даже от песен стал уставать»... А в сентябре того же года я поступил на Высшие литературные курсы, и времени на прежнее общение вовсе не осталось. Тем более я стал писать тексты песен для эстрадных певцов, и это тоже прибавило хлопот.

Вышло это абсолютно случайно. До отъезда в Магадан я подружился с Наумом Олевым. Он тоже писал стихи, на этой почве мы и

02 / 2017

подружились. За те три года, что меня не было в Москве, он стал довольно известным поэтом-песенником. Когда мы с ним встретились после моего возвращения из колымской поездки, он спросил, не написал ли я чего-нибудь новенького из песен – больно уж хороши, как он считал, были мои первые опыты в этом весёлом деле. Он знал о моих четырёх песнях, в которых я был автором и стихов, и мелодий. Я сказал, что как-то охладел к этому жанру.

– Зря, – сказал Нолюша (так мы его ласково называли), – я сейчас работаю со всеми ведущими композиторами. Давай, напиши что-нибудь – познакомлю, с каким скажешь.

Я ответил что-то невразумительное, мол, подумаю. И забыл об этом разговоре. И вдруг случились стихи, которые, как мне показалось, могли бы стать песней. Я позвонил Нолюше, прочитал по телефону, он сказал, чтоб я ехал к нему с текстом немедленно. Когда я приехал, он уже позвонил Оскару Фельцману, тот сказал, чтоб мы приезжали. Он жил в известном доме композиторов, что между Брюсовским переулком и тогда улицей Огарёва.

Когда мы вошли, Нолюша сказал, что я вот тот самый поэт, который написал «Бабье лето», на что Оскар Борисович сказал «надо же!» и пригласил нас в свой кабинет. Пока шли, он читал привезённый мной текст, что-то бормоча про себя. Потом подошёл к роялю и стал что-то наигрывать. Через час он сочинил мелодию и тут я стал свидетелем маленького семейного концерта. Он позвал жену Женю, сына Володю и сказал, чтобы послушали... И самозабвенно запел припев рождённой песни:

*Я вас люблю, я думаю о вас,
вы для меня – смятение отныне...
Покорно жду ответа ваших глаз
и повторяю в мыслях ваше имя.*

Все были в восторге. Всем мелодия и стихи очень понравились. Меня поздравляли с таким хорошим дебютом. Но Оскар Борисович тут же остудил мой восторг, сказав, что первый запев никуда не годится.

– А что здесь должно быть? – спросил я, не представляя, чем же заменить написанное.

– А я знаю? – ответил он с тем естественным одесским акцентом, какой так лихо имитировал Володя. – Вы поэт, вы и решайте, а я своё сделал.

Я подумал, что уже четыре строчки, такие, чтоб удовлетворили композитора, я уж, наверно, сочиню.

Сочинил. Позвонил. Прочитал.

– Нет-нет, Игорь. Это никуда не годится, – услышал я в ответ.

– А что же должно здесь быть?

– Я знаю?! – был прежний возглас Оскара Борисовича. – Вы поэт, вот и придумайте.

Я позвонил через день с новым вариантом – тоже мимо.

Я начал звонить через три дня, дабы не надоест окончательно. Потом раз в неделю, и каждый мой новый вариант отвергался композитором.

Прошёл месяц, в течение которого я не помню уже, сколько написал вариантов. Через несколько дней позвонил снова и уже совсем отчаявшимся голосом, попросив послушать, прочитал:

*Сегодня я нисколько не боюсь
с двадцатым веком временно расстаться...
Позвольте я в любви вам объяснюсь
высоким слогом русского романа...*

– И это вы писали целый месяц?! – услышал я добродушный голос Оскара Борисовича с его неподражаемым одесским акцентом.

Песню спел и записал Муслим Магомаев. Она получилась очень красивой и быстро приобрела популярность, а я сразу попал в обойму поэтов, работающих в жанре песни.

С Володей мы виделись всё реже, за исключением тех коротких встреч, когда пересекались в студиях звукозаписи фирмы «Мелодия». Но всё это как-то на ходу.

– Как деда?

– Нормально. А как у тебя?

– Да вроде тоже.

И каждый раз говорилось, что надо бы повидаться не здесь, посидеть, как прежде, поговорить о том, о сём, и оба говорили «да», непременно, но этим дело и кончалось.

Но как-то летом 76-го, в очередной раз встретившись на «Мелодии» (он записывал чудесный альбом на свои стихи и музыку «Алиса в стране чудес»), я его всё-таки сподвигнул поехать ко мне. И вот мы на двух машинах – он на голубоватого цвета «Пежо», я на своей тёмно-серой «Волге», помчались на проспект Вернадского, где я тогда жил. Володя явно хотел продемонстрировать, как он лихо водит машину, я предоставил ему такую возможность, т.е. пропускал его вперёд, когда он хотел обогнать меня. Но я был в этом деле опытнее его, и знал, как бы он ни лихачил, а к дому мы подъедем почти одновременно. Что и оказалось в итоге. Правда, он подъехал первым и был явно горд этим.

Мы поднялись ко мне. У меня только что вышла авторская пластинка с песнями на мои стихи – «Бабье лето», были и другие диски, на которых тоже были песни с моими текстами.

Кое-что послушали, но в больше болтали о том, о сём, в основном о всяких там проблемах и тонкостях в сочинительстве песен.

– Васёчек, а ты много уже «настрогал», наверно, авторские хорошие пошли? – спросил Володя. И услышав «да», тут же без промедления:

– Так я могу у тебя заниматься?

– Без проблем, Володь, для тебя – всегда пожалуйста...

Он неплохо зарабатывал, особенно концертами. Но и тратил много. Почему и спросил меня, чтобы иметь на всякий случай адрес, где всегда можно перехватить в долг. (После его смерти таких долгов окажется немало.)

А где-то через год уже я буду у него в гостях на Малой Грузинской, в его новой квартире. Мы будем попивать чаёк у него на кухне и как всегда «разговоры разговаривать» (это наше с ним любимое выражение). Но нормально поболтать не даст телефон, который будет трезвонить с небольшими перерывами почти весь вечер...

Летом 79-го я встречу его в Доме литераторов. Едва поздоровались, как Володя сразу куда-то метнулся, словно его тянул кто-то за руку. Я спросил, что с ним, но он, не говоря ни слова, махнул как-то странно рукой и исчез. Мне оставалось только пожать плечами. В тот день в ЦДЛ я его больше не видел.

Осенью того же года, как я упоминал выше, один из моих знакомых, побывав на каком-то закрытом концерте Высоцкого, рассказал мне, что, объявляя песню «Бабье лето», Володя сказал, что музыку к стихам своего друга сочинил он. Я, честно говоря, никогда не считал музыкой ту мелодию, что я придумал к своим стихам. Но тут взыграло моё самолюбие. Я позвонил Володе.

– Васёчек, что за дела? Какая твоя музыка к «Бабьему лету»? – возмущённо спросил я.

– Да ладно, Васёчек, всё равно деньги идут мне, – сказал он хамским, приклатнённым тоном, по которому я понял, что говорю с неадекватным человеком. И я повесил трубку.

А последний раз мы с ним пресекались где-то в середине апреля 80-го. Нынешнее Российское авторское общество (РАО) тогда находилось в Лаврушинском переулке, в том знаменитом писательском доме, что почти напротив Третьяковки, и называлось тогда ВААП (всесоюзное агентство по охране авторских прав). В этом же помещении находилась и сберкасса. Мне нужно было снять какие-то деньги, и я, как сейчас помню, в понедельник направился в этот ВААП. Подъехал, смотрю: стоит Володин «Мерседес», а в машине сидит какая-то молоденькая блондинка.

«Ай, да Васёчек, ай, да молодец», – подумал я невольно. Вошёл в здание. Чтобы оказаться у сберкассы, надо было пройти по подземному переходу, соединяющему одну половину дома, где она находилась, с той половиной, в которую обычно попадаешь с улицы. Вот в этом подземном переходе мы и столкнулись с Володей.

– Васёчек! – обрадовался Володя, обнимая меня.

Я тоже был рад его видеть, тем более, что та последняя встреча в ЦДЛ оставила какой-то неприятный осадок.

– Как ты? – спросил он меня.

– Нормально. А ты?

– Всё хорошо.

– Я вижу, – сказал я, улыбаясь и давая понять, что понимаю его «хорошо».

– Извини, спешу.

– Да я тоже, Володь.

Мы обнялись, поцеловались, и он убежал.

Я его очень хорошо знал. Я видел, что он «под банкой» – это заметно было по глазам, и в то же время от него абсолютно не несло перегаром. А я помнил, как это обычно бывало... Наверно, что-нибудь прыснул, чтобы отбить запах. Подумал и забыл.

А 25-го июля 80-го я ушёл из дома в начале восьмого – договорился накануне с приятелями попариться в Сандунах (а это лучше делать с утра, пока в парилке «лёгкий» пар). Также накануне условился я о встрече с одним молодым композитором в 12 дня в ЦДЛ.

Я немного опаздывал, и этот композитор позвонил мне домой, чтобы узнать, не отменилась ли наша встреча. Жена сказала, что меня нет дома, а когда узнала, что он меня ждёт и что я должен придти, попросила передать мне, что, когда я ушёл в баню, кто-то позвонил и сообщил, что сегодня под утро умер Высоцкий.

Я не поверил и тут же перезвонил Маше. Это оказалось правдой.

Я приехал домой. Я не знал, что мне делать. Маша сказала, что мне нужно поехать к Володе. А я не мог сдвинуться с места. Не мог поехать к нему в этот день...

Официальная Москва хранила молчание о случившемся, и я вечером по радиоприёмнику поймал «Голос Америки». Едва смолкли позывные радиостанции, как я услышал голос Володи:

*Мой друг уехал в Магадан,
снимите шляпу, снимите шляпу...*

и после того, как песня закончилась, диктор сказал, что сегодня в Москве, на сорок третьем году жизни, скоропостижно...

«Боже мой, – подумалось в ту минуту, – ведь такое не приснится и в дурном сне. Написанная

02 / 2017

как весёлое, шуточное, дружеское послание, столько раз пропетая мне Володей в нашем тесном кругу, сегодня предвещает известие о его кончине и передаётся в такой день по «голосу» из-за океана».

Назавтра я приехал на Малую Грузинскую. В квартире уже было полно близких и родственников. Подошёл к Марине, обнял и склонил голову к ней на плечо.

– Сколько вы с ним... – сквозь слёзы проговорила она.

Володя лежал в спальне, где и умер во сне. Я долго не решался войти, взглянуть на него... Наконец, вошёл. Слёз не было, но меня трясло, как в лихорадке.

Я быстро вышел, не хотел запоминать его не живого...

И тут я увидел Севу Абдулова, который все последние годы был с ним рядом.

– Сева, как же так? – это всё, что я мог сказать.

– Гарик, это должно было случиться, – как-то спокойно, или мне так показалось, произнёс он.

– Что значит должно?

– А ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– Ты не знаешь, что он кололся?

– Да ты что! Откуда же мне знать...

– Да, он сидел на игле.

«Значит, это всё произошло в течение последних двух-двух с половиной лет, – пронеслось у меня в голове. – Ведь когда мы были 5 часов в сауне, в Красной Пахре, в мае 77-го, ничего подобного не было и не предвещало».

– И что он колол?

– Морфий.

– Много?

– Да, очень. Последнее время – 40 ампул в сутки!

– Какой ужас!

– В январе этого года я его уговорил пройти обследования в очень классной клинике у очень хорошего, быть может, лучшего у нас специалиста. Обследовали. Врач сказал ему, что пора побережться, со здоровьем большие проблемы. А потом меня отвёл незаметно в сторонку и сказал, что он Володе даёт от силы год жизни... Видишь, ошибся на полгода...

Я сразу вспомнил рассказ Паши Леонидова, и упомянутую им тогда эту роковую цифру 40. И ещё я понял, почему от него не несло перегаром там, в подземном переходе ВААПа. И то странное поведение его прошлым летом в ЦДЛ объяснилось теперь: видимо, у него была «ломка» и ему нужно было срочно уколиться, и он не знал, где это сделать.

– А прошлой осенью, – продолжал Сева, – мы его уговорили лечь в больницу на интенсивную детоксикацию – это когда очищают всю кровь, практически обновляют её, чтобы ничего не осталось от того, что даёт «ломку», процедуры довольно неприятные. Но после пропадает тяга к наркотикам, ты даёшь расписку, что предупреждён: если уколешься, можешь умереть. Через три дня приехали за ним, его выписывали. Он вышел, весь такой отдохнувший, порозовевший, улыбающийся. Вдруг он от нас как рванёт, мы не успели опомниться, как он прыгнул в такси, что как нарочно только освободилось, и уехал. Я предположил куда, и мы поехали в Первую Градскую. Там у него был знакомый врач, у которого он обычно покупал морфий. Приехали, входим к этому врачу в кабинет, Володя там, сидит, развалившись, уже под кайфом. «А я не умер», – сказал и как-то нехорошо улыбнулся. И я понял – это конец, верней, начало конца.

Сева замолчал. Молчал и я. Что здесь можно было сказать... Бравада на грани идиотизма, игра со смертью – кто кого? Вот так, наверно, когда-то царские офицеры, изрядно выпив, на пари, играли в «русскую рулетку» – заряжали барабан пистолета одним патроном, потом, не глядя, вертели барабан, подставляли дуло к виску и нажимали курок. Дикая бравада и тоже на грани идиотизма. Или тут тоже актёрство взяло верх над здравым смыслом? Показать всем – вот какой я, мне всё нипочём. Я склонен думать, что это уже абберрация сознания. Чем ещё можно объяснить его «оригинальное» откровение, заснятое на плёнку, где на какой-то дурацкий вопрос корреспондента, он говорит, что хотел бы знать – сколько лет, месяцев, дней, часов и минут ему осталось жить. Какой человек, как говорится, в трезвом уме и здравой памяти, захочет знать ЭТО? Потом я где-то в воспоминаниях Марины прочёл, что последнее время он мог говорить без умолку, да и спал от силы часа четыре в сутки. Вероятно, то были симптомы перерождения или распада личности, и близкие Володи люди не могли не видеть этого.

Где-то через месяц или полтора после Володиного ухода мне позвонил один молодой композитор, я с ним ещё не был знаком, представился – Владимир Матецкий – и сказал, что у него есть одна мелодия и что он хотел бы мне её показать. Мы встретились. Я послушал. Мелодия была изумительна. Сразу, что называется, хватала. Когда я спросил, какая тема ему видится, он сказал, что не знает, мол, всё на моё усмотрение.

Я забрал кассету с его музыкой, пришёл домой, стал слушать... И то ли потому, что всё случившееся с Володей было очень живо, то ли по какой другой, неведомой мне причине, но прокрутив несколько раз плёнку, я вдруг взял чистый лист и почти не отрывая ручки от бумаги, написал:

*Больше не встречу, такого друга не встречу,
Такого друга, как ты,
дарит жизнь только раз...
И не излечит, ничто печаль не излечит,
Мою печаль по тебе
память сгладить не даст.*

Это был припев (самое главное в песне). Запевы тоже написал быстро. А дальше... С исполнителями всегда было трудно. Мы с Матецким не знали, кому отдать эту песню, которая, мы чувствовали, получилась классной.

На дворе была осень 80-го. Тогда ещё Александр Барыкин и Владимир Кузьмин работали вместе и назывались рок-группа «Карнавал» (это потом они разбегутся, и «Карнавал» останется за Барыкиным, а Кузьмин создаст свою группу – «Динамик»), но работали в ресторане гостиницы «Измайлово». А в те годы могли записываться на пластинку только те ВИА, что были при Москонцерте или каких-либо местных филармониях. Правда, делались исключения, если группа была высоко профессиональная. А эти ребята уже тогда были именно такими, к тому же очень талантливыми. Когда мы с Матецким показали «Карнавалу» нашу песню, то они тут же сказал «берём», но хорошо бы к ней «прицепить» ещё три песни и выпустить миньон – так назывались маленькие пластинку типа зарубежных «сорокопяток» (для ныне живущих молодых людей, это маленькие пластинки на 45 оборотов в минуту).

Долго ли, коротко ли, но эта история подошла к своему завершению: записанные четыре песни были представлены на худсовет фирмы «Мелодия». Прозвучали все четыре великолепно и все вроде как получали право быть на пластинке, но тут встал куратор фирмы «Мелодия» от министерства культуры и сказал, что песни все действительно великолепные, но вот той, что называется «Больше не встречу», на пластинке не будет. Его спросили «почему?» (а это был некто Вячеслав Зубов, чиновник, попортивший много крови молодым композиторам, «рубивший» их сочинения почём зря, и зная за собой эти «подвиги», любил сочинённую им байку, что о Зубова многие сломали зубы), он, ничтоже сумняшеся, сказал:

– Потому что эта песня посвящена Высоцкому.

Когда его спросили, а где это видно, что она ему посвящена, тот ответил, что это текст Кохановского, а все знают, что они дружили. Никакие уговоры не помогли, и миньон вышел без этой песни.

А летом 81-го я был пару недель в Сочи и из всех ресторанов этого города по вечерам неслось: «Больше не встречу, такого друга не встречу...». Сарафанное радио в те года работало превосходно... А официально эта песня появилась на пластинках только лет через шесть, когда было снято табу с фамилии Высоцкий.

Первое время после его смерти мне периодически снился один и тот же сон: будто он ушёл из театра Любимова и организовал свой, и всю репетировал, и меня приглашал на премьеру, которая должна скоро состояться, и когда я от него уходил, он сказал вдогонку, чтобы я непременно был на премьере: «Ты-то ведь знаешь, что я не умер», – говорил он, провожая меня. Вот такой странный сон. С небольшими перерывами он повторялся несколько первых лет после его ухода. Потом перестал сниться...

Да, конечно, все эти препоны в виде запретов на официальные концерты, изъятие из фильмов уже написанных песен, не утверждение на роли в кино, роли, которые он хотел сыграть и в которых режиссёры хотели его снимать, но этого не разрешали чинуши от искусства, всё это, безусловно, ранило его незащитную душу, рвало её на части, и всё же серебряные струны своего удивительного дара, покоровшего людей всех возрастов и всех профессий, дара, который не только наполнил смыслом его жизнь, но и сам становился его жизнью, дара ниспосланного ему Богом, перед которым ему, конечно же, «есть чем оправдаться», струны этого уникального, бесценного, невероятного, дара он всё-таки оборвал сам. И это самая безысходная и невыносимая горечь, что охватывает меня, когда я вспоминаю Володю таким, каким я его знал.

P.S.

Каждый раз, когда я слышал от Володи очередную, посвящённую мне песню, а таких было пять, меня не оставляла мысль, что надо бы тоже разродиться ответным посвящением. И такие попытки были, дважды я писал стихи в адрес друга, но они не сохранились. И хорошо, ибо были они, на мой сегодняшний взгляд, мягко говоря, несовершенны. И только после его ухода случилась песня, посвящённая Володе, а много позже и стихи, которые вполне уместны в этих воспоминаниях о единственном моём друге.



НА РАССТОЯНИИ

1

*Казалось мне, кругом сплошная ночь,
тем более, что так оно и было.*

Владимир Высоцкий

*Бывает, вспомню Магадан,
где я родился, но и где я
вторично к тридцати годам
своё отпраздновал рождение,
начав свой путь (почти с нуля)
как журналист и стихотворец,
и мне колымская земля
сказала: «С Богом, иноходец!»
Здесь были первые шаги
трудны, но не от гипоксии
в стихии северной тайги
на самом краешке России,
где ветер, вечно груб и шал,
гулял в любое время года,
где не хватало кислорода,
а я свободнее дышал.
Здесь посетил меня мой друг,
чьё творчество – сама эпоха...
Душой творца и скомороха
он принимал иной недуг
людской
иль чей-нибудь конфуз
то словно фарс, то словно драму
своей судьбы, избравшей курс
(притом отнюдь не как рекламу)
тот, что держал его на грани
паденья в пропасть грубой брани,
где затаённая хула
всегда обжечь его могла,
как кипятик в закрытом кране.
На грани той свой дар взрастив,
канатоходцем без страховки,
рискованно, но без рисовки,
не раз хулителей смутив,
презрев падение с каната,
он шёл –
в том главный был мотив
его души, его таланта,*

*в том видел главный свой искус
раскованный певец эпохи,
её почувствовавший пульс,
поднявший истин тяжкий груз,
познавший риска острый вкус,
вдруг оборвавший песнь
на вдохе...*

*Я помню, как бродили мы
тогда в весеннем Магадане
среди рассветной полутьмы,
скрывающей от нас в тумане
дома, людей и те года,
что встретим, как два сводных брата,
не ведая, где и когда
меж нами клин вобьёт неправда.
Наговориться не могли,
не допуская, кроме тризны,
что где-то там, в иной дали
вдруг разойдутся наши жизни.*

*...Он будет всюду на виду,
как датский принц на авансцене,
незащищённый, на свету...
И славы яркая арена
закружит в замкнутом кругу
той вседозволенности ложной,
где, как в колымскую пургу,
и некогда, и невозможно
взглянуть хоть раз со стороны
на самого себя спокойно...
Он, словно в детстве пацаны,
был не способен на такое.
Он словно делался глухим
к звонкам беды, звонкам опасным,
а те, кто был в то время с ним,
поладили с его напастью,
заботясь больше о своём
присутствии в ближайшем круге,
чем о пытавшем на излом,
сжигающем его недуге,
с которым биться в одиночку
поэт не в силах был уже
и, может быть, в своей душе
на том бессилье ставил точку.
Один лишь Бог его уход
отсрочить мог бы хоть немного,
и сам поэт, ведя свой счёт,
с отсрочкой уповал на Бога...*

Ещё, конечно, уповал
на женщину своей судьбины,
он с нею столько раз всплывал
со дна погибельной пучины,
сигналы SOS ей подавал,
как в песне той про субмарину...
Он лишь на Бога да Марину
в своём спасенье уповал.
Как в клетке, в суете мирской
он пестовал талант свой редкий,
подняться мог над суетой –
не мог расстаться с этой клеткой.
Я знаю, как он тосковал
о тихом доме, о покое,
но суеты безумный бал
опять захлёстывал волною.
Его знак звёздный Водолей
адресовал ему, как тосты,
безмерную любовь людей...
...Чем ночь темней, тем ярче звёзды.
И вся грядущая беда
была ещё небесной тайной,
когда мы встретились тогда,
весной
в далёком Магадане.

2

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Сергей Есенин

Смолк утром рокового дня
изнеможённый нерв столетья...
Уж сколько лет, как нет тебя
на этой ссученной планете.

И 25-го июля
я каждый раз твержу сквозь мат:
ну как же так – не завернули
его с дороги, мчавшей в ад!..

...Меж нами были вёрсты, мили,
а мы срослись – к плечу плечом...
Как жаль, что не договорили...
О чём? Да мало ли о чём...

Когда-то – преданный поделщик
в проделках юных пития,
потом – любимый собеседник,
таким прослыл я у тебя.

Мы с ним во многом были схожи,
но я совсем, совсем другой,
мне и соседствовать негоже
с его бунтарскою душой.

Да, в бунтарях и я ходил,
вещал на радио «Свобода»,

где от души наотмашь бил
тогдашних типа слуг народа.

В тот год ГБ, как бы дразня,
ослабила бульдожьё хватку...

Но это позже и фигня
в сравненье с тем, в какую драку
вступал своим талантом он
с бетонным мороком системы...

...Её, казалось, рушит стены
его хрипатый баритон.

И песенный таран-удар
всех звонче был в тогдашних схватках...

Небесный, непонятный дар
туманился в его повадках.

Он бесшабашный был во всём,
и привередливые кони
его страстей,
забыв о нём,
неслись, как в бешеной погоне.

Аж 90-е лихие
лихи не как его стихи...

Игра была его стихией –
игра, путавшая верхи.

Он был таким, каким он был,
кирять в завязке зарекался,
игрок во всём – игрою жил
и, видно, всё же заигрался...

Упрямо домогался он:
а сколько лет ещё осталось,
предчувствуя, что обречён,
и чувствуя свою усталость.

Заметно было по рукам,
сжимавшим гриф и струны-нервы,
как он, открытый всем ветрам,
устал от пут отчизны-стервы.

Он всё пытал судьбу свою:
а сколько там ещё осталось
хоть постоять бы на краю,
хоть самую земную малость...

Конечно, я совсем другой,
хотя мы с ним во многом схожи
не только, извините, рожей,
но и бунтарскою душой.

Его бунтарство не чета
бунтарству моему, не скрою,
моё – не стоит ни черта,
его – оплачено судьбою.

02 / 2017

Владимир ЛИЧУТИН

УХА

НА МЕЗЕНИ



Илл. Алисы Бошко

Позвонил из Мезени приятель Николай Окулов: «Владимирович, приезжай уху из сёмги ись». Год миновал, как один день. Тут ведь как: главное решиться. А нищему собраться, только подпоясаться. Сутки на поезде, десять часов на попутке. И вот я на родине. «Здравствуйте, я ваша тётя», – бытует такое при-сло-вье. Утро выдалось солнечное, хотя и конец сентября. «Затарились» в магазине с загадом, ибо вина много не бывает, а где после искать его в медвежьем углу? Впихнулись с трудом в «божью коровку», поехали вязкой лесной дорогой, несмотря на распутицу. Охота пуще неволи. Тем более товарищ, – по словам Окулова, – уже с уловом, рыба (сёмга) разделана, осталось воду вскипятить.

Вот и Погорелец, распахнулись мезенские дали, слегка призадёрнутые шторой дождя-ситничка, встали высокие красные угоры по-над рекой, прясла на въезде (жерди) принакрытые, как изморосью, перламутровым лишаистым мхом, за ляговвиной церковка, избы с заколоченными окнами, тишина, окоченевшие от старости жестяные будылья каравайника и поросль чищеры на давно забытых польцах, поросшие дурниной улочки-закоулочки, – и ни мясинки ни шерстинки кругом, никто не вскрикнет, не мыкнет, – какая-то безрадостная тревожная бесполоая тишина, как перед концом света. Словно бы на жальник съехали, а остальной народ, что посвежее, Москва с Питером сманили. И куда подевались «погорела», у которых было прозвище-приговорище «французы». Не все же в столицу запихнулись, «не в землю же ушли, как чудь белоглазая, тысячу лет назад жившая в этих вот местах». И не в Париж же умотали? Не больно там и рады пого-

рельцам-поморцам. А дачники, что поверстали деревню под себя, уже вернулись до весны на зимние «фатеры». Пятьсот лет стояла деревня на дивном месте (а может, и куда больше), которое замечательно выразил на полотне редкий по таланту художник Попков, трагически погибший в чужой его душе первопрестольной.

Плывут на карбасе мезенские бабы (сидят на вёслах), у ног корзины с ягодами, мужик-охотник у правила, пепелёная северная лайка выставила навстречу ветру чутыстый нос. Вроде бы ничего особенного, простые приметы русского быта. Но так всё выразительно выписано, с такой любовью и чистосердечием, что самые-то обычные, случайно попавшие на пути женочки, эта деревенщина, невольны стали классическим обличьем русского поморья, куда, как журавли по вёснам, ежегодно тянутся на этюды вольные художники. И вот никого не осталось на этом свете – ни скуластых, обождённых солнцем мужественных мезенок, ни охотника-бывальца, ни живописца Попкова, – но остались счастливые, полные жизни полотна (за которые получил художник Госпремию СССР), как торжество природной красоты, как гимн, как невыразимый дух, как протягливая языческая песнь матери сырой земле, как распаханное окно в древний русский мир, – красные угоры, зазывные дали, застывшая в осенней памороке река Мезень и ощущение чего-то особенного, притаённого и незабытного, помещённого в хрустальную скриню, что и притягивает к себе душу, но не хватает слов описать.

Зашли в дом Окулова, купленный по случаю. Конец сентября, жильё выстудилось, как бы утратило живое признательное чувство, как случается с любым жильём, в котором долго не было

хозяев. Сразу печь затопили, приняли по стопке привального винца, закусили консервами. Чего тянуть резину, когда душа истомилась в дороге. А там и вторая запросилась вдогон, ибо между первой и второй пуля не должна пролететь. Казалось бы, если вино – кровь Христова, то и пьём-с, господа, заливаем «шары», пока земля с небом не попутались.

Правда, между нами, «мезёхами», подобного не водится, чтобы безрассудно гнать коня, скоро нарезаться, грянуть с копыльев под стол, иль ум потерять. Вдруг оступишься, потеряешь ум-то, а после где, в какой заветной стороне найдёшь его? А рыбак с обещанным уловом куда-то подевался, наверное, заблудился в чужом углу. Вот и печка протопилась, солнце уже свалилось за конёк крыши, и дальние лесные увалы с восточной стороны покрылись розовой окалиной. Не успеешь оглянуться, как за вечереем, и на округу навалится глухая осенняя темень. Вот и первую бутылку прикончили, ведём разговоры чинно-мирно, никому не в обиду, напрасно не огрубляемся, ибо душою-то, наверное, помним, что вино – на радость нам дано. Оно к песне попускает, даёт душе парения, а сердцу веселия. Гуляем по-холостячки, травим побасёнки, в общем, хорошо сидим, никакого особого куража уже и не надо. А то, что уши из свежины нет на столе, так разве не едали за жизнь-то? В окно видна тускнеющая ширь реки Мезени, ровное плёсо в мелкой сверкающей чешуе, словно всплыло под солнце облако рыбьей серебряной мелочи, вниз по течению сплывает, таща за собою невод-поплавь, смелая лодчонка, не боящаяся рыбнадзора, на излучке ещё карбасишко торчит, мужик, почасту озираясь, перебирает выставленные сетчонки, по дрожи и натягу верхней тетивы угадывает, глядяваясь в глуби вод, ульнула-нет рыбёшка на уху, иль жарёху на радость хозяйке. Может сижок застрял в ячее, иль лещишко, иль сорожина с окунем, язишко иль налимя слизкая голова с «запорожскими» усами, – что ни угодит, всё слава Богу, старуха будет рада любому гостинцу. Нам, конечно, не видать из окна подробностей, но мы в мелочах знаем повадки рыбака, невольно переживаем вместе с ним, завидуем ему и сердцем ждём опаски и грозы со стороны, словно бы тоже торчим на заднем уножье карбаса и выбираем из глубины сеть, остуживая в осенней густой воде ладони, перетряхиваем снасть окоченелыми пальцами, спиной чувствуя опасность запрещённого промысла, который враждебное государство сделало для русского человека воровским, невольно искручивая в «рогозку» православную душу. Увы, многое нынче устроено так, чтобы лютее пригнетить мужика, каждой мелочью подвести под статью, испроказить его натуру, исказить, истереть из памяти бесхитростную заповеданную жизнь русского племени, которой, казалось, во веки веков не будет перемен, пока живёт в поморье корневой русский человек. Но и тут нашлись досадливые чиновные приставы, чтобы наслать на работника препоны и судебные «закорючки», с летописных времён враждебные крестьянину. Как это так случилось? – думает мужичонко, –

чтобы у реки, данной Богом для всех, да и без рыбы; что за напасть такая, что за злодейский умысел у властей, которому не сыскать внятного объяснения. И невольно в нашем застолье, как и в других поморских деревнях, непременно заходит разговор о рыбаке и рыбке.

– Сначала выпьём за рыбаков, – предложил хозяин, большой любитель выкуделиться в речи, завернуть словечко, приоткрыть его с неожиданной полузабытой северной «говори». Он откидывается на спинку стула, хитро щурится, изображая из себя провинциального артиста, высоко вздымает стопарик. (вот пишу сейчас, но так и вижу перед собою красивого безлукавного поморца с добрым сердцем.)

– Да уж третий раз поднимаем, а обещанного и не попробовали. Хоть бы пёрышко сёмужье обчукать, – подначивает мой приятель Саша Антипин, прозаик по судьбе и призванию. – Коля-а, сколько зазывал... Ответь нам... Владимировича в распутицу выгасили на край света. Выходит, все слова на ветер? Хоть бы понюхать дал...

Хозяин слегка смутился.

– Почто на ветер? Будет, всё будет. Сашка, ты напраслину не гони... Что гость московский подумает? Решит: Окулов жмот, жадина-говядина, куркуль и оглоед. Коля горбышок рыбки красной зажил. У меня, может, давно сосмекано, лежит на леднике в погребнице. Вот такая сёмужина лежит. – Коля раскинул руки на сажень. Посмотрел на ладони и, поддразнивая, ещё прираздвинул. – Такая будет, ежли с головизной. А ещё веники на подволоке, берёзовое вичьё на повети, чтобы тебя, обормот, в бане хорошенько выпарить, а после с протягом, посеки...

– Ну, уж сразу секчи. Привыкли на Пёзе-то у себя. Варвары. Дикое племя. – Антипин пожевал губами, придумывая такое, чтобы позаковыристей. – Коля-а, мои мяса твоим вичьем не пронять. Оглоблей надо, аль анышпугом, чем сено на возу пригнетают...

– А это мы ещё посмотрим, – хихикнул хозяин, взглянул на друга сквозь мутный гранёный стопарик. – У меня ещё плётка-трёххвостка на этот случай есть. ...Замечательно шпарит. Как хвостнёт, так кровь в потолок сбрызнёт.

– У Личутина в романе вычитал? Злодей ты, Коля, и завистник, хочешь соперников с дороги убрать. Он на косьё зазвал, чтобы Владимирович подавился... Шуки-то мы и дома поедим... у меня ещё с того года осталась, дак я доброго гостя всяко угощу. Эко диво тащиться за тыщу вёрст киселька похлевать, – поддевает, хитро разогревает хозяина Саша Антипин.

Я пока помалкиваю, не вступаю в шутейный разговор. Но не сдержался, поймал момент:

– Ты напрасно на Колю наступаешь. Шука – это еда, а сёмга ненаеда. Так из веку шло. Я шуку-то сырую порато люблю, с детства привык, да чтобы с душком, мякинькую. Да лучку к ней построгать, масличка постного улить, картошечки горячей. Ещё камбалку прокислую люблю, сижка. Никакого ресторана московского не надо.

– У нас, «пезяков», слово – дело. Обещано – будет... Забыл, Александр, что сулёного три года

02 / 2017

ждут, а тебе всё сразу выложь и подай... А ты по-годь... Ну, дак что, ребята? Хватит томиться и плакаться. Сам себя не вспомнишь, дак никто не вспомнит. Чего-то гости худо рыбу едят. – Обвёл взглядом стол. – Али щука не скусна? Вёшного улова. Иль на лоб мало кинули? Конечно, рыба посуху не ходит, глотку смочить нать. Так-нет, ребята? – Коля говорит с протягом, сильно окая.

Выходец из тайги, с верховьев Пёзы; дикий комариный сузёмок его родина, оттуда съехал в Мезень, столицу Поморья. В Погорельце у него что-то вроде заимки, рыбацкого приюта, где можно летами отвести душу. Вот ведь какая жизнь урядилась в стране смешная. В короткие годы повыгарывала Русь без войны и пожара. Деревенька за полсотни вёрст от города, машины так и шьют день-деньской, пока стоят дороги, но по новым временам и на северах вместо деревень в моду вошли «дачи», временные хижи, зимовья, келеицы, хутора, выселки в три дома и даже свои «рублёвки». Скоро запустошается русская пашенка, из-за которой прежде оглоблями дыривались, обрастает по самые уши всякой дурниной и лопушатником, той самой дрязгой, первой приметой хвори, безлюдницы, одичания и тяжкого бывания; но вот вроде семени одуванчика-плешивца разлетаются по ветру лудишки, пусть и временно, на летний сезон, оседают на пустошах, куда сердце вдруг позвало, и невольно оживляют умирающие печища, присутствием человека ущемляют лесного хозяина-медведку в его диких поместьях. Не мытьём, так катаньем добывается «своеносый» русский человек горького глотка воли, которую либералы-ростовщички хотят отнять совсем. Съехал из деревни и вот снова назад пехается. Не дворцы выставляет, не богатые хоромы, а изобки в три окна; но и в них природный свет от восхода до заката кажется счастьем, и никто (так чудится простецу-человеку) не обрезает волю, кроме рыбинспектора. Скрывается поморец от надзора, пытаясь облукать служивого, оставить с носом, но и тут наш бывалец, наивная крестьянская душа, оправдывает государственную притужаловку: дескать, для того и щука, чтобы карась не дремал. А ты, мужичок, не стенай, не будь простофилей, о которого ноги вытирают, а исхитрись, извернись из кулька в рогозку. Не пойман – не вор, Бог подал.

– Должон Виктор появиться, обещал сёмгу принести на уху. А он человек, верный слову. Может, что-то не так сложилось, иль жена за рукав поймала, чтобы к рюмке не пристал. Вести-то по ветру летят, вот де к Николаю Окулову знаменитый гость из столицы.

– Ну, какой уж там знаменитый, – сконфузился я. – Сказал тоже, как с печки упал.

– Ты, Владимирович, Петю Сумочку знавал-нет? – с тяжёлым придыханием перебивает Саша Антипин. – Это Виктора отец, из Дорогой Горы будет.

– Да кто его не знал... Всяко, бат, знает, – сменил тему хозяин. – Такого человека как не знать? Гармонист был, песельник, одно слово – весёлая душа: глаза голубые с искрой, волос волною, – рассказывает Николай с прицелом, что я в будущем

напишу о известном человеке из Дорогой Горы, которого я почему-то выпустил из вида, хотя частенько бывал в той деревне. В нижнем конце на угоре у реки Мезени жила прежде моя сестра Генриетта, там сиротеет её домик. – Росточка Петя был мелкого, как ты, Владимирович. А жена дородня, Петя ей до плеча. Вот напьётся бывало, жена подхватит его под мышку и домой несёт, как берёзову чурку. А Петя Сумочка кричит: баба, аккуратней неси-то, не оброни, ты у меня шестая. Как с войны-то возвращался, то с Лешуконского до Дорогой Горы с месяц попадал, это километров семьдесят. Ну, может, чуть больше. Рукодельной был, на все руки мастер. А такие мужики на весь золота, особенно после войны, вот и шёл до своей деревни месяц... А вдов-то военных сколько, каждой надо помочь... Охоч он был до женской юбки. Баба-то знала его норы, так чтобы не ударился в бега, двери запирала. А уж не молодец был, да. Вот однажды какой-то праздник был. Жена вышла из дому по гостям, а мужа заперла и лодку на замок. Теперь-то надёжно, – думает, – мужик никуда не денется. Так Петя Сумочка в окно вылез и в бадье реку переплыл... В той деревне из века отменитый народ был, азартный, рисковый. Ночами не спали, сёмгу ловили. И потому прозище было – совы. Да ты, Владимирович, знаешь, у каждой деревни была своя кликуха. У меня даже частушки про это есть, мезенский хор поёт. Заакакура – гулюшки, Лампожена – кибасники, Погорела – французы, Азапола – дрозды, Койдяне – мандоеды, они любили заднее место у оленей есть, Жердяне – кукушки, Кимжане – чернотропы, если в Кимже с кем гулять, нать метлу с собою брать, чтобы чёрные тропы за собою заметать, Совпола – опара, Соянцы – чухари, Мосеево – грязна рада, Долгощёла – турки, Мезенцы – кисерезы, кофейники. Только про нас, из Сафоново, нет кликухи.

– Как это нет?.. «Какой народ – пёзина, какой товар – берёзина», – пропел я старинную приговорку, наступая Окулову на мозоль. – Было вам прозвище – кушники, чернотропы. Избы по-чёрному топились, зимою сажные тропы от избы к избе, бабы-староверки подолами след заматали. Сарафаны-то долги, по семь юбок надевали, без штанов ходили. Считались верховья Пёзы диким местом, краем света. Давно ли лампочку Ильича-то включили... Забыл, Коля-а?

– Всё это сказки, Владимирович... Писатели раздули – такой народ доверчивый, прямо дети, право слово, ничего им не скажи, всё вывернут наизнанку. Злые языки натрепали от зависти, а ты и поверил, чудной ты человек. Краше нашей стороны во всём свете не сыскать. И люди у нас золотые, не вам, «кисерезам», чета. Через нашу деревню шёл путь волоками на Ижму, оттуда на Печеру, Пустозерск и Усть-цильму, через Северный Урал на Ямал, на Обь и далее в Сибирь. Русь через Пёзу-реку поднималась. А ты: ди-кое мес-то. Сам ты дикий человек, Владимирович.

– Может быть... Тогда почто разлетелись по свету, как куропоти?

– А что делать, если кругом одно запустение? Все дороги нам перекрыли, школу разорили,

медпункт заколотили, дескать, зачем лечить, скорее вымрут. Тебе ли не знать, как это делается?.. Так и напиши, чтобы Москва о нас задумалась и обрыдалась. До чего довели Поморье, а? Удавку натянули на шею русского человека, дышать не дают. – Коля распечатал новую бутылку, но вдруг призадумался и наливать не стал. – Куда-то Виктор запропастился. Видно, пора сряжаться на поиск.

Только вышли со двора, навстречу тот самый рыбак, которого так долго ждали на уху... По выражению лица ясно, что идёт с пустыми руками, без улова, но из кармана камуфляжа торчит горлышко поллитровки. Из-под вязаной скуфейки выпал на лоб потный клочок волос, лицо жалобное, ребячье, глаза растерянные – простите, де, – взгляд смущённо-повинный. Видом мало смахивает на деревенского мастерового. Знать, с рыбалки уже успел завернуть домой и переодеться.

– Вот так, ребята... – Развёл руками. – Три ходки сделал, пусто. Придётся огорчить: обещания на ветер... Двадцать пять на восемнадцать.

– Наплюнь, Виктор, и разотри. Значит, не твой день. Лучше пойдём, примем с устатку, пока совсем не остыли, – успокоил Николай. – Эка беда... Мы что, сёмги не едали? – Но в потухшем дребезжащем голосе просквозила досада: опростоволосился хозяин перед «столичной штучкой».

– Виктор, чего без гармошки? Убёг из дому, или с согласия?

– Для маскировки, но с согласия, чтоб без обману... Двадцать пять на восемнадцать. Ты, что, бабу мою не знаешь? Сказал, на одну минуту с московским товарищем встретиться, писатель обещал книгу подарить. – Виктор скользнул по мне взглядом и сразу, без принуждения, включился в застолье. Принял рюмку и лицо стало по-детски счастливым. Как поётся на Мезени: «Принял рюмку, принял две, эх-да зашумело в голове!» – Главное, Коля, чтоб без обману, за что бы ты ни брался. Пошёл из дому, дал жене клятву: «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда». С женщиной главное без обману, чтобы с согласия... Двадцать пять на восемнадцать. Был со мною случай, работал я на тушении лесов. Ага... Прыгнул с самолёта – неудачно, снесло ветром. Приземлился в деревне. В чей-то огород... Собрал парашют, смотрю, на крыльце баба молодая стоит, в самой поре. Я с ней познакомился. И родился у нас ребёнок. – Виктор захохотал искренне, обвёл нас победительным взглядом, что-то живое, необычное проклюнулось сквозь пёстрый камуфляж, усталое лицо наполнилось жизнью, и гость сразу стал интересен, как бы вылутился на просмотре сквозь залубеневшую шкуру новый человек.

– Значит, фортуна, – подытожил Окулов, наверное, в сотый раз выслушав приключения приятеля. Слышать-то, вроде бы и слышал, но пролетели байки, видимо, мимо ушей, коли не разглядел ничего необычного в натуре приятеля.

– Приземлился, значит... Всё путём, всё при себе. А в деревне мужиков-то раз-два и обчёлся. Ну и привалился с парашютом прямо в кровать.

– Да ну? – изумился Саша Антипин, глаза его округлились по-совиному. – Ты что? Так прямо и в кровать? С парашютом? – Ему страсть как захотелось засмеяться; Антипин – писатель до тошный, но деликатный, потому сдержался, лишь покачал лобастой плешеватой головою. – Всяко бывает в жизни, конечно. Но чтобы с парашютом?

– Ну и что? – оборвал Николай. – Заладил, как чухарь... Для хорошего дела, если хочешь знать, парашют не помеха. Верно, Витя?.. Вот теперь жена-то, наверное, и боится, как бы ещё дочь не подкинул со стороны. Ха-ха... Такие бывают хорошие дела-то. Заявится однажды к тебе в дом профурсетка и с порога скажет: здравствуй, батя...

Виктор неопределённо пожал плечами, лицо залоснилось от воспоминаний. Да и рюмка потянула в прошлое.

– Получилось двадцать пять на восемнадцать. Дверка у неё прохудилась, крыльцо похилилось, забор на боку. Дверь подогнать – без проблем, печку подлатал, перестала дымить, забор поставил, полы перебрал, крышу перекрыл. Баба одинокая, как тут не помочь. Я что, совсем без сердца? Руки не отвалются. Бутылёк выпили, песню ей спел: «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда». Парашют подарил на платёе... Вот и получилось двадцать пять на восемнадцать. И никуда тут не деться. На суде-то после спрашивают: Ходил за хлебом? – Да, ходил. Вот и приписали мне совместное хозяйство. Всё, гуляй, Витя, да только не спотыкайся. Главное, чтоб по согласию. Я так понимаю. Двадцать пять на восемнадцать. – Виктор счастливо засмеялся, будто нашёл горшок с золотом. – Двадцать пять процентов от заработка, восемнадцать лет плати. Хорошее дело. Правда, с работы пришлось уйти за растрату государственного имущества. С неба на пожары больше не прыгал, пошёл в школу учителем физкультуры.

– И где тот парень?

– Я давно уже дед... Вырос, живёт где-то в Новгороде. Ванькой зовут.

– С неба звёздочка упала, прямо к милому в кровать.

– Был грех...

– Какой грех, Витя. Это хорошее дело. Баба счастливая стала, и ты не зря небо коптил, – рассудил Николай и по-хозяйски «освежил» рюмки. – Ей с неба Господь послал, тут не отвертеться.

На воле стемнилось, дождь-ситничек перестал, и в небе высыпали частые звёзды. Ни неба, ни воды, ни лесных увалов, похожих на гребни морских волн. Словно весь мир оклеили дырватой копировальной бумагой. В стекле, как в зеркале, видны лишь наши задумчивые головы и посуда на столе. Напротив меня сутулится смурной, с испитым серым лицом мужик, Колин сосед по деревне, пришедший в избу последним. С порога втянул носом, каково пахнет свежиной, и, не выдав укоризны, деловито повесил на крюк фуфайчонку, возле двери уселся на готовно подвинутую хозяином табуретку, – и затих. Сидит, проглотив язык, ворочает в голове тяжёлую думу. Деревенский приятель Окулова, собиратель трав, сам

02 / 2017

весь больной от макушки до пят, добрейший души человек. Я уже заходил с Антипиным к нему, хозяйка, как мы ни отнекивались, быстро направила на стол; пришлось пригубить рюмку, чтобы не обидеть старенькую. Разговаривали о травах, и я пожаловался безо всяких намёков, что спина, вот, болит, хожу корчужкой. Анатолий тут же пообещал, что поможет, у него есть такой травяной сбор, что и мёртвого живо поставит на ноги. Сейчас битый час сидит молча, но рюмки не пропускает. Вдруг затянул, едва слышно, утробным голосом: «Прощай, любимый город...» Тоскливо запел, словно на кладбище собрался. Но его никто не поддержал; значит, стол не поймал песенную струю, ещё не распоясался сердцем. Анатолий споткнулся, умолкнул и, не снимая с меня угрюмого взгляда, вдруг сказал отчётливо, но едва слышно, не размыкая губ, словно провещал нутром: «Владимирович, пойдём ко мне на печь ночевать. Я тебе спину вылечу».

– Анатолий, да почто он к тебе-то пойдёт? – спохватился Коля с хмельной обидой в голосе. – Да ты в своём уме?... У меня что, в избе места мало? Хоть на голове ходи, хоть катом катайся... «Динь-динь-динь, колокольчик звенит», – вдруг запел Окулов, комкая в горсти русую, в седине, бородежку, но опять что-то с голосом не заладилось, – споткнулся. А какая пирушка без песни? Значит, маловато приняли на грудь, не выполнили нормы. И верно, что все трезвёхоньки сидим, какие-то унывные, покорливые судьбе, как овцы в стаде; вот и вино не забирает. Про баб поговорили, политику краем задели, утробушку захмелили, удовлетворили кишочки, вроде бы пора и душе поклониться, а в горле стоит запруда – и не проглотить.

– На Покров прежде огромная сёмга шла, – сказал Виктор, сбив песню на зачине... – Называли их генералами. До двадцати килограммов и выше. Такие поросята. – По сотне рыбин попадало в невод.

– Мы много лет этих генералов ждём и никак дожидаться не можем. Одни ефрейторы да сержанты... Им никак до генерала не дорасти, если у вас под деревней настоящий шлагбаум, – семьдесят пять поплавей и ловят круглые сутки. Только та и рыба проползёт под тетивой, что под зиму в реку зайдёт, да в осеннюю штормягу. А нам и пёрышка не обчукать. Думал, хоть ты угостишь, да вот не обломилось, – невольно укорил Николай.

– Прежде-то ловили в разы больше, а сёмга была. Только до Погорельца семь рыболовецких бригад было, как заведут мужики невод, до двухсот рыбин набивалось. Вытащить не могут, – я невольно ушёл в воспоминания давней поры. – Бывало-то с большим приливом прёт сёмга в подгорье из реки Мезени в Большой Шар, как торпедные катера идут. Видеть надо. Вода мутная от няши (ила), будто кофе с молоком, и рыба плывёт поверху, спинной плавник видать. И вот сбегаются из Малой Слободы дети, мужики, бабы, кто с острогой, кто с вилами хлевными, с ножами, забродят в протоку, пока совсем не стопит и ноги дна достают, – и ждут свою удачу... Крику-то сколько, крику, восторга: «Сёмга идёт!» Вот она,

стихия, живая природная жизнь... А сколько счастья, когда хват-мужик нанизывает сёмужину на острогу и, вскинув над плечом, будто копёшку сена, выбредает с добычей на берег, за ним вся семья от мала до велика, баба мокрая по грудь, сарафан, рыжий от няши, хлопает по лядвиям, глаза светятся восторгом. Изумительная картина, достойная кисти художника, которую уже не увидеть. Жаль, Попков пропустил мимо. Ему бы удалось написать. Всё с тех пор переменялось: и небо, и вода, и леса, и люди, и сам воздух.

Все заворожённо слушают меня. А Коля с грустью вздохнул:

– Я уже этого не застал. Всё умалилось, потускнело, поросло дурниной и одрябло, утратило напор и древние пути. Так мне кажется. Крапива стала хозяйкою. Помню, когда я получал в школе двойку, родителям дневник не показывал, боялся, но давал расписаться бабушке. Она ставила три большие буквы: СЮ, Степанида Ивановна Окулова. На большее грамоты не хватало. И вот, когда Гагарин полетел в космос, и все «ура» кричали, она мне и говорит: «Внучок, чего радоваться? Небо-то растычат, жить-то будет порато худо». А я смеюся: «Бабушка глупа, как ты такое говоришь, ничего ты не понимаешь». А нынче думаю: Боже мой, оказывается, была моя бабуля умнее миллионов образованных.

– Это природный ум, и даётся он от Бога. Когда первый самолёт поднялся в небо, тоже все кричали «Ура». А Лев Николаевич Толстой сказал: «Чему радуется? Надо сначала на земле жизнь наладить». И вроде бы он прав, как и Степанида Ивановна... Только если бы мир не стал таким сволочным и не правил в нём ростовщик-процентщик... Тогда другое... Но увы, Коля. Ибо нет на земле ни правды, ни справедливости, но одно безумие, которому нет укорота... Если бы в России не было нынче атома и ракет, то мировой кровосос и козлорогий дьявол-бафомет давно бы уселись на нашу шею и пожрали наше будущее.

– И всё же бабушка была права. Любопытство сведёт человечество в бездну, – упирался Николай. – Посмотри, как заторопились все, побежали вскачь за крысоловом с дудочкой, словно боятся опоздать. И Толстой был вовсе не дурак... («Любопытной варваре нос оторвали, не суй нос, куда не просят.») А от лишнего любопытства одно самовольство и самодовольство в людях, де – я сам себе Бог. И никакой тебе управы, что хочешь и ворочу... Помню, садились нас за стол восемь детей и четверо взрослых. И все выросли. Всех бабушка Степанида подняла... Какую натуру надо было иметь. Кажется, ну чего знали хорошего? Корову держали, а нельзя было сена заготовить, в лесных лахточках выкашивали и воровски выносили по ночам. Картошка и ячмень... Сладкие корешки на полях собирали... Рыбки когда добудем. И выжили ведь. И если была истинная радость в жизни, она вся там осталась, в детстве... Сейчас говорят: прежде чем завести ребёнка, надо квартиру заиметь. Испроказился народ, Владимирович. Ничего подобного, скажу тебе: надо сначала ребёнка родить, озадачить себя коренным смыслом жизни, а потом всё и появится

в трудах само по себе, и Господь поведёт тебя по нормальному руслу...

– И что это за коренной смысл жизни?

– Дети...

Виктор Кузнецов слушал, подперев голову, иль дремал, так усталость его одолела; весь размяк, разморился от избыточного тепла, из разговора незаметно выпал, уставясь в тёмное стекло, как в зеркальце, но, услышав про коренной смысл жизни, которому надо следовать, вдруг отстал от своего отражения в окне и сказал:

– Опять двадцать пять на восемнадцать. Боятся надсадиться... Я спрашиваю сына, когда детей делать будешь? Ты что, сухояловый? Так принимай меры. А он мне: мы сейчас над этим работаем. И неужели так трудно ребёнка на свет произвести? Ха-ха... Двадцать пять на восемнадцать.

– Несчастливые люди... Вот и одичали, что некем подпереться. Им кошечки, собачки. А рожать не хотят... От всего отказались, всему разучились, только подай машину под зад. Где то хорошее общее дело, за которое можно уцепиться перед бездной? Всема, чтобы. Всё деньги, деньги! – вспыхнул Николай, но тут же опомнился и присмысленным словам, которые прощально ещё вились под потолком и пока не унеслись в гудящую ночную тьму. – Не будет снова любимой бабушки Степаниды Ивановны и золотое детство не вернётся. Пришло в нашу заскорузлую жизнь «новье», оттёрло нас в сторону, значит, к нему надо привыкать. Так-нет? Совсем отменитая молодяжка растёт, и в ней не нахожу я себе места. Вроде рядом ходим, а чужие. Грубая, неуважливая, любит деньги считать. А мы-то горели! Так-нет, Владимирович?

Снова в политику влезать не хотелось, и я уклончиво ответил:

– Коля... Вечный конфликт: отцы и дети... Чего воду в ступе толочь?.. Для каждого времени свои грибы.

– Виктор Петрович, запевай свою любимую, – перебил Саша Антипин словесную «нудыгу». – Гулять приехали, пить да пить, да уху хлебать большими ложками, да сёмужьи косточки смоктать, а вы слезами захлебнулись, чисто весь пол залили. А что, разве не так? Где там у тебя, Николай, вехотёк? Лужу затереть надо.

Виктор подпер голову ладонью, уставил глаза в тарелку с рыбьим «косьём» и протяжливо затянул незнакому мне песню:

*Море-моряшко грозно плещется,
Бьёт волной в песок да накатисто.
А я совсем один-одинёшенек
Ловлю камбалу и печалюся.
Я печалюся, в даль морску гляжу...
Где-то там жена горе мыкает.
А горе мыкает, убивается.
Третий месяц муж в море шляется,
А в море шляется, не спешит домой...*

– Ну, ты и артист, – воскликнул Саша Антипин. – И не только артист, но и поэт... Наливай, Коля.

– Это я на Канине сочинил, на речке Каменице ловил камбалу. Сейчас мало кто туда ходит, нет таких мужиков, перевелись. Люди стали не те. Ходил Саша Коткин из Мезени, Вася Жуков из Кузьмогородского, да и тот умер. Ходили на Большую Боровую. Раньше много было становищ у мезенских рыбаков, сига ловили, камбалу, зимою навагу, кореха. Кресты, Малая Боровая, большая Боровая – были наши угодья, древняя русская земля, тыщу лет там промышляли, теперь отдали ненцам. Русских поморов «пограницы» не пускают. Дескать, Канин-земля коренного народа. А мы, русские, кто? тысячи лет тут живём, – и не коренные, да? И уже конфликт. А мы ненцев никогда не притесняли. На Руси земли много, всем хватит. Я без рыбалки-то не могу. Тянет... Вот наломаешься со снастями, холод, руки остаеют от воды и соли, пальцы скрючит, стянёт к ладоням, пока-то перечистишь улов, да перемоешь рыбу, да посолишь. Это большой труд – камбалий промысел, скажу вам, в няше по рассохи рюжи волочить. Большую силу надо иметь и упорство, и силу воли. – Виктор прислушался к своим словам, лицо стало каким-то младенчески ясным, неожиданно обстрогалось в скулях, обновилось, помолодело от воспоминаний. А может, свет от лампочки упал особенным образом? Он пошарил глазами растерзанный стол, подобрал рюмку. – Пустая? – удивился. – Сашок, наливай. – И кто, какой бес тянет человека из тёплой избы да в невзгодицу? – не пойму. Ведь не на пьянку-гулянку, не к бабе под бочок, а на край света, вроде бы на принудиловку к тундровым демонам, на каторжный труд. А вот поди ж ты... Так нелепо человек устроен. И чего ему неймётся? Весь угваздаешься, нитки сухой нет на теле, грязный, как чёрт, с неба дождь кропит, в лицо ветер-сиверик до костей пронимает, а надо ещё печь протопить в становье, какую-то еду сварганить, чтобы силёнки поддержать. И так каждый день до снегов, до шуги. А как стемнится совсем, выбредешь на берег, костерок запалишь. Искры в небо, к самым звёздам. А они под зиму низко висят, над самой головой, словно пашенца курыям насыпано. И порою на сотню вёрст ни одной живой души, только море в лицо дышит. Край света, заполярье... Пропадёшь ни за понюшку – и никто не хватится. Прихватит прилив, унесёт в море. Иль в няшу засосёт. И такое случалось... «Ах, костёр мой костёр... Ты совсем догорел. Пришлось встретить рассвет у потухших углей». Вот где настоящее глубокое чувство – это посреди природы. Кто в море не бывал, тот и Богу истинно не маливался. Так деды наши говаривали. Невольно запоёшь: «Ах, костёр мой костёр, ты совсем догорел. Ах, костёр мой костёр, я совсем поседел», – взрыдал Виктор, скрыл глаза ладонью. Винцо чувства раскаляет, но ослабляет сердце, гонит на жалость, добавляет слёзы. Ну как тут не восплакать, братцы мои?

– Виктор, ты бы сшил мне карбасок, – ласковым голосом перебил Николай. – Давно мечтаю... Так хочется на Канин по камбалы сходить.

– Почему не сошить. Сошью... У меня заказы-то со всех сторон, только управляйся. Лодки,

02 / 2017

карбаса... Мне бы только подходящий материал. Владимирович, приезжай следующей осенью... Я пароход построю, пойдём в море. Не веришь? Вижу по глазам, что не веришь... Настоящий пароход... Я всё могу... Мне внучка-то говорит: дедушко, спой «море-морюшко». Ты, говорит, так ни разу до конца и не спел, только до половины. Как дойду: «ну, а деточки-ягодиночки без отца растут сиротиночки», – так и заплачу. Нынче новую песню написал.

*На море штиль, зовёт и манит в дали.
Закинут якорь и не уйти за горизонт.
Но только штиль заманит и обманет.
Сегодня штиль, а завтра будет шторм...*

– Вот так и в жизни: сегодня штиль, а завтра будет шторм. Мысль-то работает, да не мог дальше найти продолжение. Трудно выразить словами-то. А что-то такое есть в груди, просится наружу. Ты, Коля, поэт, ты меня понимаешь... А карбасок я тебе к осени сошью.

– Ну, как не понять-то... – согласился Окулов.

– У тебя, Виктор, природное чувство меры, – искренне нахваливал Антипин. – Можно диск выпустить с твоими песнями... Слушай, Виктор, и как тебя на всё хватает? Карбаса, лодки, пароходы, рыбалка, дети, песни, стихи и другие добрые дела. Ты, может, и не спишь совсем?

– Ну, почему не сплю, Саша. Сплю... – отшутился Кузнецов. – Не спал бы, дак и «двадцать пять на восемнадцать» не было, ха-ха. У меня и батя экий же был ухорез, всё умел, только с парашютом не прыгал; в девяносто ещё за реку плавал по дрова. Это натура такая, по роду идёт. Не можем сидеть, сложа руки. Заражённые на работу.

– Владимирович, пойдём ко мне ночевать на печь, – прошелестел глухой голос Анатолия. – Лечить тебя буду.

Я отвернулся от напористого взгляда, сделал вид, что не расслышал. Покидать гостевой стол не хотелось, прикипел к стулу. И не заметил, в какую минуту «травник» Анатолий по-английски покинул стол.

– Вот бочки камбалой затаришь и с уловом – домой. В каждой деревне меня уже ждут к сроку. В подугорье спешат жонки с вёдрами, старухи с палагущками. Как на праздник. «Кислявой»-то рыбки каждый хочет. Дух от неё терпкий, на всю улицу. Несвычного человека из дому вышибает, как затычку из лагуна. А скусна, зараза такая, аппетит разжигает, и никакого от камбалки вреда, но одна польза – настоящее старинное русское кушанье. В Москве, Владимирович, такой рыбки тебе не подадут. Губы скривят? на сторону, дескать, жрут дикари какую-то погань. Не понимают, тупые, выжившие из ума люди, что это самый смак.

– Нет, не подадут, – поддакнул я, и невольно в памяти встала картина из детства.

Камбалу «печорского» посола прежде продавали в рыбном магазине. Стояла в углу в больших бочках-тресковках, с ржавчинкой по верхнему слою тузлука и терпким запахом, когда потревожит продавщица. Мать запекала её в ладке, и

«кислявая» рыба почти растекалась в глиняной посудине, теряла очертания; улив постного масла и настрогав лучку в «жарёху», чинно макали с хлебом и картошкой, каждый «волочил» щепотью из своего края, не зарясь на чужую сторону. Дух «кислявой» камбалки прочно поселялся в избе, жил неистребимо, но к нему скоро привыкали, как к дождю-ситничку и позёмке за окном.

– Ну, наловили рыбы, а как сохранить, до дому довести? Особенно, если рыба вёшного улова. Это большой вопрос, непростое дело. А в старое время соль дорогая была, может, и дороже хлеба стоила. Вот и наловчились квасить. Соление рыбы – процесс, – снова завладел столом Виктор Кузнецов. – По запаху узнают и по виду: если вспучилась – перезрела. Недозрелую – ещё можно ись, но уже не того калибра она, вкус не тот. Мезенские старухи хорошо разбираются в камбале «печорского засола». У неё особый запах, на тухлятину не отдаёт. Им стоит только нюхнуть. Сначала в морской воде рыбу держат, пока не вздуется. Мало рассказать, надо руку иметь, какую-то интуицию, до какой степени томить камбалу, чтобы не спортилась, но перешла в «кислявую». Потом переносят в «тузлук», где она должна закрепиться. И всё на чуть-чуть... Чтобы и соли лишку не кинуть, не пересолить, не передержать. И тогда она долго стоит. У «кислявой» и вкус отменитый, нежный, а у солёной рыбы жёсткий, пригрубый, опять двадцать пять на восемнадцать. Её отмачивать надо. А куда денешься? Да, чего я рассказываю вам, ребята, только время зря отнимаю; вы, мезёхи, и «сами с усами».

– А вот этого-то я и не знал, что камбалу держат в морской воде, – признался Коля. – Во всём нужна мера и толк. А несведущие люди думают, что мезенцы тухлую рыбу едят... У меня племянник молодой, а до чего мудрый, блин. Я не знаю, откуда чего и нахватался. Так рыбу солит хорошо. Я ведь кладу в бочку плашмя, а он на рёбрышко. Аккуратно у него всё, родовое какое-то умение, до всего приспособился. Лошадь дёржит, корову, гусей развёл. У него стадо идёт от двора на болото, на всю улицу разговаривает. Ёк-мака-рёк. Спрашиваю: откуда у тебя дико стадо? Нет, говорит, это мои. Для севера-то невиданное дело, братцы... Одинакова мучка, да разны ручки. Вот за это стоит выпить... Сашок наливай. Пьём вино, чтоб не прокисло оно. – Взглянул на волю, прислонив лицо к чёрному с отливом стеклу, за которым дегтярной темью налилась глухая ночь. – Добры-ти люди уже выспались, поди, вставать норовят, чтоб скотину обряжать, да печь затапливать. А мы ещё и не ложились. Под хороший-то сон, товарищи дорогие, не почитать ли мне стихов? Немножко, совсем чуть-чуть. А то были на трапезе у поэта и не послушали. – Откуда-то сбоку, неуловимым движением Коля выдернул толстую пачку бумаги, водрузил на колени. Увидев мой испуганный, нервный взгляд, спохватился, успокоил. – Нет-нет, Владимирович... Поэму читать не буду.

– Просвети, Николаюшко, – милостиво разрешил Саша Антипин. – Поддай страждущим пищи

духовной. Хи-хи-хи. Владимирович тебе разрешает. Это на закуску, вместо сёмужьей ухи.

– Ехидна, ты, Сашок, и жалкая тень человека.

*Мы живём на Севере далёком
Посреди архангельских лесов,
Где ночами светятся высоко
Звёзды, как глаза полярных сов.
Здесь бывает ярко так расцвечен
Северным сияньем небосвод,
Что в ночи морозной или в вечер
Слышно, будто кто-то там поёт...*

– Ну вот, пожалуй, ещё парочку. – Коля повернул пачку бумаги на коленях, как бы проверяя её ёмкость и вес, из глубины выхватил на ощупь несколько страниц: «О поселенья тихой грусти Среди заснеженных равнин. России милой захолустья, Я не чужой вам, кровный сын». Читал Николай уныло, монотонно, как все русские поэты, углубясь в своё нутро, в самую сердцевину души, мало заботясь о «прочем народе», вернее, бунчал, часто запинясь, худо прочитывая свой текст усыпляющим, умирающим голосом, отваяясь на спинку стула, иногда вспыхивал на мгновение и тут же вновь угасал, переходя на шёпот. Трудно было измерить в мерном бульканье поэтического родника его глубину, его переливы, его гармонию и дерзость, оценить смысл и творческую силу, тем более что под пьяную лавочку всё хорошо, всё удивительно ладно и до умиления гениально. Но по отдельным строкам, выбивающимся из словесного потока, понятно было, что у Николая искренняя интонация и поэтическое чутьё на слово. Читал Николай минут сорок, нас уже была нервная лихорадка, Александр раз пять выползал на волю покурить, кряхтя снова усаживался за стол, звякал вилок о рюмку, давал остерёг, дескать, пора на перерыв. Но русского поэта, когда он входит в экстаз, трудно ошеломить даже стенобитной пушкой над ухом. Вдруг Коля поперхнулся слюной, обвёл нас каким-то отстранённым диковатым взглядом и сказал, дескать, я бы ещё почитал, тут у меня много чего написано, – он потряс над столом пачкой заскорузлой

зальсевичей бумаги, – да скоро пора на реку ехать. Молча, с разочарованным видом перебрал бутылки: нет, не набулькать, не выдавить целебных капелек.

– Замечательно посидели, – сказал Антипин, – слава Богу, никому морду не набили, зла в рюмках не оставили. Вроде бы пили, а не пьяны, так хорошо посидели. На часах четыре и времени не заметили.

Виктор Кузнецов долго натягивал башмаки, топтался у порога, словно забыл какое-то дело и не мог вспомнить. Может, уходит из тепла не хотелось или не было высказано самое главное, возле чего толкли разговоры весь вечер, но смысл так и обошли стороной.

– Спасибо хозяину за угощеньице, к нам отгасивать. – Поклонился, отыскивая взглядом икону. – Ну, дак как, Николай? В семь утра на ногах?

– Я готов... Я проснусь. Только стукнишь в окно, и я буду готов. Рыбака одна заря красит. Поймаем – хорошо, а нет – дак уж всё.

Николай закрыл за гостем дверь, повалился поверх одеяла, не раздеваясь. Я упал на кровать и уплыл. Кажется, и не спал вовсе, только смежил глаза и каким-то посторонним слухом услышал, как тетеньнуло стекло, закряхтел, поднимаясь, Николай, зашумел под горою мотор, и звук его, истончаясь до комариного писка, иссяк за поворотом реки.

Время свилось в тугой свиток, часы обернулись минутами. На кухне бродили мужики, стараясь не шуметь, обсуждали поход, и по весёлому возбуждённому тону голоса я понял, что рыбалка получилась. В окно светило прощальное осеннее солнце, в приоткрытую дверь сочился сладковатый густой дух вспоротой сёмги, слышалось бульканье кипящей воды, бас Саши Антипина, тонкий, вздох, голос Виктора:

– Без рюмки-то никак не закипит...

...И вот уха на трезвую голову, без опохмелки.

Прощаясь, Виктор сказал: «Владимирович, приезжай. Я построю пароход, пойдём в Ледовитый океан».

Уважаемые друзья!

На наши издания вы можете подписаться в редакции, воспользовавшись редакционной подпиской, а также на почте или в интернете (онлайн подписка). Журнал «МИР СЕВЕРА»:

Периодичность выхода – 6 номеров в год; раз в два месяца.

Минимальный срок подписки – два месяца (на один журнал);

в КАТАЛОГЕ «Роспечати»: Индекс – 47303.

Газета «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»:

Периодичность выхода – 46 номеров в год; 23 – в полугодие; Минимальный срок подписки – на 1 месяц (количество выходов газеты за полугодие отличается по месяцам);

в КАТАЛОГЕ «Роспечати»: Индекс – 50232; в «КАТАЛОГЕ ПОЧТЫ РОССИИ»: Индекс – П3293;

в «КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ» («МАП»): Индекс – 60584;

По вопросам редакционной подписки, а так же приобретению предыдущих номеров журнала и газеты обращайтесь по телефонам: 8 (495) 694-23-24, 8 (495) 694-03-65, Факс: 8 (495) 694-50-10; или на E-mail: litrossia@litrossia.ru





XX ЛЕТ С ЧИТАТЕЛЯМИ

1997-2017

Уже два десятилетия мы освещаем процессы, происходящие в Арктике, знакомим читателей с проблемами и достижениями русского Севера, с писателями Приполярья, Сибири и Дальнего Востока, культурой и историей этносов, населяющих Север России.

Предлагаем нашим читателям принять участие в юбилейных номерах журнала. Ждём от вас материалы по следующим направлениям:

- 1) О неизвестном Севере (история освоения, открытия, исследования);
- 2) Север в моей судьбе;
- 3) Перспективы развития Севера в XXI веке.

Присылайте ваши статьи, эссе, воспоминания, исследования (с темой "Мир Севера") на электронную почту litrossia@litrossia.ru.

Лучшие материалы будут отмечены премиями.

